Джефф Роллс
Классические случаи в психологии

«Классические случаи в психологии»: Питер; Москва; 2010
ISBN 978-5-49807-397-2

Аннотация

Вес мозга сто пятьдесят граммов, но при этом высочайший IQ? Неожиданное прозрение в возрасте пятидесяти двух лет? Феноменальная память или полное ее отсутствие? Убийство и изнасилование на глазах тридцати восьми равнодушных свидетелей?

Эти и многие другие удивительные случаи, ставшие в психологии классикой, собраны и проанализированы в книге известного английского психолога Дж. Роллса.

Издание адресовано психологам, психотерапевтам, представителям смежных специальностей, студентам профильных факультетов высших учебных заведений, а также всем интересующимся.

Классические случаи в психологии

Предисловие к российскому изданию

Среди множества литературы по психологии мало книг, которые можно назвать бестселлерами. И вот перед вами книга Джеффа Роллса: ее трудно отнести к жанру чисто научной литературы, но она, несомненно, является психологическим бестселлером. В ней описаны истории людей, ставших в силу их уникальных психологических особенностей объектами научного исследования и давших толчок для развития новых направлений в психологии или для пересмотра старых представлений по тем или иным вопросам, следовательно, книга повествует и об истории появления в психологии тех или иных направлений.

В издании собрано шестнадцать случаев, изученных психологами. В нем рассказано и о человеке с феноменальной памятью, и о человеке, потерявшем память (причем и тот и другой испытывали от этого большой дискомфорт), о человеке, которому врачи вернули зрение, но это не сделало его счастливым (напротив — он испытал разочарование от увиденного и потерял уверенность); о девочке и мальчике, оказавшихся по разным причинам в течение многих лет в изоляции от общества, и о мальчике, который испытывал непреодолимую и навязчивую потребность в постоянном мытье, о мальчике-гении, который, как и другие гении и таланты, испытывал большие трудности адаптации в обществе и поэтому ему приписывали аутизм; в книге поведано и о вопиющем случае, связанном с феноменом «перекладывания ответственности», объясняющим, почему люди могут оставаться равнодушными к беде другого человека. Впрочем, нет смысла перечислять все описанные в данной книге «классические» истории из психологии. Заинтересованные читатели уже по ее оглавлению могут судить, о каких уникальных случаях идет речь.

Рассказывая о различных казуистических («классических») случаях, привлекших внимание психологов, автор придерживается одного стиля, который схож с написанием врачами истории болезни и который, с точки зрения психологии, можно отнести к психобиографическому методу изучения личности, который в отечественной психологии еще в 60-х годах прошлого века отстаивал Б. Г. Ананьев. Отсюда и подробное описание биографий героев, результатов изучения врачами и психологами нарушений или особенностей, анамнез имевшихся у них заболеваний и даже биографические сведения о самих ученых, оказавших на своих пациентов положительное или отрицательное влияние.

Надо отдать должное автору книги: написана она очень талантливо, читается легко, как увлекательный роман, поэтому для жаждущих познать необычное, любопытное чтение этой книги, надеюсь, доставит удовольствие. Однако меня лично интересовала не сенсационность описываемых случаев, а научное значение этой книги.

Хотя книгу Джеффа Роллса скорее можно отнести к жанру научной беллетристики, она, несомненно, представляет и чисто научный интерес, особенно для начинающих психологов. Дело в том, что описание каждой истории заканчивается либо рассмотрением различных психологических теорий, связанных с конкретным случаем, либо обсуждением эффективности применяемых методов коррекции имеющихся отклонений в поведении. Поэтому подробное биографическое описание казуистических историй на самом деле является лишь поводом для разговора о важных, а подчас и глобальных научных и практических проблемах психологии. Например, в ряде глав поднимается вопрос о соотношении биологического (врожденного) и социального (воспитания, требований социума) в развитии личности и ее идентификации. В советское время (а кое у кого и сейчас) имелся явный перекос при рассмотрении этой проблемы в сторону социума. Описанные автором случаи убедительно показывают, что не все в человеке подвластно воспитанию.

Конечно, специалистам в области психологии, особенно клинической психологии и нейропсихологии, эти случаи известны, о чем пишет и сам автор. Однако Джеффом Роллсом описаны некоторые подробности, которые не отражены в учебниках и которые могут быть не известны даже специалистам, поскольку автор при написании этой книги использовал первоисточники, т. е. научные описания случаев, ставших «классическими». Эти первоисточники, за исключением брошюры А. Р. Лурия «Маленькая книжка о большой памяти», труднодоступны для нашего читателя, и в этом также состоит дополнительный интерес данного издания для наших психологов.

Все описанные автором случаи — уже история, и хотя говорят, что история ничему не учит, в данном случае это не так.

Роллс убеждает, что не только экспериментальный метод изучения психики с его возможностью воспроизведения полученных данных имеет право на существование, но и рассмотрение отдельных казуистических случаев может принести неоценимую пользу науке, заставляя ученых искать объяснение тем или иным странностям в поведении или проявлениям психики. Причем при рассмотрении таких индивидуальных случаев важен сбор анамнеза и биографический метод изучения личности.

В то же время описание «классических» случаев показывает, что их изучение требует большого терпения исследователя, учета многих обстоятельств и факторов, но даже это не гарантирует окончательного решения научной проблемы, так как каждый человек по-своему уникален, и как эта уникальность влияет на изучаемое явление, неизвестно. Такие случаи дают толчок мысли ученого, но приближение к истине возможно лишь при анализе аналогичных случаев и проведении соответствующих экспериментов.

Рассмотрение «классических» случаев Джеффом Роллсом дает еще один урок молодым психологам, как занимающимся научной деятельностью, так и практикам. Эти истории показывают, через какие нравственные муки пришлось пройти некоторым героям ради науки (например, Дэвиду Реймеру — вследствие того, что ученый Джон Мани пытался провести изучение не столько во благо науки и всего человечества, сколько ради своих амбиций, своей карьеры, упорно отстаивая путем сокрытия ряда фактов свою ошибочную научную концепцию). Автор показывает, как ломаются судьбы не только пациентов, но и самих ученых. В этой и других историях Джефф Роллс поднимает вопрос о моральной ответственности врачей и психологов за выбираемые ими способы воздействия на пациентов, которые не должны подавлять личность и приносить вред психическому здоровью испытуемого. Показательна в этом плане и история младенца Альберта, с которым Джон Уотсон проделывал эксперименты по условно-рефлекторной выработке страха, явно пренебрегая этической стороной этих экспериментов. Неслучайно в наше время принят этический кодекс психолога, запрещающий наносить пациентам и испытуемым физическую

или психическую травму.

Книга Джеффа Роллса, несомненно, представляет интерес для психологов различных специальностей. Она может служить хорошим подспорьем для преподавателей психологии в качестве иллюстраций для лекций. Но особенно она полезна для начинающих и молодых психологов — именно эта книга может предупредить их от ошибок, связанных с нарушением этических норм при взаимодействии с пациентами и испытуемыми.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Е. П. Ильин

Вступительное слово

Откройте любой учебник по психологии, и вы найдете в нем определение этой дисциплины, которая именуется «наукой». Наука психология, которая обычно определяется как «научное исследование психики и поведения», традиционно позиционирует себя в категории естественных наук (таких, как физика или химия). Но никогда не утихали жаркие споры о природе этой науки и обоснованности ее попыток изучать человеческую психику и ее внешние проявления (поведение), используя методы (в частности, лабораторный эксперимент), заимствованные у естественных наук.

Для тех «практичных» научных психологов, которые верят, что эксперимент является «методом выбора», исследование конкретного случая — т. е. углубленное изучение индивида, пары индивидов (например, близнецов) или целой семьи — находится на противоположном краю спектра научных методов. Большинство таких специальных исследований основывается на изучении одного или двух индивидов (а не групп разных размеров) и часто является продолжением работы *клиницистов* (психологов, психиатров и других специалистов, занимающихся лечением людей с психологическими проблемами или психическими расстройствами). В этих случаях психологи или психиатры не собираются проверять теорию и публиковать полученные результаты подобно тем исследователям, которые проводят эксперименты. Исследование конкретного случая — это «выход из штопора», т. е. обычно неожиданный результат работы с особенно интересными и нетипичными, а иногда и уникальными пациентами или клиентами. Но, по мнению «практичных» психологов, несмотря на то что такие исследования могут быть интересными сами по себе, они имеют невысокую научную ценность. Но почему? Потому что ни один другой психолог не может повторить или воспроизвести такое исследование — а именно эта способность повторения и воспроизведения делает эксперименты особенно привлекательными для ученых.

Но не упускается ли при этом что-то очень важное? Ведь именно уникальность и необычность индивидов, ставших предметом специальных исследований, придает им бесценное значение с точки зрения наших попыток понять человеческую психику — а значит, и самих себя. Какими бы «уникальными» ни были эти индивиды, они всегда являются узнаваемыми человеческими существами, а не какими-то чужеродными особями, которые возбуждают интерес, но настолько отличаются от всех нас, что мы не можем разглядеть проявлений нашего нормального «я» в их аномальном, а иногда и эксцентричном поведении.

Возможно, этот момент является самым важным. То, что другой психолог не может повторить исследование конкретного случая, не делает это исследование недостоверным. Напротив, исследуемое поведение, вероятно, будет просто гиперболизацией или искажением более обычного («нормального») поведения — так как оно будет извлекаться из того же самого «общего фонда».

Более похожие на романы, чем на отчеты о научных экспериментах, описания исследований конкретных случаев сосредоточиваются на тех подробностях, которые делают

человеческие существа такими очаровательными и такими необыкновенно сложными. Они рассказывают «историю», которая не только интересна, увлекательна, а иногда забавна сама по себе, но и содержит информацию обо всех нас. Что делает их «наукой», а не литературой, так это то, что психологи или психиатры устанавливают отчетливую связь истории с какой-то научной теорией, которая представляет собой формальную объективную попытку понять и объяснить поведение.

Хотя они могут читаться как «истории», все же они пишутся не для развлечения публики (хотя вполне могут оказывать такой эффект). Их назначение состоит в том, чтобы вносить вклад в наше научное понимание самих себя, причем иногда с важными практическими последствиями (как при использовании лечения и терапии для того, чтобы помочь людям справляться с их психологическими проблемами).

Джефф Роллс как преподаватель психологии и популярный автор отражает эти разнообразные аспекты исследований конкретных случаев в своей уникальной, прекрасно написанной книге. Он выбрал несколько специальных случаев (включая самые известные в разных разделах психологии), о которых, возможно, известно многим людям, не являющимся профессиональными психологами. Эти случаи отражают широкий спектр разновидностей человеческого поведения — как аномального, так и просто необычного или своеобразного. Однако описанные здесь люди не демонстрируют поведение, уникальное для человеческих существ; скорее, они демонстрируют поведение в таких острых формах, каких мы обычно не наблюдаем ни у себя, ни у других людей.

Каждая глава содержит резюме рассматриваемого случая (как это делается в книгах или научных журналах), а способность Джеффа концентрировать большое количество информации на нескольких страницах одной главы и при этом все равно рассказывать интересную «историю» является достоинством само по себе. Но ему также удается вплести в ткань этих историй краткие описания научных теорий и результаты близких по теме исследований, что позволяет придать рассмотрению этих конкретных случаев большую научную строгость. Мне кажется, что он сумел сделать это таким образом, что и обычный читатель (возможно, ничего не слышавший об этих случаях прежде), и специалист в области психологии (который знаком с этими случаями, но, скорее всего, не знает многих их подробностей, приведенных в этой книге) наверняка узнает что-то новое о человеческом поведении, чего он не знал прежде. Но я уверен, что и тем и другим «истории», рассказанные Джеффом, покажутся интригующими и увлекательными.

Ричард Гросс

Предисловие

Эта книга полна странных историй. Психология как научная дисциплина очаровывает многих людей, и из всех историй, которые она рассказывает, самые очаровательные возникли в результате изучения конкретных случаев. Эти истории могут быть самыми разными: от историй о людях, не имеющих памяти, и до историй о людях, которые ничего не могут забыть; от историй о брошенных детях, живших в одиночку в лесу, и до историй о малолетних гениях. Без сомнения, эти истории образуют один из самых интересных аспектов психологии как науки.

Они могут оказаться очень познавательными с точки зрения углубления нашего понимания человеческого поведения. Но проблема заключается в том, что все мы хотим знать больше, чем рассказывается в учебниках. Специальные журналы концентрируются на научных аспектах, в то время как мы хотим также знать, что происходит на обыкновенном человеческом уровне. Вести себя сходным образом — на что это похоже? Быть таким, как эти люди, — что это значит? Как они себя чувствовали? Как они справлялись с трудностями? Что произошло с ними потом? Эта книга пытается заполнить подобные информационные пробелы.

Важные открытия в психологии часто делаются на основе результатов одноразовых

специальных исследований. Такие исследования конкретных случаев часто завораживают и профессиональных психологов, и рядовых читателей. Применение метода исследования конкретного случая (так называемого казуистического метода) помогает приблизить психологию как науку к нашей повседневной жизни — оно придает концепциям психологии человеческое лицо.

Используемый в этой книге подход может быть назван «литературной наукой», так как он основан на совместном использовании литературы и науки. Исследования конкретных случаев представляются как истории человеческих судеб, но у каждой такой истории рассматриваются ее научный и психологический аспекты.

Ученые-психологи узнают многие из историй, представленных в этой книге, и наверняка захотят узнать о них больше. Для тех же, кто только начинает интересоваться психологией, эта книга станет интересным и полезным прологом к изучению величайшей в мире тайны — познания всех аспектов человеческого разума и человеческого поведения.

Выражения признательности

Работа над книгой неизбежно требует самоизоляции и уединения. Тем не менее в процессе написания этой книги я получал помощь от многих людей.

Я хотел бы поблагодарить Ричарда Гросса за поддержку и помощь в работе над этим проектом и за его согласие написать вступительное слово. Тот факт, что он является одним из самых славных людей, которых только можно встретить, сделал мой творческий процесс еще более приятным.

Эмма Вулф из *Hodder Arnold* с энтузиазмом оказывала мне необходимую помощь. Я счастлив тем, что имел возможность работать с таким знающим и неравнодушным издателем. Кроме того, ее необычайно развитое чувство юмора помогало ей понять некоторые из моих шуток. Как и в случае с предыдущими книгами, Джо Линкольн также помогал мне во всех аспектах подготовки конечного продукта. Я благодарю Ричарда Аугустаса за то, что он использовал свои замечательные творческие способности для создания отличной обложки!

На протяжении всей работы над книгой я ощущал поддержку работников издательства. Особого упоминания заслуживают Алекс Банке, Энди Понд, Джудит Мунро, Бет Халфорд, Мишель Уайт и Шони Бретт. Пэт и Брайан Мэрфи дали мне несколько ценных советов. Желаю им успешной карьеры в издательской деятельности! Хилари Карр помогла мне найти несколько самых малоизвестных исследовательских работ. Большое спасибо доктору Роджеру Ингхему за его полезные рекомендации и многолетнюю дружбу.

Написание книги неизбежно требует многочасовой изоляции от семьи. Моя верная спутница Ева неизменно оказывала мне самую разнообразную поддержку. Благодаря своей постоянной готовности читать и обсуждать написанное и вносить свои предложения она стала моим незаменимым помощником. Мои дети, Билли и Элла, также выделяли мне время на «своем» компьютере и оставались неизменными источниками моей гордости, радости и веселья.

Подробно изучая материалы исследований конкретных случаев, я испытывал благоговейный восторг перед тем, чего может добиться человек даже в самых тяжелых условиях. Я с глубоким уважением отношусь к жизни каждого человека, ставшего одним из героев этой книги.

Будучи человеком, я, разумеется, допустил в этой книге какие-то ошибки, но ответственность за них я целиком и полностью принимаю на себя.

Введение

Психологи продолжают спорить о научном статусе психологии. Почти нет сомнений в том, что научные результаты вызывают больше доверия, чем слухи или субъективный опыт.

Однако, когда дело касается человеческого разума и поведения, часто бывает трудно провести контролируемый научный эксперимент, который бы не нарушал существующих морально-этических норм. Именно здесь исследования конкретных случаев оказываются особенно полезными. Они предоставляют ученым возможность изучать особые формы психической деятельности и поведения человека, которые невозможно изучать другим образом. Исследуя экстраординарное, мы можем больше узнать об ординарном.

Использование метода исследования конкретных случаев (казуистического метода) имеет в психологии давние традиции. Действительно, он является одним из самых ранних методов: первый отчет Итара об «Enfant Sauvage» («диком ребенке») датирован 1801 годом (см. гл. 12). Со временем появились многочисленные книги, предоставлявшие уникальные инсайты (сведения) о необычных недостатках или удивительных способностях людей. Однако обычно эти книги были написаны врачами-невропатологами, а конкретные случаи имели отношение к тем пациентам, с которыми они сталкивались при выполнении своих профессиональных обязанностей. Особенность этой книги состоит в том, что она предоставляет подробное описание наиболее известных исследований классических случаев — исследований, о которых упоминается во многих учебниках по психологии. Разумеется, о самых известных из этих исследований были написаны целые монографии и многочисленные статьи, но в этой книге все главы представляют собой легко усваиваемую квинтэссенцию материалов, относящихся к особо интересным и показательным аспектам каждого случая. Помимо научной важности каждого исследования этих случаев, анализируется и человеческий аспект переживаний каждого индивида. Это сделано в надежде на то, что мы будем относиться к людям, описанным в этих историях, как к человеческим существам со своими уникальными способностями или недостатками, а не просто как к объектам исследования.

Лурия описывает два противоположных подхода к изучению человеческого поведения. Один из них он называет «классической», а другой — «романтической» наукой.[1] Классическая наука имеет своей целью формулирование «абстрактных всеобщих законов», которые могут «свести жизненную реальность со всем ее многообразием деталей к абстрактной схеме». Он отмечает, что с приходом компьютеров эта цель становится все более и более отчетливой в том смысле, что наблюдения теперь могут быть сведены к комплексному математическому анализу. В этой книге делается попытка использовать так называемую «романтическую», или «литературную», науку. Представленные в ней истории имеют научный смысл и помогают иллюстрировать области психологии, но они написаны с человеческой точки зрения — т. е. являются *человеческими* историями.

Исследования конкретных случаев широко используют в юриспруденции, бизнесе и медицине, но они имеют меньшее применение в психологии. Это досадный факт, так как, по-видимому, некоторые случаи запоминаются нами очень живо и ярко и помогают гуманизировать науку и иллюстрировать достижения психологии.

Составление описания исследования конкретного случая подразумевает сбор подробной информации об индивиде или группе. Обычно она включает в себя подробные биографические сведения, а также представляющие интерес особенности поведения и получаемого опыта. Такие случаи позволяют исследователям изучить конкретного индивида гораздо глубже, чем с помощью экспериментов. Казуистические методы относятся к так называемым качественным методам и поэтому их результаты не так просто представить в числовом виде; по этой причине часто используют печатные описательные отчеты, в которых сообщается, какие ощущения или мысли вызывает у наблюдаемого индивида рассматриваемая проблема.[2] Эти методы обычно критикуют за то, что они являются

[1] Bruner J. C. Foreword (1987) в кн. Luria A. R. *The Mind of Mnemonist* . New York: Basic Books, 1968 (1987 reprinted edn.).

[2] Существуют и «более количественные» методы для исследований отдельных конкретных случаев, — эти

недостаточно «научными», и поэтому считаются менее ценными, чем более строгие экспериментальные методы, использующие статистический анализ.

Другой отмечаемый критиками недостаток заключается в том, что иногда исследователь, изучающий конкретный случай, может предвзято интерпретировать или описывать наблюдаемые события. Такая «субъективность означает, что часто бывает трудно отделить фактическую информацию от предположений исследователя. Однако само по себе это не принижает значения рассказываемых историй. Действительно, узнать многие мелкие подробности из первых уст было бы невозможно, если бы исследователь не устанавливал теплых и дружеских отношений с главными действующими лицами истории. Этот факт, вероятно, следует рассматривать как достоинство, а не как недостаток данного подхода.

Исследования конкретных случаев могут помочь пролить свет и на частные, и на общие психологические проблемы. Они помогают психологам изучать поведения и переживания, которые являются настолько уникальными, что их невозможно изучать никакими другими способами, и позволяют исследовать человеческое поведение, которое никогда не рассматривалось ранее или просто считалось невозможным. В книге приводится множество примеров, иллюстрирующих эти выгоды.

Бромлей (Bromley)[3] утверждал, что исследования конкретных случаев составляют «основу научного исследования» и что интерес психологов к экспериментальным процедурам способствовал ослаблению внимания к этой области. Исследования конкретных случаев обладают тем преимуществом, что они обеспечивают более глубокое понимание индивида, признают и подчеркивают многообразие людей. Поскольку такие исследования занимаются «реальными конкретными людьми», они создают особое ощущение правдоподобия их жизненных историй. Это помогает сделать такие истории хорошо запоминаемыми. Однако исследования конкретных случаев критикуют за их ненадежность (нет двух одинаковых случаев) и за то, что их результаты не всегда можно переносить на других людей. Но всегда ли мы должны находить универсальные истины о нашем поведении? Иногда вполне достаточно исследовать уникальную жизнь конкретного индивида.

Утраченная невинность: история Джини

В один из ноябрьских дней 1970 года Ирена В. в сопровождении своей тринадцатилетней дочери направилась в местное бюро социального обеспечения в пригороде Лос-Анджелеса для оформления инвалидности по зрению. Будучи практически слепой на один глаз и имея катаракту, вызывающую девяностопроцентную слепоту на другой глаз, Ирена по ошибке вошла вместе с дочерью в отделение общей социальной помощи. Эта ошибка навсегда изменила их жизнь. Когда они подходили к приемной стойке, социальный работник с изумлением смотрел на дочь Ирены: внешне она выглядела как ребенок лет шести-семи, была сутулая, имела шаркающую походку. Служащий немедленно вызвал своего начальника, после чего началось расследование. В итоге мир узнал о девочке, которая в течение тринадцати лет находилась в изоляции и подвергалась нечеловеческому обращению. Впоследствии она вошла в историю психологии под именем Джини.[4]

случаи заметно отличаются от случаев «естественным образом появляющихся оригиналов», которые мы рассматриваем в этой книге.

[3] Bromley D. B. *The Case Study Method in Psychology and Related Disciplines* . Chichester: Wiley, 1986.

[4] Джини (Genie, что переводится с английского как джинн) — вымышленное имя, использованное учеными для того, чтобы скрыть истинное имя девочки. По-видимому, выбор оказался удачным — благодаря такому имени создается впечатление, что ребенок появился из ниоткуда. Более подробный отчет о Джини см.: Rymer R. *Genie: A Scientific Tragedy* . New York: Harper Collins, 1993.

История семьи

Ключевой фигурой в истории Джини и тем человеком, которому в последующие годы пришлось провести с этой девочкой немало времени, оказалась Сьюзен Кертис, выпускница факультета лингвистики Калифорнийского университета. Позднее Кертис написала и опубликовала докторскую диссертацию о Джини.[5] По ее мнению, «чтобы понять этот случай, необходимо было понять историю семьи». Предполагалось, что исследование истории семьи Джини позволит найти объяснение той невероятной ситуации, в которой оказалась эта девочка.

Ирена росла в обычных условиях: любивший дочь отец был много занят на работе, а ее мать была строгой и неприступной женщиной. В детстве с Иреной произошел несчастный случай: однажды она поскользнулась и ударилась головой. В результате полученного неврологического повреждения она ослепла на один глаз, что ограничило ее возможности ухаживать за собой и своими близкими. В двадцатилетнем возрасте она вышла замуж за Кларка В., который был вдвое старше ее. Хотя они и встретились в Голливуде, история их союза не имела счастливого конца.

В начале Второй мировой войны Кларк легко нашел себе работу и проявил себя настолько ценным специалистом в авиационной промышленности, что решил продолжить эту трудовую деятельность и в мирное время. Внешне Ирена и Кларк выглядели счастливыми и удовлетворенными, но дома Кларк, как рассказывала впоследствии Ирена, пытался чрезмерно ограничивать ее свободу. Она утверждала, что ее жизнь фактически закончилась в день бракосочетания. Одна из особенностей Кларка состояла в том, что он не хотел иметь детей. Однако через пять лет после свадьбы Ирена все же впервые забеременела. Во время пребывания в больнице, где ей залечивали травмы, нанесенные мужем, Ирена родила на свет здоровую дочь. Однако через три месяца ребенок умер. Официально причиной смерти была названа пневмония, однако, по некоторым предположениям,[6] ребенок, оставленный родителями в гараже, умер от переохлаждения. Их второй ребенок умер от заражения крови вскоре после рождения. Третий ребенок, мальчик, родился здоровым, но из-за плохого ухода развивался очень медленно. Воспитывать его помогала бабушка, мать Кларка, зачастую находившаяся при ребенке по нескольку месяцев. В апреле 1957 года у супругов родился четвертый ребенок, дочь. Ей удалось выжить после появления на свет благодаря проведенному переливанию крови, но к тому времени бабушка уже была слишком стара, чтобы помогать ухаживать за девочкой. Ирена и Кларк были вынуждены воспитывать дочь своими силами. Обследование девочки, проведенное в пятилетнем возрасте, показало, что ее развитие было «замедленным» и «запаздывающим».

В этот период с матерью Кларка произошел несчастный случай, имевший важные последствия для всей семьи. Однажды, когда эта старая женщина переходила дорогу, чтобы купить мороженое своему внуку, ее насмерть сбил автомобиль, скрывшийся затем с места происшествия. Кларк был очень привязан к своей матери и после трагедии впал в глубокую депрессию. Виновный в происшествии водитель отделался условным наказанием. Кларк чувствовал себя оскорбленным: он счел, что общество отнеслось к нему несправедливо, и начал все больше и больше изолировать себя от окружающего мира. Он решил, что сможет обойтись без этого мира и его семья должна последовать его примеру. Кларк бросил работу и заперся в собственном доме.

К несчастью, Кларк посчитал, что лучший способ защитить свою семью состоит в том, чтобы держать ее взаперти. Он думал, что обязан помешать этому злобному миру воспользоваться уязвимостью своих близких. А они в самом деле были очень уязвимы, оттого вынуждены оставаться его пленниками в течение последующего десятилетия.

---

[5] Curtiss S. *Genie: A Psycholinguistic Study of a Modern-day «Wild Child»* . New York: Academic Press, 1997.

[6] Rymer. *Genie* , p. 13.

Возможно, Кларк не осознавал, что они беззащитны перед его собственным пагубным поведением, которое причиняло им гораздо больше вреда, чем любое зло, с которым они могли столкнуться в окружающем мире.

Изоляция

После того, как история Джини стала достоянием гласности в результате посещения матерью и дочерью бюро социального обеспечения, было установлено, что девочка провела почти всю свою жизнь (тринадцать лет) в маленькой спальне в доме на Голден Вест авеню в городке Тампл-Сити в Калифорнии. Большую часть времени она была вынуждена сидеть на детском стульчике-туалете. На ее ягодицах от многолетнего сидения на этом приспособлении образовался след в виде круговой мозоли. Девочка имела возможность лишь шевелить своими конечностями и пальцами рук и ног. Иногда на ночь ее помещали в узкий спальный мешок, который напоминал скорее смирительную рубашку. Затем девочку укладывали на детскую кроватку с проволочным матрацем и накрывали проволочной сеткой.

Ей строго запрещали издавать любые звуки, а если она нарушала запрет, то отец бил ее палкой. Сам он в ее присутствии лишь издавал лающие звуки и рычал на нее подобно собаке. Брат Джини по указанию отца разговаривал с ней крайне редко. В доме брат и мать общались друг с другом шепотом из страха вызвать раздражение Кларка. В своем уединении Джини вряд ли слышала какие-то звуки, поэтому не удивительно, что она молчала. Ее зрение также никак не стимулировалось: в комнате имелось всего два окна, которые были практически полностью завешены шторами, пропускавшими минимум света. Все, что она могла видеть за стеклом, — это крошечный кусочек неба.

Иногда Джини позволяли «играть» с двумя полиэтиленовыми плащами, висевшими в комнате. Случалось, ей разрешали смотреть тщательно отобранные картинки; любые изображения, способные будить мысли, безжалостно выбрасывались отцом. Пустые катушки из-под ниток были фактически ее единственными «игрушками».

Джини давали очень мало еды: детское питание, хлопья и изредка сваренные вкрутую яйца. Девочку быстро и в полной тишине кормил брат, так что контакты с ней были сведены к минимуму. Если она давилась или отказывалась есть, то ей размазывали еду по лицу. Такой порядок поддерживался Кларком; трудно представить себе существование маленького ребенка в более ужасных условиях. Кларк сказал жене, что ребенок не проживет более двенадцати лет, но если дольше, то Ирена сможет попытаться обратиться за помощью. К счастью, девочка прожила этот срок, Ирена решила каким-то образом изменить ситуацию. После отвратительной ссоры, во время которой Кларк угрожал убить жену, она ушла из дома вместе с Джини. Через несколько дней они оказались в бюро социального обеспечения, где эта история всплыла наружу.

Реабилитация

На период проведения расследования уход за Джини осуществляли в детской больнице Лос-Анджелеса. Ее родители, обвинявшиеся в жестоком обращении с малолетним ребенком, должны были предстать перед судом 20 ноября 1970 года. Но утром того дня Кларк пустил себе пулю в правый висок. Он оставил две посмертные записки: в первой объяснялось, где полиция может найти его сына, а вторая содержала следующие слова: «Мир никогда не поймет». Ирена уже находилась в суде, когда ей сообщили эту новость. Она не признала своей вины, объяснив все случившееся жестокой тиранией мужа; ее доводы были признаны убедительными. Казалось, что Джини и Ирена наконец-то могут начать новую жизнь.

В больнице врачи обследовали девочку и начали лечение от истощения. В свои тринадцать лет она весила всего 25 килограммов и имела рост 135 сантиметров. Джини была невоздержанной в еде и не могла жевать твердую пищу. Она не могла правильно глотать, выделяла избыточное количество слюны и постоянно выражала недовольство. Одежда девочки часто была забрызгана слюной, она непроизвольно мочилась, когда приходила в возбуждение. Кроме того, она не могла фокусировать свое зрение на предметах, удаленных от нее более чем на три-четыре метра. Зачем ее глазам было фокусироваться на том, что находилось за пределами ее спальни? У нее было два ряда зубов и очень жидкие волосы. Она

ходила с большим трудом и не могла нормально двигать руками и ногами. По-видимому, она не ощущала тепла или холода. Она никогда не кричала и вряд ли могла разговаривать. Понимая некоторые слова, такие как «мать», «синий», «гулять» и «дверь», она могла произносить лишь несколько коротких отрицательных фраз, которые сливала в одно слово, например «мнехватит» и «большененадо».

Тестирование

Психолог детской больницы Джеймс Кент приступил к оценке когнитивных и эмоциональных способностей Джини. Он заявил, что «из всех детей, которых мне когда-либо приходилось видеть, она является ребенком с наиболее серьезными повреждениями. ... Жизнь Джини представляет собой невозделанное поле».[7] Из-за ее фактического неумения говорить было невероятно трудно оценить интеллект девочки. Казалось, что она была способна выражать лишь немногие эмоции, такие как страх, раздражение и, как это ни удивительно, веселье. Однако ее раздражение всегда было направлено вовнутрь — она царапала лицо и мочилась, но никогда не издавала ни звука.

Тем не менее Джини демонстрировала быстрые успехи. Уже на третий день пребывания в больнице она помогала одевать себя и научилась пользоваться туалетом. Через несколько месяцев было замечено, что она делала угрожающие жесты в адрес девочки из реабилитационного центра, носившей платье, которое прежде носила она сама. Наблюдатели с удовольствием отметили, что это был первый случай, когда раздражение было направлено наружу. Она также стала хранить у себя различные предметы, в частности книги, и, по-видимому, начала вырабатывать ощущение собственного Я.

Месяц спустя, когда Кент уходил из палаты после серии наблюдений, она попыталась задержать его, схватив его за руку. По-видимому, у нее стали развиваться дружеские отношения с некоторыми из ее взрослых помощников.

Джини участвовала в различных тестах на проверку интеллекта и за несколько первых месяцев продемонстрировала замечательные успехи. В некоторых областях она за два месяца добилась тех результатов, которые предполагалось добиться от нее через год. Однако в развитии девочки наблюдалась нестабильность: где-то она преуспевала, а где-то заметно отставала. Ее уровень овладения языком оставался крайне низким, но зато она стала участвовать в играх с другими людьми и перестала избегать физических контактов. Она научилась мыться в ванне так, как это делают дети в девятилетнем возрасте, однако по способности пережевывать пищу ничем не отличалась от годовалого ребенка.

Ей нравились дневные прогулки за пределами больницы. Для Джини все было новым и волнующим. Обычно люди, которых она встречала, были очень дружелюбными. Ей дарили подарки совершенно незнакомые мужчины и женщины. Кертис чувствовала, что Джини является эффективным невербальным коммуникатором. Действительно, вскоре она стала свидетелем того, как ее подопечная успешно осуществляет бессловесные коммуникации — т. е. занимается своего рода телепатией.

Джини особенно нравились походы по магазинам, она собирала пластмассовые игрушечные ведерки разных цветов и хранила их у себя под кроватью. Ей очень хотелось иметь любые изделия из полимерных материалов. Ее одержимость этим желанием объяснялась теми самыми двумя полиэтиленовыми плащами, служившими ей игрушками во время заточения. Они были главным источником ее развлечений; возможно, она продолжала ассоциировать изделия из пластика с игрой.

Девочка также выработала представление о перманентности предметов: понимание того, что вещь существует даже тогда, когда она не видна (согласно Жану Пиаже, исследователю возрастной психологии, обычно это представление вырабатывается у детей в конце сенсомоторной стадии развития, приблизительно в двухлетнем возрасте). Кроме того, она могла осуществлять отсроченную имитацию, т. е. имитировала поведение, которое

---

[7] Rymer. *Genie* , p. 40.

видела раньше. Она продемонстрировала эту способность, воспроизведя лай собаки, которую она видела утром того же дня. Джини становилась также все менее эгоцентричной, — она начинала понимать, что другие люди могут видеть вещи с иной точки зрения, что ее образ мышления не является единственно возможным. Наличие этой способности наблюдается на предоперационной стадии развития ребенка — в возрасте от двух до семи лет.

Награда

Джей Шерли, психиатр и признанный эксперт в области изучения эффектов изоляции, также был приглашен для знакомства с Джини. Он описал эту девочку как пострадавшую от наиболее продолжительной социальной изоляции среди всех детей, истории которых были описаны в научной литературе. Исследователи много спорили о Джини и утверждали, что любые научные результаты смогут принести пользу подобным детям в будущем.

Иногда Джини оставалась на ночь в доме Джин Батлер, одного из педагогов реабилитационного центра, которая стала проявлять повышенную заботу о девочке и одновременно с этим несогласие с другими членами «команды Джини» (как она их называла). Позже Батлер подала заявление с просьбой признать ее временным приемным родителем Джини, в чем, однако, ей было отказано на том основании, что удовлетворение данной просьбы противоречило бы политике больницы в отношении пребывания пациентов дома у штатного персонала.

При отсутствии других временных приемных родителей Дэвид Риглер, профессор и главный психиатр психиатрического отделения больницы, согласился взять Джини на непродолжительный период. На этот раз традиционные принципы формирования отношений между персоналом и пациентами больницы вновь были нарушены, но Джини провела в семействе Риглеров четыре года. Она оказалась далеко не идеальным гостем: продолжала плеваться, брала вещи других детей. Однако Джини проявила большой интерес к музыке, которая ее буквально завораживала, но только если это была классическая музыка (в период нахождения Джини в изоляции их сосед по дому брал уроки музыки; возможно, в детстве Джини это был единственный регулярный источник звуков).

Джини начала ходить в детский сад, а затем в школу для детей с задержками в умственном развитии, где она могла контактировать с другими детьми. Казалось, у Риглеров Джини стала расцветать на глазах. Она демонстрировала хорошее чувство юмора, училась гладить и шить. Однажды летом 1972 года девочка сказала: «Джини счастлива».

Тем временем ее мать Ирена после удачной операции по удалению катаракты вернулась в дом на Голден Вест авеню. Она никогда не признавала за собой ни малейшей вины за то, что произошло с Джини, в то время как многие ученые осуждали ее пассивную роль. После того, как Риглеру было отказано в предоставлении гранта на продолжение обследования Джини, она переехала домой к матери. Таким образом, ребенок вернулся в то место, где над ним творили насилие. Это было непродуманное решение: мать не могла обеспечить должного ухода за ребенком, и службе социальной помощи пришлось поместить Джини в другую семью. Но это решение оказалось еще более неудачным: у новых родителей жизнь была организована на военный лад, что шло вразрез с потребностями девочки. Джини замкнулась в себе и отгородилась от мира, она хотела контролировать свою жизнь, и, по ее ощущениям, единственный способ добиться этого состоял в том, чтобы скрывать накопившееся в душе и молчать.

Все это время Сьюзен Кертис была единственным специалистом, посещавшим Джини. Она делала это совершенно добровольно, просто потому, что у нее сложились с этим ребенком теплые отношения. В конце концов условия содержания Джини были признаны неудовлетворительными, и Кертис убедила власти вернуть девочку в детскую больницу.

По прошествии времени Ирена «спрятала» Джини в доме для взрослых с задержками умственного развития и больше не позволяла ученым встречаться с дочерью. По имеющимся сведениям, Джини проводила у своей матери один выходной каждый месяц до тех пор, пока в 1987 году Ирена не продала дом на Голден Вест авеню и не переехала жить в другое место,

не сообщив нового адреса. С точки зрения проведения любых исследований Джини снова перестала существовать.

Имеются и более поздние сведения о ее жизни в стенах лечебного учреждения. Джей Шерли посетил Джини на двадцать седьмой и двадцать девятый дни ее рождения. Он сообщал, что она привыкла к установленному распорядку, стала сильно сутулиться и избегала зрительного контакта. Она мало говорила и выглядела подавленной. Он описывал ее как изолированного от внешнего окружения человека, который входил в реальный мир и воспринимал то, что этот мир предлагал, лишь на короткое время, а затем вновь оказывался в изоляции. Вымышленное научное имя, придуманное для нее исследователями, подходило ей гораздо больше, чем можно было предположить.

Неврология

После первых неврологических исследований стало очевидно, что Джини хорошо выполняла так называемые задания для правого полушария мозга и крайне плохо — задания для левого полушария. Обычно речь — это задание, которое ассоциируется, преимущественно, с деятельностью левого полушария. Каждое полушарие мозга управляет противоположной стороной тела. Например, кровоизлияние в левом полушарии, вероятно, приведет к нарушению двигательной активности правой стороны тела, и наоборот.

При выполнении задания на дихотическое прослушивание обследуемого человека просят прослушать через наушники два разных сообщения, каждое из которых направляется только в правое или только в левое ухо. В таких условиях звуки, направляемые в каждое ухо, обрабатываются практически исключительно противоположными полушариями. Используя этот метод, Кертис могла предоставлять информацию конкретному полушарию, чтобы выяснить, что происходит в мозгу Джини. Она обнаружила, что обработка речи осуществлялась у Джини в правом полушарии, в то время как обычно она осуществляется в левом. Как оказалось, обработка речи, направляемой левому полушарию Джини, осуществлялась на том же уровне, что и у детей с удаленным левым полушарием. Кертис пришла к выводу, что развитие нашего мозга определяется нашим внешним окружением — а именно тем, как нам приходится слышать речь в период, предшествующий нашему половому созреванию.

Овладение языком: неестественный эксперимент

То, как люди овладевают языком, является предметом острых споров и среди лингвистов, и среди психологов. Существуют две основные научные школы: нативистов, делающих акцент на врожденных факторах, или «природе», и эмпириков, придающих особую важность влиянию опыта, или «воспитанию». Таким образом, вопрос об овладении языком имеет большое значение в спорах о соотношении ролей природы и воспитания. Один из способов разрешения этого спора состоит в том, чтобы изолировать ребенка и не давать ему возможности слышать никакой речи. Будет ли он в этом случае вырабатывать какие-то формы речи, основываясь лишь на врожденных способностях? Пинкер позднее утверждал, что овладение языком — это такой естественный процесс, что «практически не существует способа предотвратить его возникновение, кроме как растить ребенка в бочке».[8] Разумеется, никакой эксперимент подобного типа невозможен, но в случае с Джини исследователи чувствовали, что они имеют дело с «естественным» экспериментом, в котором предполагаемые манипуляции внешними условиями происходили «естественным образом». Воспитание Джини подразумевало, что исследователи могли бы проверить многие из непроверенных гипотез.

Самым известным сторонником нативизма является Ноам Хомски. Он предположил, что освоение языка не может быть объяснено только с помощью простых механизмов научения. Хомски утверждает, что какая-то часть языковых способностей является

---

[8] Pinker S. *Language Learnability and Language Development* . Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. P. 29.

врожденной и не зависящей от научения. Эмпирики же, напротив, утверждают, что языком можно овладеть без какой-либо врожденной способности.

Теоретики нативистской лингвистики утверждают, что дети овладевают языком за счет врожденной способности устанавливать законы речи, но что это может происходить только в присутствии других людей. Эти люди формально не «учат» ребенка языку, но врожденная способность не может быть использована без вербального взаимодействия с другими людьми. Научение, без сомнения, играет важную роль, так как дети в англоговорящих семьях учатся говорить по-английски, во франкоговорящих — по-французски и т. д. Однако нативисты также утверждают, что дети появляются на свет с врожденным механизмом овладения языком (LAD). Основные принципы языка уже заданы, а некоторые другие параметры задаются в зависимости от конкретного языка, изучаемого ребенком. При наличии звучащей речи LAD дает возможность задавать соответствующие параметры и выводить основные грамматические принципы языка независимо от того, является он китайским или английским.

Нативистский подход к овладению языком остается крайне противоречивым, но в его поддержку имеется несколько доказательств. Известно, что все дети проходят через одни и те же этапы развития речевых навыков. Годовалый ребенок произносит несколько несвязанных между собой слов, двухлетний ребенок может произнести несколько коротких предложений, а трехлетний способен произносить довольно много грамматически правильных фраз. К четырем годам речь ребенка начинает во многом походить на речь взрослого человека. Считается, что такое сходство развития речи предполагает врожденное знание языка.

Кроме того, имеются свидетельства существования универсальной грамматической структуры всех языков. Действительно, языки сходны между собой во многих отношениях. К тому же есть доказательства того, что совершенно глухие дети, не знакомые с языком жестов или устной речью, вырабатывают мануальные системы коммуникаций, отражающие многие особенности разговорного языка. Браун и Герштейн пришли к выводу о том, что «один человек несет на себе очевидный отпечаток того, что развитие биологического процесса происходит у него так же, как и у всего человеческого рода».[9]

Подобно другим врожденным видам поведения, освоение языка имеет несколько критических периодов. Леннеберг[10] утверждает, что у человека критический период освоения языка заканчивается приблизительно к двенадцати годам. (Вспомните, что Джини обнаружили в возрасте тринадцати лет.) После полового созревания, утверждает Леннеберг, организация мозга завершается, и мозг перестает быть достаточно податливым для того, чтобы осваивать язык; таким образом, если до полового созревания язык не был выучен, то он уже никогда не будет выучен в нормальном и полностью функциональном смысле. Эта идея известна под названием «гипотезы критического периода». Леннеберг никогда не проявлял интереса к изучению Джини, поскольку полагал, что в этом случае имелось слишком много неоднозначных переменных для того, чтобы пытаться делать сколько-нибудь надежные выводы.

Концепция критического периода в природе не нова. Хорошим примером ее проявления является импринтинг (запечатление). Утята и гусята при правильном воздействии могут признать в качестве матери куриц, людей или механические предметы, если они столкнутся с ними сразу же после появления на свет.

Младенцы в возрасте менее одного года обладают способностью различать фонемы любого языка (фонемой называется категория речевых звуков, таких как [м] для слова «мальчик»). Эта способность утрачивается к одному году. Например, японские дети, по

---

[9] Brown R., Hernstein R. *Psychology* . Boston: Little, Brown, 1975. P. 479.

[10] Lenneberg E. *Biological Foundations of Language* . New York: Wiley, 1967.

данным Эймаса[11], утрачивают способность отличать [л] от [р]. Любой ребенок, не познакомившийся ни с одним языком до своего полового созревания, сможет, таким образом, использоваться для тестирования гипотезы критического периода, — именно таким ребенком оказалась Джини. Могла ли она в условиях воспитывающей и обогащенной новыми событиями окружающей среды освоить язык, несмотря на то, что критический период для выполнения этой задачи для нее уже закончился? Если бы ей это удалось, то это свидетельствовало бы об ошибочности гипотезы критического периода, если бы не удалось — указывало бы на правильность гипотезы.

Многие психологи и специалисты по развитию речи потратили годы на попытки научить Джини разговаривать. Несмотря на все усилия, их пациентка так и не научилась нормально говорить. Хотя ее словарный запас быстро расширялся, она не могла создавать синтаксические конструкции, даже получая исключительно ясные инструкции своих учителей.

По первоначальным оценкам врачей детской больницы, Джини находилась на уровне развития годовалого ребенка, при этом она, по-видимому, распознавала только свое имя и слово «sorry» (извини). Однако она с удовольствием открывала для себя окружающий мир и быстро расширяла свой словарный запас. Начав с предложений из одного слова, типичных для начинающих ходить малышей, она вскоре научилась составлять такие пары слов, которые она не имела возможности где-то услышать, например «хочу молока» или «пришла Кертис». К ноябрю 1971 года она уже составляла вместе по три слова, произнося такие словосочетания, как «две маленькие чашки» или «белая светлая коробка». По-видимому, она демонстрировала обнадеживающие признаки овладения языком. Джини даже произнесла фразу «маленький плохой мальчик» по поводу инцидента, когда другой ребенок выстрелил в нее из игрушечного ружья. Она использовала язык для описания прошлых событий. При этом звучали такие страшные фразы, как «Отец берет палку. Бьет. Кричу» и «Отец сердится». Она повторяла их снова и снова. Дети, достигшие этого этапа овладения языком, обычно переживают «языковой взрыв», в результате которого в течение нескольких месяцев их словарный запас быстро растет. К сожалению, с Джини этого не произошло.

Кертис подозревала, что Джини просто ленится и старается сокращать слова или объединять их вместе. Девочка даже получила прозвище «Великий сокращатель». Развитие ее речи не шло дальше составления простых фраз, таких как «не есть хлеба» или «у мисс новая машина». Это говорит о том, что она иногда могла использовать глаголы и, по словам занимавшихся с ней логопедов, начинала осваивать некоторые правила грамматики. Но она никогда не задавала вопросов, имела трудности с использованием местоимений («ты» и «мне» были для нее взаимозаменяемыми и отражали ее эгоцентризм), а ее развитие было болезненно трудным, несмотря на интенсивные занятия с использованием самых современных методов. С этого момента дальнейшее освоение языка фактически прекратилось.

История Джини предоставляет определенные свидетельства в поддержку гипотезы критического периода. Этот случай позволяет предположить, что речь является врожденной способностью человеческих существ и что освоение языка происходит в критический период с двух лет и до завершения полового созревания. После завершения полового созревания учить языки человеку становится намного труднее — что объясняет, почему выучить второй язык не так просто, как первый. Однако Джини в определенной степени освоила язык и таким образом продемонстрировала, что научиться языку можно и после завершения критического периода, хотя и в ограниченном объеме. Джини так никогда и не удалось освоить грамматику, а именно грамматика, по мнению Хомски, отличает человеческий язык от языка животных. С этой точки зрения Джини не удалось развить свой язык после завершения критического периода. Во многих отношениях спор сводится теперь к тому, как

[11] Eimas P. Speech perception in early infancy // *Scientific Amer* . 1985. Vol. 252. P. 46-52.

мы определяем понятие «язык».

Методологическая проблема с изучением Джини состоит в том, что этот ребенок был не просто лишен возможностей говорить сам и слушать речь других; он испытывал на себе и множество других ограничений. Девочка также страдала от плохого питания и недостатка визуальной, тактильной и социальной стимуляции. С учетом ключевой роли языка в развитии и взаимодействиях человека представляется практически неизбежным, что каждый, кто лишается языковой стимуляции, одновременно лишается и других возможностей нормального когнитивного или социального развития. Подобное в значительной степени произошло с Джини. Как могли бы психологи распутать эти взаимосвязанные эффекты? Сделать это оказалось невозможным. В случае с Джини имелось также давнее сомнение относительно того, действительно ли она появилась на свет с определенными биологическими или врожденными отклонениями, задерживавшими ее развитие. Отец указывал на это в начальный период ее жизни, и обследовавшие Джини педиатры также отмечали наличие некоторых проблем. Однако Ирена утверждала, что девочка начала издавать бессвязные звуки и произносить случайные слова до того, как отец изолировал ее от окружающих, так что на первоначальном этапе своей жизни она могла овладевать языком с нормальной скоростью. Разумеется, на это свидетельство нельзя полагаться стопроцентно. Кроме того, по мнению Кертис, девочка не была умственно отсталой. Она показывала очень хорошие результаты в ходе пространственных тестов и выработала способность видеть вещи с другой точки зрения.

Сьюзен Кертис рассматривала случай с Джини как серьезный аргумент против гипотезы Леннеберга о критическом периоде, согласно которой естественное овладение языком не может произойти после завершения полового созревания.[12] Джини в определенной степени удалось овладеть «языком» после полового созревания, и Кертис утверждала, что ее подопечная научилась говорить благодаря «простому воздействию».[13] Однако впоследствии сообщалось, что Кертис, по-видимому, радикально изменила свое отношение к языковому нативизму. Она утверждала, что случай с Джини в действительности не предоставил убедительных доказательств освоения языка в период после завершения полового созревания. Сэмпсон[14] и Джонс[15] независимо друг от друга подробно рассматривают, как рассуждения Кертис о Джини в более поздних публикациях противоречат тому, что она писала в своей самой ранней книге, хотя она не получила никаких новых фактов и не давала никаких объяснений причин изменения своих взглядов.

Постскриптум

Что же мы можем сказать о Джини? Безусловно, отец разрушил ее жизнь; система, созданная для защиты от подобных родительских злоупотреблений, потерпела неудачу; и даже после «обнаружения» девочки профессионалы, призванные заботиться о таких детях, не выполнили возложенных на них функций. Хотя история Джини стала, по-видимому, самой известной в современной психологии, она не предоставила убедительных аргументов за или против гипотезы о критическом периоде овладения языком. Этот случай оказался в эпицентре споров об этике исследований в психологии и стал потенциальным источником конфликтов между потребностями ученых и обследуемых людей.

В конечном итоге история Джини может трактоваться как перечень ошибок, вызванных

---

[12] Curtiss, *Genie* , p. 37.

[13] Там же, p. 208.

[14] Sampson G. *Educating Eve* . London: Cassell, 1997.

[15] Jones P. Contradictions and Unanswered questions in the Genie case: a fresh look at the linguistic evidence // *Language and Communication* . 1995. Vol. 15. P. 261-280.

неудачным стечением обстоятельств или заблуждениями людей. Однако при этом Джини удалось «дотянуться» до людей, коснуться их сердец, ощутить прелесть жизни и продемонстрировать истинную глубину человеческой способности к прощению. Неповторимым образом Джини остается вдохновляющим примером для всех нас.

Человек, который слишком много знал: история Соломона Шерашевского[16]

Эта история началась в середине 1920-х годов в один из обычных рабочих дней. Двадцатидевятилетний репортер одной из московских газет по имени Соломон Шерашевский пришел на работу и стал дожидаться ежедневной встречи с редактором для получения задания на день. В отличие от своих коллег, но в полном соответствии со своей обычной практикой, Соломон не делал на таких встречах никаких записей. Редактор давно заметил это, но на сей раз решил сделать Соломону выговор. Ведь он часто называл много имен и адресов, и Соломон обязан был в точности запоминать всю сообщаемую ему информацию. Поэтому редактор решил проверить своего сотрудника и попросил его повторить все данные ему инструкции. Соломон без труда слово в слово повторил все, что сказал ему редактор. Этот случай навсегда изменил жизнь молодого репортера и стал исходной точкой в его новой карьере величайшего в мире мнемониста, или, как его часто называли, «человека-памяти».

Необычная память

Редактора удивила замечательная память Соломона, а Соломон был удивлен тем, что кто-то считает его память необычной. Разве другие не обладают такими же хорошими способностями к запоминанию? Ему предстояло искать ответ на этот вопрос на протяжении ближайших месяцев и лет. Предчувствуя сенсацию, редактор направил Соломона в местный университет для дальнейшей проверки его способностей к запоминанию, где тот встретился с профессором Александром Романовичем Лурия, посвятившим следующие три десятилетия систематическому изучению самой замечательной памяти, которую ему когда-либо приходилось исследовать.

Лурия начал исследование со сбора биографических данных. Соломон, которому было тогда около тридцати лет, был родом из Латвии. Его отец держал книжный магазин, поэтому не удивительно, что мать Соломона была начитанной женщиной. Отец мог вспомнить место нахождения каждой книги, продававшейся в магазине, а мать, набожная иудейка, легко читала по памяти длинные отрывки из Торы. Братья и сестры Соломона были уравновешенными людьми, а многие члены семьи обладали неплохими музыкальными способностями. Сам Соломон учился играть на скрипке до тех пор, пока ушная инфекция не поставила крест на его карьере музыканта, после чего он решил заняться журналистикой. Несмотря на общепризнанную связь между исключительными способностями и психическим заболеванием, Лурия не обнаружил никаких следов психических заболеваний в истории этой семьи.

Лурия начал давать Соломону проверочные задания для выяснения объема его памяти. Слова и числа представляли ему в устной или письменной форме, а он должен был повторять их в той же форме и в том же порядке. Сначала Лурия задавал от десяти до двадцати чисел или слов, но затем постепенно довел их количество до семидесяти. Соломон блестяще справлялся со всеми заданиями. Иногда он колебался с ответом, пристально смотрел в пространство и делал паузу, но затем успешно продолжал вспоминать названные ему слова и

---

[16] Имя Соломон Шерашевский — это настоящее имя героя истории, хотя его фамилия иногда пишется немного иначе. Нередко подлинные имена действующих лиц таких историй хранятся в тайне и сообщаются только в виде инициалов. Во многих статьях и книгах вместо имени Соломон Шерашевский используется просто буква «S», но поскольку его настоящее имя хорошо известно, то представляется разумным использовать его.

числа.

Соломон мог также называть буквы или числа в обратном порядке или определять, какая буква или число следует за названным элементом. Этот метод проверки памяти известен как «метод зондирования ряда». При его использовании сначала зачитывается перечень букв или чисел, затем называется какой-то элемент этого ряда и испытуемого просят вспомнить элемент, следующий за названным. Этот тест можно применять для проверки кратковременной памяти (продолжительность вспоминания до тридцати секунд). Большинство людей находят это задание очень сложным, особенно в случае ряда с большим количеством элементов, но Соломон справлялся с ним без труда при условии, что список зачитывался в приемлемом темпе. Этот темп был довольно медленным, что принципиально отличалось от требований так называемых нормальных участников, которые выполняли этот тест немного лучше, если элементы ряда назывались быстро (для таких участников чем быстрее зачитывался ряд, тем меньше времени имели его элементы для «исчезновения» из их кратковременной памяти). Однако при обследовании Соломона было установлено, что он использовал необычную систему запоминания элементов, которая не основывалась на традиционной акустической или звуковой обработке информации, а подразумевала использование образов или картинок. Это также означало, что представленный ему ряд Соломон запоминал на очень длительный срок, в то время как большинство нормальных участников демонстрировали низкий уровень вспоминания после завершения эксперимента, длившегося обычно всего несколько минут.

Лурия начал давать Соломону разные задания на запоминание. Большинство людей лучше вспоминают наполненные смыслом слова, чем бессмысленные слоги, или триграмы (три произвольно выбранные согласные), но Соломон не имел проблем ни с теми, ни с другими. Тот же результат был получен при использовании звуков и чисел: все, что требовалось Соломону, это пауза в 3-4 секунды между каждым элементом, который необходимо было вспомнить. Для проверки объема памяти исследователи применяли усовершенствованный метод, первоначально разработанный Джозефом Джейкобсом в 1887 году, — так называемый метод размера последовательности цифр. Он подразумевает постепенное увеличение числа элементов, подлежащих запоминанию, до тех пор, пока испытуемый не начинал путаться и не терял способность вспоминать их в правильном порядке. Если вы попробуете этот метод на себе, то обнаружите, что обычно предельное количество цифр в последовательности составляет семь плюс-минус две цифры. Однако в случае с Соломоном путаться начинал Лурия, так как испытуемый мог запоминать неограниченное число цифр! В конце концов Лурия был вынужден отказаться от продолжения эксперимента, так как объем памяти Соломона казался бесконечным.

Лурия договорился с Соломоном о днях посещения университета для проведения дальнейших проверок его памяти. Во время этих сессий Соломон безошибочно вспоминал все те элементы, которые назывались ему во время предшествующих экспериментов. Эти результаты смутили Лурию еще больше, поскольку Соломон, по-видимому, имел неограниченный объем памяти и мог неограниченно долго хранить в ней информацию. Лурия писал:

«Вскоре я начал испытывать чувство, переходящее в растерянность. Увеличение ряда не создавало для Ш. никаких дополнительных трудностей, и мне пришлось признать, что объем его памяти не имеет отчетливых границ».[17]

Лурия не мог измерить ни объем, ни прочность памяти Соломона (оба этих параметра обычно можно довольно просто протестировать в лабораторных условиях). К еще большему своему удивлению Лурия обнаружил, что шестнадцать лет спустя Соломон по-прежнему мог вспомнить элементы, выученные им во время первых экспериментов. Лурия приводил

---

[17] Luria A. R. *The Mind of a Mnemonist: A Little Book about a Vast Memory* . Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. P. 11.

следующие слова своего подопечного:

«Да, да... это было у вас на той квартире... вы сидели за столом, а я в кресле-качалке... вы были в сером костюме и смотрели на меня так... вот... я вижу, что вы мне говорили».[18]

Эти слова помогали понять, как работает память Соломона: образы были ключом к его замечательной памяти.

Лурия столкнулся с проблемой. Он понимал, что не существует способа измерить объем памяти Соломона. Количественный анализ его памяти был невозможен. Поэтому в последующие тридцать лет Лурия решил сконцентрироваться на *описании* памяти Соломона, чтобы составить качественный отчет о ее структуре.

Соломон использовал один особый механизм, помогавший его памяти. Независимо от типа информации и формы ее представления (слова, числа, звуки, вкусовые качества и т. д.) Соломон всегда преобразовывал эти элементы в зрительные образы. При условии, что Соломону давалось время для преобразования этих элементов в образы, объем и прочность его памяти оказывались практически безграничными. Обычно ему требовалось около трех минут на то, чтобы запомнить таблицу из пятидесяти случайных чисел. Как же это происходило? Соломон утверждал, что если числа представлялись ему в письменном виде, то когда его просили вспомнить их через какое-то время, он вызывал в своем сознании образ, виденный им на листе бумаги, и затем читал числа так, как будто этот лист находился у него перед глазами. Другими словами, он фактически видел те числа, которые ему нужно было вспомнить. Действительно, он признавал, что воспроизведение чисел было для него не более трудным, чем оно оказалось бы для нас, если бы мы просто смотрели на тот же лист бумаги и называли все, что могли на нем видеть.

Во многих заданиях на запоминание особое внимание уделяется ошибкам, сделанным при воспроизведении информации. Такие эксперименты по изучению памяти получили название «исследования ошибок замещения». Ошибки, сделанные при воспроизведении запомненной информации, часто дают подсказки к лучшему пониманию того, как работает память. Однако было бы неправильно считать, что Соломон никогда не делал ошибок; хотя они случались очень редко, обычно все они были однотипными и, таким образом, давали дополнительную подсказку для понимания работы его памяти. Например, иногда Соломон называл одно число вместо другого, особенно если числа имели похожее начертание (т. е. 3 и 8, 2 и 7). Такие ошибки подкрепляли вывод о том, что его память практически полностью зависела от визуальной, или так называемой орфографической, обработки информации.

Когда «нормальным» людям дают список слов или цифр для запоминания и последующего воспроизведения, то обычно они вспоминают первые и последние элементы такого списка. Воспроизведение первых элементов носит название «эффекта первичности», а воспроизведение последних — «эффекта новизны». Такая схема воспроизведения соответствует так называемому «позиционному эффекту». Она предполагает, что первые слова заносятся в долговременную память посредством повторения, а последние слова по-прежнему остаются в кратковременной памяти. И вновь, как и в случае с объемом и прочностью памяти Соломона, Лурия не зафиксировал этот феномен, так как, ко всеобщему удивлению, Соломон мог вспомнить все элементы, независимо от их места в списке.

Очевидно, что Соломон обладал уникальной памятью. Он хранил воспоминания из очень далекого детства — воспоминания, которые сохраняются лишь у очень немногих из нас. Считается, что картины первых лет нашей жизни мы не можем вспомнить потому, что в то далекое время мы еще не умели кодировать информацию по причине слабого развития нашей памяти и/или речи. Однако Соломон кодировал свои воспоминания другим способом, а поскольку эта способность была врожденной, то он мог использовать ее в очень раннем возрасте. Он вспоминал, как, будучи младенцем, лежал в своей детской кроватке и как мать брала его на руки:

---

[18] Там же, p. 12.

«Я был тогда очень маленьким... возможно, мне еще не было и года... Что вспоминается мне отчетливее всего, так это мебель в комнате... Я помню, что обои в комнате были коричневыми, а кровать — белой... Я могу видеть мою мать, берущую меня на руки».[19]

Он даже помнил, как ему делали прививку против оспы: «Я помню плотный туман, потом какие-то цветовые оттенки. Я знаю, что это означает шум, вероятнее всего беседу. Но я не чувствую никакой боли».[20] Разумеется, невозможно проверить точность этих воспоминаний, но их яркость, безусловно, свидетельствует об их вероятной правдивости.

Обладая такой удивительной памятью, Соломон легко замечал противоречия в литературных произведениях, часто указывая на те моменты, на которые не обращали внимания сами писатели. Он заметил, что один из персонажей рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий» при прощании приподнимает шляпу, хотя раньше отмечалось, что на нем не было головного убора. Нетрудно представить, что Соломон, обладавший такой способностью к точному запоминанию фактов, вполне мог стать блестящим сыщиком или адвокатом. Он был способен «видеть» каждую деталь и замечать любые противоречия.

Синестезия

Лурия сообщает, что Соломон часто испытывал трудности с кодированием или обработкой информации, если в процессе кодирования на него действовал отвлекающий фактор. Этим фактором мог быть экспериментатор, просто говорящий «да» или «нет» для подтверждения или неподтверждения правильности услышанного Соломоном элемента ряда. Сам Соломон отмечал, что эти краткие слова «размывали» образ в его сознании и создавали «облака пара» или «брызги», которые мешали ему «видеть» элементы, предназначенные для запоминания. Позднее, во время его публичных выступлений, подобный отвлекающий эффект оказывал на него кашель в зале. По-видимому, вся информация превращалась в мозгу Соломона в некий образ независимо от того, хотел он этого или нет.

Лурия пришел к выводу, что Соломон обладал явно выраженной синестезией. Термин «синестезия» образован из греческих слов *syn* , означающего «вместе», и *aesthesis* , означающего «восприятие». Таким образом, синестезия является формой совместного восприятия с помощью двух или более взаимодействующих друг с другом органов чувств. Это означает, что стимулирование одного органа чувств автоматически активизирует работу другого, который начинает действовать непроизвольно. Например, дни недели могут ассоциироваться с конкретными цветами, и один из моих студентов вполне серьезно утверждает, что вторник — это «синий» день. На вопрос о том, почему происходит такое «сплетение» органов чувств, большинство людей, обладающих синестезией, говорят, что оно возникает самопроизвольно. Этому нельзя дать какое-то объяснение. Другие люди, обладающие синестезией, могут «чувствовать вкус» формы или «видеть» звуки, причем одни и те же стимулы устойчиво вызывают у них одни и те же реакции. Это происходит потому, что они не вырабатываются посредством научения, они просто возникают естественным образом. Синестезия обычно носит однонаправленный характер, т. е. один орган чувств может заставить работать какой-то другой, но не наоборот. Так как синестезия является результатом скрещивания эффектов двух или более органов чувств, то существуют более трех десятков возможных комбинаций зрения, обоняния, осязания, вкуса и слуха. Наиболее распространенной комбинацией является сочетание цвета и звука (известное как хромастезия). У большинства людей, обладающих синестезией, наблюдается совместная работа двух органов чувств, но у Соломона, по-видимому, число совместно работающих органов чувств достигало четырех. Лишь его обоняние никак не взаимодействовало с остальными органами чувств.

Способность Соломона создавать зрительные образы слов имела ключевое значение

---

[19] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 77.

[20] Там же, p. 78.

для его замечательного умения извлекать информацию из памяти. Всякий раз, когда он слышал слово, имевшее для него смысл или нет, он немедленно создавал его зрительный образ. Например, когда он слышал слово «зеленый», то видел зеленый цветочный горшок; когда слышал слово «красный», то видел приближающегося мужчину в красной рубашке; слово «синий» порождало образ человека, размахивающего синим флагом в окне. Даже бессмысленные слова немедленно порождали зрительные впечатления, которые он мог продолжать ясно «видеть» спустя несколько лет.

Когда Соломона просили прослушать звуки или голоса, он видел образы. Однажды его попросили прослушать тон высотой 30 герц с силой звука в 100 децибел. Он рассказывал об этом случае следующим образом: «Я видел полоску шириной двенадцать-пятнадцать сантиметров серебра. Постепенно полоска сужается и как бы удаляется от меня, а затем превращается в какой-то предмет, блестящий как сталь».[21] Такие примеры ясно показывают, как работала его синестезия. Повторение тонов через несколько месяцев вызывало те же образы. Каждый услышанный звук порождал запоминаемый зрительный образ, имеющий особую форму, цвет и вкус.

Запоминание чисел происходило сходным образом. Сам Соломон описывал форму цифры 1 как «остроконечную, прочную и завершенную», цифру 2 — как «приятное, прямоугольное, белесое, иногда почти серое». Кроме того, числа порождали конкретные образы: цифра 1 была «гордым, хорошо сложенным мужчиной»; цифра 2 — «веселой женщиной» и т. д. Для Соломона зрение, вкус, осязание и слух были слиты воедино. Позднее, когда он стал профессиональным мнемонистом, аудитория проверяла его, используя бессмысленные слова или речь на иностранных языках, но даже эти незнакомые ему слова порождали вкусовые, тактильные или зрительные ощущения. Эти биты дополнительной информации помогали ему инициировать вспоминание. Соломон даже рассказывал об ассоциациях с «весом» слова. Для него эти ощущения были настолько живыми, что он сообщал: «Я не прикладывал усилий для того, чтобы вспомнить его — слово, по-видимому, вспоминалось само собой».[22]

Метод геометрических мест

Метод геометрических мест (*method of loci*) — это мнемонический метод, который использовал Соломон для запоминания элементов конкретного ряда. Этот метод применяют к объектам, которые нужно запомнить и которые представляются в известных местах; возник в Древней Греции, где он использовался ораторами для запоминания длинных речей.

История применения этого метода связана с именем древнегреческого поэта и оратора Симонида Кеосского, который должен был произнести речь на пиру в V веке до н. э. Симонид вышел из дома, чтобы получить доставленное ему послание, и в это время потолок в главном зале обрушился. Все гости погибли, и их тела невозможно было идентифицировать. Используя метод геометрических мест, Симонид смог определить место нахождения тела каждого гостя на основе зрительно запомненной им информации о расположении гостей за столом. Таким образом, родственники получили возможность идентифицировать останки погибших. Эта история показывает не только то, как полезен может быть этот метод, но и то, как важно не пренебрегать направляемыми вам сообщениями!

Для того чтобы использовать метод геометрических мест, вам необходимо представить себе знакомый маршрут или знакомое место. Соломон часто использовал для этого улицу в своем родном городе в Латвии или хорошо известную в Москве улицу Горького. Мысленные образы, которые необходимо запомнить, следует размещать в определенных точках маршрута. Таким образом, подлежащие запоминанию элементы размещаются в разных

---

21 Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 22.

22 Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 28.

местах: в домах, на воротах, на деревьях, в витринах магазинов («места»). Чтобы вспомнить весь список, вам следует заново пройти маршрут и «увидеть» размещенные на нем элементы последовательности.

Наличие у Соломона замечательной зрительной памяти означало, что он не имел проблем с мысленным воспроизведением таких «прогулок». Для него все выглядело так, как будто он действительно шел по привычному маршруту. Изредка допускаемые им ошибки он объяснял тем, что помещал элементы в такие места, в которых их было трудно увидеть при воспроизведении прогулки. Иногда он помещал какой-то элемент в плохо освещенном месте, например в тени дерева, и поэтому не мог его заметить. Для Соломона такие ошибки были скорее следствием дефектов перцепции (неспособностью увидеть элемент на маршруте), чем дефектами памяти. В качестве одного из примеров можно назвать слово «яйцо» — обозначаемый им предмет он разместил на белой стене и затем не мог увидеть его во время повторной прогулки. Когда позднее Соломон стал мнемонистом, он старался помещать предметы в подходящие для них места, и ошибки такого рода стали допускаться им реже.

Работа памяти

Когда Соломону стало ясно, что люди могут проявлять интерес к его способности к запоминанию, он ушел из газеты и стал профессиональным мнемонистом, демонстрирующим возможности своей памяти на сцене.

Аудитория часто пыталась подловить его, подбрасывая ему для запоминания бессмысленные или искусственно составленные слова. Хотя Соломон обнаружил, что он может справляться с такими заданиями, все визуальные образы, которые он должен был размешать для воспроизведения этих «слов», требовали от него довольно больших затрат времени на обработку информации. Он вспоминал, что столкнулся с одним из наиболее трудных заданий, когда его попросили воспроизвести последовательность повторяющихся слогов (свыше пятидесяти), таких как МА, ВА, НА, СА, НА, СА, ВА, МА и т. д.

«Едва услышав первое слово, я обнаружил себя на лесной дороге вблизи маленькой деревушки под названием Мальта, где моя семья снимала летом дачу, когда я был ребенком... Третье слово. Проклятие! Снова те же согласные... Я знал, что попал в трудное положение... Я был готов к тому, что мне придется менять тропинки в лесу для каждого слова... но это потребовало бы больше времени. А когда вы стоите на сцене, счет идет на секунды. Я увидел какого-то улыбающегося зрителя в зале, и это также было немедленно трансформировано в образ острого шпиля, причем я почувствовал себя так, как будто он вонзается мне в сердце».[23]

Несмотря на эти трудности, Соломону все же удалось правильно воспроизвести эту последовательность. Через восемь лет безо всякого предупреждения Лурия попросил Соломона повторить этот монотонный перечень слогов, и тот сделал это без видимых усилий.

Мнемонист Соломон старался упростить свои методы вспоминания для ускорения выполнения заданий на сцене. Как отмечалось выше, он добивался того, чтобы используемые им мысленные образы могли быть «видны» максимально отчетливо. Он также разработал «стенографическую» систему для своих визуализаций: пытался создавать образы, которые были менее подробными, чем те, которые он использовал прежде в заданиях на воспроизведение элементов ряда. Соломон установил, что менее детальные образы требуют меньше времени для кодирования, но по-прежнему позволяют ему вспоминать ассоциируемые с ними слова. Для работы с бессмысленными слогами, которые часто предлагала ему для запоминания публика, он учился связывать свои образные ассоциации с множеством самых разных слогов. Он уделял этой проблеме по несколько часов в день и, в конце концов, научился без труда создавать образы для бессмысленных буквосочетаний. Используя такие методы, он мог вспоминать слова на иностранных языках, бессмысленные

---

23 Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 28.

слоги и ничего не значащие математические формулы.

Лурия твердо верил, что невероятная способность Соломона к запоминанию была врожденной. Мнемонические методы, используемые во время выступлений перед публикой, были всего-навсего средствами улучшения его естественной способности, позволяющими лучше удовлетворять все более требовательную аудиторию.

Другие родственные способности

Наличие у Соломона экстраординарной зрительной памяти означало, что он мог совершать невероятные физические действия, используя силу своей мысли. Как признавался он сам, «если я хотел, чтобы что-нибудь случилось, я просто рисовал это в своем сознании».[24] И это не было пустым бахвальством: он действительно мог регулировать частоту сердцебиений и даже изменять свое восприятие боли с помощью собственного воображения.

Для изменения частоты сердцебиений он просто должен был представить себе, что бежит за поездом или спокойно лежит на кровати. Эти образы были для него настолько реальными, что его тело изменяло свои физиологические реакции. Кроме того, он мог изменять температуру своих рук, воображая, что одну руку он кладет на печку, а в другую берет лед. Замеры температуры кожи каждой руки показывали, что она изменялась на пару градусов.

Помимо этого, Соломон мог изменять свое восприятие боли. Сидя в кресле у зубного врача, он мог мысленно представить себе другого человека, которому сверлят зуб бормашиной. Это означало, что боль испытывал именно этот «другой человек». Он умел также приспосабливать глаза к темноте, представляя себя в комнате с зашторенными окнами, и вызывать реакцию зрачка на звуковой стимул, представляя, как он «слышит» пронзительный звук. Несмотря на то, что Соломона обследовали в специализированной неврологической клинике, ученые выдвинули мало объяснений этим способностям.

Проблемы памяти

Теперь совершенно ясно, что Соломон обладал уникальной памятью. Однако у его способностей были и отрицательные аспекты. Из-за обилия образов, которые ассоциировались с каждым услышанным им словом, он вынужден был требовать достаточно медленного представления информации, чтобы успевать преобразовывать слово в образ.

Многие люди, видевшие Соломона в первый раз, рассказывали, что он казался им довольно неорганизованным, унылым или туповатым. Это было действительно так, если ему читали рассказ в быстром темпе и он обнаруживал, что множество образов, порождаемых каждым словом, сталкивались с образами, порождаемыми голосом чтеца и любыми другими внешними звуками. В результате возникала мешанина образов. Поэтому повторение простого отрывка текста иногда становилось для него соизмеримым по трудности с подвигами Геракла. Задача воспроизведения или простого изложения сути бегло прочитанного отрывка, казалось, была для него непосильным делом, так как каждое слово порождало в его мозгу множество образов. Соломон демонстрировал неспособность выбирать самые важные или ключевые идеи из текста. Любая подробность порождала дополнительные образы, что часто уводило его все дальше и дальше от главной мысли услышанного отрывка.

Соломон также плохо справлялся с воспроизведением абстрактных идей. Любую информацию он перерабатывал визуально. По его собственным словам, «другие люди *думают* , когда они читают, а я все это вижу».[25] Он часто обнаруживал, что одно слово в отрывке внезапно порождало образ, а затем от этого образа он переходил к родственному образу, не связанному с исходным текстом. В результате, возникновением связанных между

---

[24] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 139.

[25] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 112.

собой образов управляло его собственное мышление, а не сам текст. Абстрактные слова также представляли реальную проблему, так как их визуализация вызывала большие трудности. Например, он признавался, что не мог увидеть слово «бесконечность». Слово «что-то» виделось ему в виде плотного облака пара, а слово «ничто» — как более тонкое и полностью прозрачное облако. По сути, он не мог понять идею или слово, если не мог их увидеть, а некоторые идеи и слова с трудом поддавались визуализации. Соломон потратил много часов своей жизни на то, чтобы справиться с этой проблемой, хотя большинству из нас она кажется довольно простой.

Он крайне плохо справлялся с синонимами и метафорами из-за переполнявших его образов. Такие слова, как «ребенок», «мальчик», «младенец», «малыш» и им подобные, имели совершенно разные значения, в то время как писатель мог их использовать одно вместо другого, не слишком задумываясь об этом. Но у Соломона они обрабатывались совершенно разными способами. Кроме того, слова со многими альтернативными значениями создавали серьезные проблемы, поскольку возникавшие образы были всегда одинаковыми, несмотря на разный смысл слов. Нередко Соломон настолько увязал в деталях, что был не в состоянии видеть общую картину. Он практически никогда не мог читать стихи. Каждое слово вызывало в его сознании свой образ независимо от того, стремился к этому поэт или нет, и тот образ, который видел Соломон, часто скрывал смысл, ассоциируемый с этим словом.

Другим слабым местом Соломона было распознавание любой формы логической организации материала. Он с трудом распознавал схемы, которые могли бы облегчить вспоминание, и никогда не использовал никаких логических средств, которые могли бы упростить воспроизведение запомненного материала. Однажды ему предложили для запоминания список названий птиц, но он не смог разглядеть очевидную связь между словами в списке и стал обрабатывать их как не связанные между собой термины, а не как слова, принадлежащие к одной и той же категории «птицы». Используемый им метод означал, что каждое слово порождало один или несколько независимых образов, и эти образы не были связаны со следующим словом в списке. То же самое происходило и с числами, размещенными в определенной логической последовательности. Распознать эту логику ему обычно никогда не удавалось. Сам Соломон признавался: «Если бы мне показали буквы, размещенные в алфавитном порядке, я бы этого не заметил... я просто стал бы запоминать их одну за одной».[26]

Возможно, покажется удивительным, что Соломон имел довольно плохую память на лица и голоса, слышанные им по телефону. Он жаловался, что они казались ему переменчивыми и зависящими от настроения людей, которым они принадлежали. Соломон видел лица постоянно изменяющимися. Он сравнивал узнавание лица с наблюдением за волной, изменяющей свою форму. Он утверждал, что голос человека может изменяться за день до тридцати раз. Каждое изменение голоса вызывало у Соломона разные наборы образов, и поэтому узнавание какого-то одного голоса представляло большую трудность. Он становился настолько обеспокоенным звучанием голоса человека, что переставал фиксировать то, что этим голосом произносилось.

Синестезия Соломона позволила ему иметь феноменальную память, но отсутствие разделительной линии между его ощущениями иногда приводило к странным последствиям. Так, по его словам, он мог нормально есть в ресторане, если в зале звучала определенная музыка, в противном случае звуки музыки изменяли для него вкус еды. Соломон утверждал, что «если вы выбираете правильную музыку, то все имеет правильный вкус. Разумеется, люди, работавшие в ресторане, это знали...»[27] Известен случай, когда он при выборе

---

[26] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 60.

[27] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 82.

мороженого спросил, какие сорта имеются в продаже, продавщица произнесла слова «фруктовое мороженое» таким тоном, что «целые горы каменного угля и черного шлака посыпались из ее рта, и я не мог заставить себя купить у нее никакого мороженого после подобного ответа...»[28] Другой пример связан со словом «свинья», которое у Соломона вызывало изящные и нежные образы, плохо гармонировавшие с качествами, обычно приписываемыми этому животному. Для него звучание слова, голос произносящего и смысл кодировались совместно; все эти параметры должны были *соответствовать* друг другу.

Попытки забывания

В отличие от большинства людей, тратящих время на выработку стратегий запоминания, Соломон стремился к стратегиям забывания. Со временем ему становилось все яснее, что он должен научиться забывать информацию. Став профессиональным мнемонистом, которому иногда приходилось давать по несколько сеансов в день, Соломон обнаружил, что ему трудно организовывать весь материал для запоминания. В результате он разработал несколько стратегий, чтобы попытаться справиться с этой проблемой.

Прежде всего он старался ограничить количество используемых для облегчения вспоминания образов. Соломон пытался фокусировать свое внимание и сводить образы к нескольким важнейшим деталям, которые могли бы потребоваться для воспроизведения запомненного элемента. По сути, он начал делать стенографическую версию образов. Он по-прежнему превосходно запоминал весь материал, но ему больше не требовалось кодировать все те многочисленные детали, которые обычно вызывал в памяти каждый элемент. Хотя это помогало, все же ему был нужен способ полного забывания материала, а не просто кодирования образов в упрощенной форме.

Один из использовавшихся им методов заключался в том, чтобы мысленно «записывать» на бумаге тот материал, который он запомнил во время предыдущих выступлений. Затем он представлял себе, как комкает эту бумагу и выбрасывает в мусорное ведро. Однако он по-прежнему продолжал испытывать трудности с забыванием. Соломон обнаружил, что интерференция возникала тогда, когда материал последующего сеанса был подобен материалу, представленному во время предыдущего сеанса. В этом случае наблюдалась так называемая проактивная интерференция — более старые воспоминания оказывали воздействие на более новые. Кроме того, чем выше было сходство материала, тем сильнее была интерференция. Казалось, теперь память Соломона работала так же, как память других людей, поскольку интерференция является одним из общепризнанных объяснений забывания. Но необходимо подчеркнуть, что Соломон в действительности не забывал информацию, он просто более сложно ее усваивал и воспроизводил.

Однако Соломон по-прежнему нуждался в методе забывания. Он понимал, что многие люди делают записи на бумаге для облегчения своего вспоминания, это для него казалось смешным. Тем не менее он хотел узнать, мог ли он действительно, т. е. физически, записывать информацию, чтобы ее забыть (вместо того, чтобы просто мысленно представлять себя делающим это). Он полагал, что если информация записывается на бумаге, то отпадает необходимость ее помнить. Соломон опробовал этот метод, выбрасывая исписанные листы бумаги, а иногда и сжигая их. К сожалению, он обнаружил, что по-прежнему мог видеть числа на обуглившихся остатках своих записей!

Соломону казалось, что он никогда не сможет избавиться от своей неспособности забывать, и эта мысль беспокоила его все сильнее. Но совершенно неожиданно ему удалось найти метод забывания, который до конца не мог понять ни он сам, ни занимавшиеся им психологи. Он рассказывал, что после того, как дал три сеанса за один вечер, его начала беспокоить мысль о проявлениях эффектов интерференции во время четвертого сеанса: «Я просто хотел увидеть, осталась ли первая таблица цифр. Я боялся, что она не появится. Одновременно хотел и не хотел, чтобы она появилась... и тогда я подумал: "Таблица не

---

[28] Там же.

появляется, и теперь мне ясно, почему — просто потому, что я этого не хочу! Ага! Это значит, что если я хочу, чтобы таблица не появилась, то она не появится". И все, что было нужно, — это осознать данный факт... В тот момент я почувствовал себя свободным... Я знал, что если я захочу, чтобы это изображение не появилось, то оно не появится».[29]

Как ни странно, но этот метод сознательной попытки забывания, по-видимому, работал, хотя до сих пор никто не знает, как.

Постскриптум

Какие же выводы можно сделать из истории о Соломоне Шерашевском? Его жизнь была парадоксом. Его самая выдающаяся способность стала для него и самым тяжелым бременем. Наличие удивительной памяти означало, что ему было трудно забывать информацию, но, несмотря на это, другим людям он мог казаться забывчивым и заторможенным. Его память создавала ему проблемы в повседневной жизни. Он женился и стал отцом, но продолжал испытывать трудности, когда ему нужно было отличить реальность от образов, созданных у него в голове. Каждый день он на несколько часов отключался от окружающего мира и погружался в глубины своей удивительной памяти. Хотя его публичные выступления в качестве мнемониста были популярны, он занимался и другими видами деятельности и никогда не находил настоящего удовлетворения в работе, основанной на использовании его поразительных способностей. В конце концов он стал работать таксистом в Москве, — этот шаг удивительного человека трудно объяснить! Он всегда стремился сделать в своей жизни что-то выдающееся, но, возможно, почувствовал, что это ему не удалось. Однако его наследие для психологической науки говорит о том, что все-таки он добился своей цели.

Мальчик, которому постоянно нужно было мыться: жизнь с ОКР

С четырнадцати лет Чарльз ежедневно проводил не менее трех часов под душем. Он вел себя таким образом в течение нескольких лет. Он не мог справиться с собой, он вынужден был так поступать.

История

Начальный абзац текста этой главы подобен тому, которым Джудит Рапопорт (Judith Rapoport) начинала свою опубликованную в 1989 году книгу «Мальчик, которому постоянно нужно было мыться» (*The Boy Who Couldn't Stop Washing*).[30] Эта книга была одной из первых, посвященных теме обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР).

Главной особенностью ОКР являются повторяющиеся навязчивые (обсессивные) мысли или компульсивные действия. Навязчивые мысли представляют собой нежелательные идеи, образы или импульсы, которые снова и снова возникают в голове индивида. К ним могут относиться постоянные страхи причинения вреда себе или своим близким, необоснованные страхи перед болезнью или заражением либо болезненное стремление к идеальному выполнению своих обязанностей. Подобные беспокойные мысли проявлялись у Чарльза: ему постоянно требовалось принимать душ. Компульсивные действия — это регулярно повторяющиеся поступки. Наиболее распространенными видами компульсивных действий являются мытье и осуществление проверок. Люди, у которых наблюдаются эти два типа компульсивных действий, могут быть условно распределены на две группы: «моющихся» и «проверяющих». Чарльз относился к первой группе. Компульсивные действия не обязательно доставляют удовольствие, но они могут избавлять от беспокойства, вызванного ОКР. Другими распространенными типами компульсивных действий являются ведение подсчетов и накопление запасов.

---

[29] Luria. *Mind of a Mnemonist* , p. 71-72.

[30] Rapoport J. *The Boy Who Couldn't Stop Washing* . New York: Signet, 1989.

В течение многих лет эта болезнь считалась редкой, потому что люди, страдающие ОКР, практически не рассказывали о своих мыслях и поступках и не могли получать соответствующего лечения. Книга Рапопорт помогла определить масштаб проблемы. Она показала, что ОКР имеет более широкое распространение, чем другие известные расстройства, такие как биполярное расстройство (маниакальная депрессия) и шизофрения. По некоторым оценкам, в настоящее время около 2% людей страдают ОКР, причем мужчины и женщины примерно в одинаковой пропорции.

Мальчик, с которого все началось

Чарльз мог считаться «классическим» примером пациента, страдающего ОКР, — у него наблюдались почти все симптомы этого заболевания. ОКР является одной из разновидностей расстройства, сопровождающегося чувством тревоги — болезненного состояния, которое может продолжаться всю жизнь. Обычно симптомы ОКР начинают проявляться в подростковом возрасте, хотя могут возникнуть и раньше. Если ребенок страдает ОКР на ранних этапах своего развития, то это может серьезно повлиять на его поведение в будущем. Невылеченное ОКР может нарушить способность человека вести нормальную жизнь. Именно так произошло в случае с Чарльзом.

В школе Чарльз был хорошим учеником, проявлял интерес к химии и биологии. Поговаривали, что он собирается стать врачом. Однако в возрасте примерно двенадцати лет у него появилась непреодолимая потребность мыться. Это поведение возникло без какой-то видимой причины, но мытье в душе стало ежедневно занимать у него все больше и больше времени.

Большинство страдающих ОКР пытаются отбросить навязчивые мысли и прекратить свои компульсивные действия. Чарльз не был исключением. Находясь в школе, он мог на какое-то время взять их под контроль. Однако через несколько месяцев его способность к сопротивлению ослабла, а ОКР стало настолько сильным, что многочасовые гигиенические ритуалы стали для него необходимостью. Чарльз пропускал занятия в школе, потому что тратил на мытье значительную часть дня. Его ежедневный помывочный ритуал осуществлялся по одной и той же схеме: сначала он брал в правую руку кусок мыла и около минуты держал его под струей воды, затем делал то же самое, держа мыло в левой руке. Он повторял эти действия не менее часа. Мытье под душем занимало около трех часов, после этого он тратил еще около двух часов на одевание.

Как и в случаях со многими людьми, страдающими ОКР, поведение Чарльза влияло не только на его собственную жизнь. Его мать не знала, что ей делать. Сначала она не одобряла этот странный помывочный ритуал Чарльза, но позднее, не желая видеть его страдания, она стала «помогать» ему, начав мыть и чистить в доме все предметы, от которых ее сын мог бы «заразиться». Она дезинфицировала все вещи, которых мог коснуться Чарльз, запрещала другим людям входить в дом и приносить с собой «микробов». Отец не мог понять такого поведения сына и проводил все больше и больше времени на работе.

Джудит Рапопорт рассказывает, что Чарльз был отзывчивым, добродушным и веселым подростком. Он искренне надеялся на ее помощь, так как знал о своем ОКР и хотел от него избавиться. Она предложила исследовать мозговые волны Чарльза с использованием электроэнцефалограммы — графической записи электрической активности мозга. К сожалению, для этого необходимо было прикреплять электроды к голове пациента с помощью электропроводящей мастики. Эта мастика была очень липкой и оказалась сущим наказанием для Чарльза, — он не мог вынести мысли о том, что подобное вещество находится на его теле. Он заявлял, что «липкость отвратительна. Она является разновидностью болезни, она подобно чему-то такому, что вы не можете понять».[31] К счастью, врачам удалось уговорить его позволить снять электроэнцефалограмму, но после этого Чарльз полдня мылся в душе.

---

[31] Rapoport. *Boy Who Couldn't Stop Washing* , p. 92.

Почему?

Рапопорт провела с Чарльзом много часов, пытаясь понять, почему у него возникло ОКР. Сам он чувствовал, что вести себя подобным образом его заставляет нечто, находящееся в нем самом. Он не слышал никаких голосов, приказывавших ему действовать определенным образом, но он действительно ощущал внутреннюю непреодолимую потребность мыться. Он знал, что его поведение кажется другим людям по меньшей мере странным, но сам он вовсе не считал себя ненормальным.

Чарльза спрашивали, что могло бы произойти, если бы он не смог помыться в душе. Он был уверен, что от этого он заболел бы или с ним случилось бы какое-то несчастье. Будучи совсем неглупым подростком, он все равно не мог внятно объяснить, почему у него возникла непреодолимая тяга к мытью и почему она продолжается.

Чарльз никогда не встречал других людей с ОКР. Он не мог узнать о таких расстройствах, просто наблюдая за окружающими, не имел понятия о том, что другие могут демонстрировать подобное необычное поведение. Так что же вызвало его ОКР?

Причина

Результаты исследований позволяют утверждать, что деятельность мозга пациентов с ОКР отличается от деятельности мозга людей, не страдающих никакими психическими заболеваниями. Например, люди, страдающие ОКР, по-видимому, имеют значительно меньше белого вещества и гораздо большую массу коры головного мозга, чем так называемые нормальные контрольные участники обследования. Этот результат также указывает на возможную нейробиологическую причину возникновения ОКР.[32]

Но, по-видимому, существуют также внешние воздействия, вызывающие у человека предрасположенность к развитию нарушений функций мозга, и потому исследователи уделяют большое внимание взаимодействию нейробиологических факторов с внешними воздействиями и когнитивными процессами.

Современные объяснения причин ОКР подчеркивают важность роли биологических факторов. Медикаментозное лечение на какое-то время помогает пациентам с ОКР. По крайней мере, оно приносило пользу Чарльзу до тех пор, пока у него не выработалось привыкание к лекарствам и благоприятные эффекты лечения не пошли на убыль. Этот результат позволяет предположить, что данное расстройство имеет нейробиологическую природу.

Лечение

Существует два основных терапевтических подхода к лечению ОКР: медикаментозный и на основе бихевиоральной (поведенческой) терапии. Их можно использовать одновременно, и выбор подхода обычно осуществляется совместно врачом и пациентом.

Чарльза лечили с помощью препарата «Анафранил», в результате чего симптомы расстройства исчезли приблизительно на год. К сожалению, у Чарльза выработалось привыкание к лекарству, что проявлялось в ослаблении реакции на обычные дозы препарата и в необходимости увеличения доз для поддержания нужного лечебного эффекта. Хотя некоторые из симптомов стали проявляться снова, они были не так заметны, как прежде, и Чарльз мог контролировать количество времени, проводимого под душем. Он обнаружил также, что когда он мылся вечером, эти симптомы проявлялись слабее, чем когда он мылся днем.

Препараты, воздействующие на нейротрансмиттер серотонин, доказали свою способность ослаблять симптомы ОКР. «Анафранил», который принимал Чарльз, был одним из первых таких лекарств. Препараты этой группы замедляют повторное поглощение серотонина во время передачи возбуждения по синапсам. Исследования показали наличие корреляции между повышением уровня серотонина и клинической эффективностью.

---

[32] Jenike M. A. et al. Cerebral structural abnormalities in obsessive-compulsive disorder. A quantitative morphometric magnetic resonance imaging study // *Arch. nym. Psychiat*. Vol. 53 (7). P. 625-632.

Действительно, три четверти пациентов сообщали об улучшениях, произошедших благодаря приему этих лекарств.

Считается, что бихевиоральная терапия обеспечивает наиболее эффективное лечение большинства типов ОКР. Ее методы предусматривают создание устрашающих ситуаций, которые вызывают навязчивые идеи (воздействие), и принятие мер, предотвращающих компульсивные действия или ритуалы (предотвращение реакции). Исследования показывают, что три четверти пациентов, получивших около пятнадцати лечебных сеансов, демонстрируют значительное устойчивое сокращение проявлений навязчивых симптомов. При сравнении с медикаментозным лечением бихевиоральная терапия обычно обеспечивает более серьезные и более продолжительные улучшения. Однако до трети всех людей с ОКР отказываются от бихевиоральной терапии или досрочно прекращают лечение с ее помощью. Вполне понятно, что люди не хотят испытывать дискомфорт, связанный с необходимостью оказываться в стрессовых ситуациях.

В последнее время психологи все чаще дополняют лечение с помощью бихевиоральной терапии когнитивными интервенциями. Этот подход, получивший название когнитивной бихевиоральной терапии (КБТ), помогает людям изменять те мысли и убеждения, которые могут подкреплять симптомы навязчивых и непреодолимых мыслей и действий. Совместно с традиционной бихевиоральной терапией этот подход дает новые надежды людям, страдающим ОКР.

Постскриптум

У Чарльза наблюдались многие симптомы ОКР. Благодаря своему желанию получить врачебную помощь он стал участником правильно подобранной лечебной программы, которая способствовала ослаблению остроты многих симптомов. Он получил возможность вести более нормальный образ жизни. Книга, в которой описывался этот случай, вышла в 1989 году и помогла привлечь к ОКР внимание широкой аудитории. Многие люди, страдавшие ОКР, осознали, что они не одиноки: они стали менее скрытными, начали искать способы лечения своих расстройств и, в свою очередь, способствовали росту наших знаний в этой области.

Жертва, тщетно взывавшая о помощи: история Китти Дженовезе

Тринадцатого марта 1964 года двадцативосьмилетняя Кэтрин Дженовезе возвращалась домой с работы. Это возвращение оказалось последним в ее жизни: Дженовезе получила удар в спину ножом от неизвестного нападавшего, а затем была изнасилована и убита. Подобные ужасные происшествия не являются в Нью-Йорке чем-то необычным, но об этом преступлении стало известно во всем мире. Ее нечеловеческие страдания продолжались в течение получаса на глазах тридцати восьми соседей, из которых никто не удосужился вызвать полицию. Случай «Китти Дженовезе» (так ее обычно называли знакомые) послужил катализатором исследований феномена поведения свидетелей. До сегодняшнего дня психологи продолжают спорить о причинах того, что иногда называется «синдромом Дженовезе».

Как заметил профессор психологии из Нью-Йорка Стэнли Милгрэм (Stanley Milgram), «этот случай затрагивает фундаментальную проблему человеческого состояния... Если мы нуждаемся в помощи, то будут ли окружающие пассивными свидетелями нашей гибели или же они попытаются спасти нас?»

Убийство

Рано утром Китти уехала из бара, директором которого она работала, недалеко от дома на автомобильной стоянке припарковала свой красный «Фиат». Она жила в Кью-Гарденс, довольно безопасном в криминальном отношении микрорайоне Нью-Йорка, населенном, преимущественно, представителями среднего класса. На пути к дому она заметила приближающегося к ней человека. Позднее нападавший рассказал, что она сразу же бросилась бежать. Возможно, она заметила нож в его руке и попыталась как можно скорее

добраться до ближайшего телефона-автомата, чтобы позвонить в полицию. Нападавший схватил ее сзади и нанес ей в спину несколько ударов ножом. Китти закричала: «О Боже! Он зарезал меня! Помогите! Помогите!» В этот момент в окнах многих ее соседей по дому зажегся свет. Ирена Фрост отчетливо слышала крики Китти и могла видеть все происходящее на улице. Ирена рассказывала: «Раздался еще один пронзительный крик и затем она упала, продолжая звать на помощь». Роберт Мозер открыл свое окно на седьмом этаже, увидел борьбу двух людей и крикнул: «Эй, оставь девчонку в покое!» Нападавший услышал эти слова и поспешил прочь. К сожалению, история на этом не закончилась.

Китти, истекавшая кровью, сумела дойти до двери своего дома и попыталась ее открыть. Но тут она увидела, что нападавший вернулся. Он снова ударил ее ножом, а потом нанес еще несколько ранений. Китти закричала: «Я умираю! Я умираю!» И вновь соседи услышали ее крик. Некоторые из них зажгли свет и открыли окна. Молодая француженка по имени Андрэ Пик, жившая на втором этаже, увидела, как какой-то мужчина наносит удары Китти. Марджори и Сэмюэль Кошкин, квартира которых находилась на шестом этаже, также были свидетелями нападения. Они видели, как нападавший побежал к своей машине, но затем заметили, что через пять минут он снова оказался рядом со своей жертвой.

И вновь Китти попыталась найти спасение в своем доме. Она вошла в холл, но нападавший вернулся в третий и последний раз. Как он вспоминал позднее, «я вернулся, потому что не закончил то, что собирался сделать». Идя по следам крови, он дошел до того места, где лежала Китти, изнасиловал ее и убил. В общей сложности, нападение продолжалось чуть более получаса. За все это время никто из свидетелей преступления не позвонил в полицию.

Нападавший сел в свою машину и скрылся. Через несколько кварталов, ожидая на перекрестке зеленого сигнала светофора, он заметил, что водитель соседней машины задремал. Убийца вышел из своей машины, разбудил задремавшего водителя и предупредил его о том, как опасно спать за рулем. Это был на удивление альтруистический поступок человека, на руках которого еще не высохла пролитая им кровь.

Как выяснилось позднее, Китти Дженовезе стала его третьей жертвой.

Нападавший: Уинстон Мосли

Неделю спустя двадцатидевятилетний неквалифицированный рабочий Уинстон Мосли был арестован за убийство. Ранее он не имел судимостей, жил с женой и двумя детьми недалеко от места трагедии. На допросе он быстро признался в совершенном убийстве и заявил, что в тот день у него возникло непреодолимое желание убить человека. Через три месяца его дело рассматривалось в суде. Несмотря на ходатайство защиты об освобождении подсудимого от ответственности по причине его невменяемости, 11 июня 1964 года суд приговорил Уин-стона Мосли к смертной казни на электрическом стуле. Однако судья допустил ошибку, не разрешив представить сведения о психическом здоровье Мосли на предварительных слушаниях. В итоге высшая мера наказания убийце была заменена на пожизненное заключение.

Год спустя Мосли попытался убежать из тюрьмы. Он напал на охранника, завладел его оружием и взял в заложники пятерых гражданских лиц. Он изнасиловал одну из женщин и в конце концов сдался вооруженным агентам ФБР. Мосли по сей день находится в тюрьме Грейт Мидоу, расположенной в штате Нью-Йорк. До сих пор суд отклонял все его просьбы о досрочном освобождении.

Детали этого преступления были ужасными и вызвали настоящую сенсацию. Однако сенсационная история, о которой сообщали газеты, имела отношение не столько к подробностям убийства, сколько к тому факту, что никто из сорока человек, живших в одном доме с Китти и ставших свидетелями трагедии, за все время нападения так и не удосужился позвонить в полицию. Когда кто-то из них все же вызвал полицейских, Китти уже была мертва. Известно, что они прибыли через две минуты после звонка. Свидетель, обратившийся в полицию, сделал это только после того, как сначала посоветовался по телефону со своим другом, жившим в округе Нассау. Этот друг и велел ему вызвать

полицию. Но даже после этого осторожный свидетель сначала постучался в дверь своей соседки по лестнице и попросил ее сделать звонок. Позднее он объяснял это тем, что не хотел оказаться замешанным в историю.

Если бы кто-то из свидетелей позвонил в полицию сразу после того, как заметил неладное, то, скорее всего, Китти Дженовезе осталась бы жива. Вопрос, который задавали себе многие люди, звучал следующим образом: почему никто не позвонил в полицию, когда стало ясно, что у них на глазах убивают невинную женщину?

Слишком много свидетелей, чтобы рассчитывать на их помощь

После этого преступления многие эксперты пытались объяснить бездействие свидетелей. Ими было выдвинуто множество предположений, в числе которых называлась и взаимная отчужденность людей (утрата индивидуальности) вследствие характерного для городских жителей слабого чувства общности. Действительно, в последующие годы появились сообщения о толпах людей, «подбивавших» самоубийц совершить последний прыжок. Однажды, когда полицейские снимали с крыши потенциального самоубийцу, их освистали стоявшие внизу зеваки. Интересно, что один богослов, заявивший, что деперсонализация в городе зашла дальше, чем можно было когда-либо это представить, попросил не называть его имя! Многие объяснения оставались просто догадками, и поэтому два нью-йоркских профессора психологии решили исследовать поведение свидетелей. Их интерес стал прямым следствием убийства Китти Дженовезе. Этих профессоров звали Бибб Латане (Bibb Latane) и Джон Дарли (John Darley).

Латане и Дарли решили выяснить, действительно ли все случившееся произошло именно потому, что свидетелей убийства было так много, что никто из них не пришел жертве на помощь. Первое выдвинутое ими объяснение они обозначили как «массовое неведение». Оно предполагало, что в неопределенных ситуациях люди смотрят на окружающих, чтобы понять, как им следует поступать (утверждалось, что это отражает «социальную реальность»). Если в чрезвычайной ситуации все другие свидетели также не знают, что им следует делать, и нуждаются в руководстве, то ориентация на таких свидетелей может дать неверное указание к действию, которое иногда сводится к полному бездействию. Возможно, что в рассматриваемой истории свидетели искали указаний к действию у жильцов других квартир, не видели никаких указаний и поэтому просто не интерпретировали происходящее как чрезвычайное событие. Проще говоря, если никто другой не собирается оказывать помощь, то возможно, что в действительности ситуация не является экстраординарной. Но для описания увиденного выдвигались и другие объяснения, такие как «месть любовника» или «просто веселящаяся парочка». Свидетельница-француженка Мадлен Гартман позднее признавала, что она, возможно, неправильно интерпретировала это событие и не восприняла его как чрезвычайное. Она заявила: «В течение ночи я много раз слышала громкие крики. Но ведь я не полиция, и мой английский далек от совершенства».

Второе объяснение, предложенное Латане и Дарли, также имеет отношение к численности свидетелей. Они утверждали, что присутствие других людей может влиять на процесс принятия решений. Если при каком-то чрезвычайном событии присутствует много людей, то возникает так называемое размывание ответственности, в результате которого каждый человек чувствует себя менее ответственным за происходящее. С учетом большого числа свидетелей убийства Дженовезе и их осведомленности о том, что многие другие люди также наблюдают за развитием ситуации (они видели, как их соседи выглядывали из освещенных окон), каждый рассчитывал на то, что первым ответственность на себя возьмет кто-то другой. Другими словами, каждый ожидал, что в полицию позвонит кто-то из соседей. В любом случае, если бы никто не пришел жертве на помощь, то в этом не было бы исключительно их вины. Они всегда могли бы сказать: «Не надо обвинять только меня. Другие также не ударили палец о палец!»

Объяснение, использующее понятие размывания ответственности, подкреплялось показаниями свидетелей. Мистер Кошкин с шестого этажа собрался позвонить в полицию,

но у его жены было другое мнение: «Я не позволила ему это сделать, — заявила она журналистам. — Я сказала ему, что и без него уже, наверное, сделано не меньше тридцати звонков».

Удивительно, но Мосли, по-видимому, знал, что свидетели, скорее всего, поведут себя пассивно. Позднее он признался, что его мало беспокоили крики жильцов дома. Он заявил: «У меня было ощущение, что этот мужчина закроет свое окно и пойдет спать — и именно так он и сделал».

Психологические исследования

Латане и Дарли провели серию экспериментов, в ходе которых они исследовали так называемый эффект свидетеля.

Для первого эксперимента они пригласили студентов для обсуждения «личных проблем, с которыми сталкиваются учащиеся колледжа». Во избежание недоразумений студентов рассадили по отдельным кабинкам, а общение с ними осуществляли по системе внутренней связи. Каждому студенту по очереди давалась возможность говорить в течение двух минут. Во время своего первого выступления один из участников упомянул, что в стрессовых ситуациях с ним случаются припадки. Во время второго его выступления стало ясно, что у него действительно начался припадок. Он кричал: «Помогите! У меня начался припадок! Я могу умереть... помогите!» Около 85% тех, кто думал, что рядом с жертвой припадка больше нет никого, предложили свою помощь в течение двух минут; студенты, составляющие группы по три человека, сообщили о начале припадка в 62%; и только 31% студентов в группах из шести человек пришли на помощь в течение двух минут. Этот результат является наглядным примером рассеяния ответственности: присутствие других людей означало, что каждый участник эксперимента чувствовал меньшую ответственность за предоставление помощи.

В ходе второго исследования студентов, не объединенных в группы, располагали в комнате и предлагали им индивидуально отвечать на письменные вопросы о трудностях городской жизни. В то время как они выполняли задание, в комнату через отверстие в стене начинал проникать «дым» (на самом деле обычный пар). В течение четырех минут реальные действия предприняли 50% студентов, а 75% начали действовать в течение шести минут, когда эксперимент закончился. Однако в группах, составленных из трех участников, лишь 4% студентов сообщили о «дыме» в течение четырех минут и только 38% — в течение шести минут. Когда два «скрытых» исследователя присоединялись к ничего не подозревавшему участнику и отвечали «не знаю» на все вопросы, которые им задавали (такие как: «считаете ли вы, что мы должны что-то делать?»), то лишь 10% участников сообщили о дыме в течение шести минут, когда эксперимент закончился. Это является наглядным примером массового неведения: люди не хотели проявлять чрезмерную реакцию и лишаться покоя. В присутствии других людей мы смотрим на окружающих, чтобы понять, как нам следует действовать. Если они выглядят спокойными, то мы не видим вокруг себя никаких проблем.

Массовое незнание, возможно, объясняет, почему свидетели убийства Дженовезе вели себя так пассивно. По-видимому, они полагали, что поскольку никто не реагирует на ситуацию так, как если бы она была экстраординарной, то, скорее всего, она таковой и не является. Кроме того, даже если кто-то из них и мог подозревать что-то неладное, эффект рассеяния ответственности вынуждал его чувствовать себя в меньшей степени обязанным предпринимать какие-то действия. В составе группы индивиду гораздо проще решить, что он может ничего не делать, и понадеяться на то, что об исправлении ситуации побеспокоится кто-то другой.

Случай Дженовезе ставит следующие вопросы: почему мы не хотим казаться проявляющими гиперреакцию в чрезвычайной ситуации, и действительно ли лучше перестараться, чем проявить полное бездействие? Многие люди объясняют пассивное поведение нежеланием выглядеть смешными или суетливыми, но почему суетливым должен считаться человек, делающий то, что он считает правильным? Возможно, люди проводят собственный анализ выгод и издержек и решают, что потенциальные издержки для них

(опасность, затраты времени и сил) перевешивают потенциальные выгоды. Но является ли такое поведение типичным в других культурах?

Предсказуемая апатия

Споры по поводу случая Китти Дженовезе продолжаются и по сей день. Как могли свидетели преступления проигнорировать крики жертвы о помощи? Почему многие из них во время последующих интервью так равнодушно говорили о своем бездействии? Сведения, предоставленные Латане и Дарли, позволяют предположить, что свидетели преступления вели себя вполне предсказуемо и в полном соответствии с тем, что мы знаем теперь о социальном поведении в групповых ситуациях. Ведь наличие групповой ситуации предполагает сам факт того, что свидетели знали о присутствии друг друга. В своей статье, написанной в 1985 году, Шотленд (Shotland) сделал следующий вывод: «Результаты почти двадцатилетних исследований указывают на то, что так называемый эффект свидетеля проявляется во всех типах чрезвычайных ситуаций, медицинских и криминальных».[33]

Уроки

Так были ли крики Китти напрасными или же они должны помочь нам извлечь уроки, которые могут принести пользу другим людям, нуждающимся в срочной помощи? Что бы вы сделали на месте Китти, чтобы повысить свои шансы на спасение?

С учетом результатов всестороннего изучения «синдрома Дженовезе» было разработано несколько простых правил, которым рекомендуется следовать в тех случаях, когда вам требуется срочная помощь. Прежде всего постарайтесь, чтобы у свидетелей не было сомнений в том, что наблюдаемая ситуация является действительно чрезвычайной и требует их помощи. Например, вы должны дать им ясно понять, что подверглись нападению, а не просто издаете пьяные выкрики. Вам следует подавать сигнал четко и недвусмысленно. Вам нужно справиться с эффектом рассеяния ответственности, выбрав конкретного человека, которого вы будете просить о помощи. Гораздо легче игнорировать абстрактное обращение «Помогите!», чем конкретное «Эй, вы, в сером пиджаке, идите сюда, здесь произошло несчастье, и мне нужна *ваша* помощь. Срочно позвоните в полицию!» Вам нужно дать конкретное задание и возложить на человека ответственность за его выполнение. Как только один человек начинает оказывать помощь, социальная норма в экстренной ситуации меняется с «не помогать» на «помогать». Вполне вероятно, что другие люди начнут воспринимать ситуацию как чрезвычайную и будут прилагать усилия, чтобы вам помочь. Таким образом вам удастся справиться с эффектом массового незнания. Вас засыплют предложениями о помощи. Делайте так, чтобы психология работала *на* вас, а не против вас.

Этот случай может оказывать благоприятное воздействие и другим образом. Несколько лет назад я увидел, как по улице перед моим домом идет, шатаясь, пьяный мужчина. Автомобильное движение на этой улице было очень интенсивным, и мужчина с высокой вероятностью мог спровоцировать дорожно-транспортное происшествие. Я подумал, что мне следует позвонить в полицию, но тут же представил себе, сколько звонков они уже получили. Но, вспомнив о «синдроме Дженовезе», я все же сделал звонок. Полицейские прибыли через пять минут и забрали нарушителя. На следующий день они приехали снова, чтобы поблагодарить меня. Мой звонок оказался в тот вечер первым; они также сказали, что им не важно, сколько звонков они получают. Подгулявший мужчина был выпущен целым и невредимым утром следующего дня.

Более ясное понимание психологических объяснений случая Дженовезе позволяет людям лучше подготовиться к чрезвычайным ситуациям в их жизни. Это понимание может спасти жизнь вам или кому-то другому.

К сожалению, история Китти Дженовезе на этом не закончилась. Каждый год происходят прискорбные события, повторяющие ее случай. В 2003 году министр

---

[33] Shotland R. L. When bystanders just stand by // *Psychol. Today* . 1985, June. P. 52.

иностранных дел Швеции Анна Линд была убита в переполненном людьми универмаге. Убийца начал преследовать ее еще на эскалаторе, а затем нанес ей смертельные ножевые ранения. Вокруг находились десятки людей, но ни один не пришел ей на помощь. Действие «синдрома Дженовезе» проявилось еще раз.

Постскриптум

Что же можно сказать о случае Китти Дженовезе? Возможно, его можно резюмировать следующим образом: «Преступление было ужасным, но оно сослужило определенную службу обществу, убедив его в необходимости приходить на помощь тем своим членам, которым угрожает опасность». Эти слова взяты из письма, опубликованного в «New York Times» в 1977 году, оно было написано Уинстоном Мосли. В конце концов Мосли раскаялся в своих преступлениях и во время заключения даже получил диплом по социологии. До настоящего времени он находится в тюрьме Грейт Мидоуз в штате Нью-Йорк и продолжает подавать прошения об освобождении. Братья и сестра Китти поклялись препятствовать выходу Мосли на свободу. Они простили пассивных свидетелей преступления, но не убийцу их сестры.

Мальчик, которому нужно было играть: история Дибса

Ребенок одиноко стоял посреди игровой комнаты. Пятилетний Дибс[34] *смотрел прямо перед собой и, казалось, даже не подозревал о существовании других детей, игравших вокруг него. Его руки безжизненно висели вдоль туловища, а сам он оставался абсолютно неподвижным. Дибс проявлял активность, если кто-нибудь приближался к нему: тогда он начинал наносить удары подошедшему, пытался кусаться и царапаться. В конце концов он отходил в сторону и ложился под стол, где и находился до конца игрового занятия. Всем, кто видел Дибса, было очевидно, что он имеет серьезные бихевиоральные (поведенческие) проблемы. Хотя воспитатели с нежностью относились к Дибсу, они утверждали, что заниматься с ним невозможно. Его мать заявила о его психической ненормальности и врожденной умственной отсталости. Случай Дибса напоминал историю Джини (см. главу 1), для обследования и лечения Дибса также были приглашены психологи. Вирджиния Экслайн, практикующий клинический психолог, решила использовать для лечения метод так называемой игровой терапии. Десять лет спустя Дибс прошел несколько тестов для оценки уровня умственного развития. Оказалось, что он действительно был «ненормальным»: фактически он был гением.*[35]

«Не пойду домой!»

История Дибса начинается с детского сада. В отличие от большинства детей своего возраста, он, по-видимому, ненавидел жизнь. Часто он подолгу неподвижно стоял у стены, обхватив голову руками; мог просидеть на одном месте все утро не двигаясь и не произнося ни слова; иногда просто сворачивался калачиком и лежал на полу до тех пор, пока не наступало время идти домой. За пределами игровой площадки он искал укромный уголок, садился на траву и что-то рисовал палочкой на земле. Он был молчаливым, замкнутым и несчастным ребенком. Несмотря на его странное поведение, воспитатели чувствовали, что в действительности он любит свой детский сад. Когда вечером за ним приезжала машина, он вырывался из рук забиравшего его шофера и громко кричал: «Не пойду домой!» Однако подобные вспышки никогда не наблюдались утром перед уходом из дома.

---

[34] Дибс — это вымышленное имя. Оно использовалось для того, чтобы сохранить настоящее имя мальчика в тайне.

[35] Впоследствии Вирджиния Экслайн написала книгу о Дибсе и результатах пройденного им курса психотерапии. Эта книга представляет собой увлекательное и познавательное исследование истории Дибса и содержит многие факты, на основе которых была написана эта глава. Axline V. M. *Dibs: In Search of Self* . London: Penguin, 1964.

Дибс не отвечал тем, кто обращался к нему, и ни с кем не устанавливал зрительного контакта. Он был несчастным ребенком, одиноким в казавшемся ему враждебным мире. Несмотря на его поведение, воспитатели проявляли к нему искреннюю нежность. Сила его личности производила на них впечатление. Его поведение было, безусловно, странным: часто он казался умственно отсталым, но иногда делал что-то такое, что предполагало у него наличие развитого интеллекта. Он любил книги и всегда брал их, когда ему предлагали. Когда детям рассказывали сказки, он обычно забирался под стол, расположенный достаточно близко к рассказчику, чтобы не пропустить ни единого слова.

Детский сад получал много жалоб на дезорганизующее и агрессивное поведение Дибса, и воспитатели решили подвергнуть его психологическому тестированию. Но психологи не смогли провести оценку его возможностей, так как он отказывался участвовать в любых тестах. Был ли он умственно отсталым? Был ли он аутистической личностью? Страдал ли он каким-то психическим заболеванием? Дибс демонстрировал такое поведение в течение двух лет, и когда ему исполнилось пять, воспитатели пригласили клинического психолога. Так Дибс впервые встретился с Вирджинией Экслайн. Она должна была стимулировать адекватное поведение Дибса и побудить его справиться со своими проблемами.

Дверь начинает приоткрываться

Мать Дибса не возражала против того, чтобы ее сын получил несколько сеансов игровой терапии под руководством Экслайн. Эти сеансы продолжительностью в один час проводились каждый четверг. Игровая терапия — это особая форма психотерапии для детей; в ней используют психотерапевтические возможности игры, чтобы помочь детям предотвратить или разрешить различные психологические проблемы. Во время сеанса игровой терапии детям предоставляется возможность выражать словами или действиями свои ощущения, переживания или проблемы в игре с куклами или другими игрушками под руководством или наблюдением опытного психотерапевта. В этом процессе иногда удается помочь детям полностью реализовать свой потенциал. Специалисты по игровой терапии верят, что игра может быть средством высвобождения заблокированных чувств и эмоций, она способствует возникновению самоутверждения, пониманию неадекватности, контролю раздражения и дает эмоциональную разрядку.

Существуют два основных типа игровой терапии. При недирективной терапии ребенку предоставляется возможность свободно вести себя в игровой комнате, играть со всем, что вызывает у него интерес. Зачастую этот процесс снимается на видео через полупрозрачное зеркало. Для стимулирования игры психотерапевт использует комментарии поведения ребенка, основанные на фактах, например: «Итак, сегодня ты собираешься играть с куклой-папой». Психотерапевт оказывает поддержку своим присутствием, но контролирует свое чрезмерное вовлечение в игровой процесс. Именно недирективную терапию предпочла использовать Экслайн на занятиях с Дибсом. По понятным причинам этот метод еще называется психотерапией, ориентированной на клиента.

Директивная терапия, напротив, подразумевает более активную роль психотерапевта в игровом процессе. Часто психотерапевт делает предложения о выборе подходящей игры и использует сеансы в диагностических целях. Он также задает ролевые сценарии, которые могут символизировать собственный жизненный опыт ребенка, а затем разрабатывает возможные решения проблемы. Например, куклы-перчатки, изображающие различных зверей, можно использовать для представления сцен споров между родителями, свидетелем которых мог быть ребенок.

Поскольку пятилетние дети еще не достигают той когнитивной зрелости, которая позволяет им извлекать пользу из обсуждения их проблем, Экслайн решила, что игра могла бы дать Дибсу необходимое ощущение уверенности в своих силах: во время сеансов ему разрешалось бы самому направлять игровые процессы, таким образом игра предоставила бы Дибсу возможность справляться с любыми негативными чувствами и символически избавляться от огорчений и душевных травм, подрывавших его ощущение собственного благополучия. Но по-прежнему без ответа оставался вопрос: как справился бы Дибс с этой

новой ситуацией? Базу для процесса излечения имели его собственное воображение и креативность.

В комнате игровой терапии, которую использовала Экслайн, имелись кукольный дом с различными куклами и машинками, песочница, фломастеры и акварельные краски, бумага для рисования и надувная кукла-неваляшка. Во время первого сеанса Дибс просто ходил по комнате и монотонно называл каждую игрушку. Экслайн поощряла такую вокализацию, подтверждая своими словами правильность названий. Дойдя до кукольного дома, Дибс, всхлипнув, произнес: «Нет запертых дверей... нет запертых дверей». Он повторял эти слова снова и снова. Процесс психотерапии начался.

Мальчик исключительного мужества

Во время следующего сеанса Дибс проявил явный интерес к краскам. Он осторожно подошел к ним и после внимательного изучения выложил шесть красок в порядке, соответствующем расположению цветов радуги. Он выбрал конкретную марку красок и сказал, что она является самой лучшей. Тогда Экслайн поняла, что Дибс читал текст на этикетках. Затем он сел и начал рисовать. Рисуя, он произносил название каждой краски, он мог назвать все цвета. Стало ясно, что Дибс вовсе не является умственно отсталым.

Метод недирективной терапии позволял Дибсу самому задавать направление игры. Экслайн реагировала на его вопросы и пожелания, но именно Дибс определял интенсивность взаимодействий и выбирал тип игровой деятельности. Экслайн решила попытаться стать тем катализатором, который помог бы Дибсу раскрыть свое собственное Я. Она надеялась дать ему шанс развивать свои чувства в обстановке, не таящей для него никаких угроз, и говорила ему, что игровая комната является тем местом, где он может веселиться — местом, где никто не может причинить ему вреда, где он имеет возможность «выйти из тени на солнце».

Экслайн знала, что процесс психотерапии требует больших затрат времени и сил, но не гарантирует успеха. Однако она надеялась, что Дибс постепенно станет полнее проявлять свое истинное Я по мере того, как будет чувствовать себя в ее компании все более уверенно. Когда сеанс заканчивался, у Экслайн часто возникали трудности с Дибсом. Всхлипывая, он постоянно повторял: «Не хочу домой, не хочу домой». Иногда, если за ним приезжала мать, он начинал кричать и махать на нее руками. Во время этих вспышек гнева Экслайн не пыталась успокоить Дибса ласковыми словами, чаще всего она просто уходила из комнаты. Она понимала, что он должен был быть независимым от нее. Дибс испытывал бы еще больше душевных страданий, если эмоционально привязался бы к человеку, возможность видеться с которым возникала бы редко; силы Дибса должны были крепнуть изнутри.

Хотя психотерапия имела немаловажное значение, надо было сделать так, чтобы она не оказалась главной составляющей жизни мальчика. Существует опасность того, что некоторые пациенты могут стать чрезмерно зависимыми от психотерапевтов, и Экслайн стремилась не допустить этого в случае с Дибсом. Иногда она останавливалась посередине коридора, и Дибс, хотя и неохотно, но все же продолжал в одиночку идти навстречу матери. С помощью такого простого приема Экслайн показывала, что она доверяет Дибсу. Она понимала, что он мальчик исключительного мужества.

«The rapy»

Во время одного из сеансов Дибс обратил внимание на надпись на двери игровой комнаты: «Play therapy». Он узнал первое слово (play) и прочитал его вслух: «Игра». Затем он стал смотреть на второе слово, оказавшееся для него незнакомым. Наконец он прочитал и его: «The rapy».

Во время игровых занятий Дибс предпочитал играть с кукольным домиком или в песочнице. Он часто просил, чтобы двери в кукольном домике были заперты. В качестве одного из средств психотерапии Экслайн побуждала его высказывать собственные предложения. Например, когда Дибс требовал запереть двери в кукольном домике, Экслайн спрашивала, действительно ли он хотел, чтобы дом был заперт. Если он отвечал «да», то это было его желание, и она предлагала, чтобы двери закрыл он сам, а не она. Когда Дибс объявлял, что дом заперт, она поздравляла его с успешным выполнением задачи.

Экслайн старалась не задавать Дибсу прямых или зондирующих вопросов. Это помогало избегать любых предпосылок к конфронтации и развивало в нем чувство безопасности. Она осознавала свое желание задавать прямые вопросы, но была уверена, что ни один человек во время сеансов психотерапии не давал на них точных ответов, и поэтому считала ограниченными возможности использования этого инструмента. Экслайн пыталась задавать открытые вопросы, позволявшие Дибсу выразить себя более полно. Она часто перефразировала то, что он говорил, чтобы дать ему больше времени на распознавание его собственных мыслей. Например, когда Дибс предлагал ей принять сделанный им рисунок, а не просто взять его с простым выражением благодарности, она спрашивала: «О, ты хочешь дать это мне, в самом деле?» Этот прием позволял ей открывать линии коммуникаций, а Дибсу — расширять обмены, если мальчик того хотел. Данный прием помогал также замедлить процесс и означал, что она не устанавливала собственных стандартов поведения при взаимодействиях. Благодаря использованию такого изящного приема Дибс постепенно начинал выбираться из своей раковины: он стал проявлять собственное Я. Он получал удовольствие от обретаемого чувства свободы и уверенности в себе. Дибс стал устанавливать визуальный контакт с Экслайн, и улыбку на его лице можно было заметить чаще, чем раньше.

Каждая неделя имеет четверг

Экслайн видела, что Дибс делает успехи, но поскольку она имела мало контактов с его родителями и воспитателями, то не была уверена, что прогресс заметен за пределами игровой комнаты. Несмотря на это, Дибс продолжал испытывать большие трудности. Когда он был чем-то огорчен, то часто брал детский рожок и сосал его; по-видимому, таким способом он старался себя успокоить. Экслайн также заметила, что Дибс использовал одну из двух защитных стратегий всякий раз, когда он обсуждал свои чувства и эмоции: иногда его язык становился крайне бедным и элементарным, а иногда он менял тему разговора, демонстрируя свои несомненные способности к письму, чтению и счету. Экслайн понимала, что Дибс испытывает потребность маскировать свои истинные чувства и эмоции и ощущает себя более комфортно, когда демонстрирует интеллектуальные способности. Казалось вполне возможным, что время от времени он скрывал свои истинные способности, чувствуя, что люди придают им слишком высокую ценность.

Однажды во время сеанса Дибс выбрал из коробки с игрушками игрушечного солдата и назвал его «папой». Он поставил его вертикально, а затем одним ударом опрокинул на пол. Он повторил это действие несколько раз, а затем закопал солдата в песок. Там Дибс оставил его лежать на целую неделю. Экслайн заметила это очевидное послание, направленное во время игры, и удивилась тому, насколько креативно и выразительно использовал язык игры Дибс. При наличии достаточного пространства и времени он мог бы наглядно выразить свои чувства к отцу.

Нетрудно понять символическую важность многих игр Дибса. Например, запертый кукольный домик мог символизировать все запертые двери, которые ему пришлось видеть в его короткой жизни. Запертую дверь игровой комнаты у него дома и запертые двери в сердцах его родителей. Такие интерпретации никогда не предлагали Дибсу и не использовали в целях психотерапии, но вполне вероятно, что они могли отображать именно это. Только Дибс мог знать это наверняка.

С каждой неделей становилось все очевиднее, что Дибсу нравятся сеансы психотерапии. Он радостно спешил к двери игровой комнаты, и его лицо светилось улыбкой. Он поведал Экслайн, какое удовольствие он получает от этих занятий, сказав буквально следующее: «Я с радостью вхожу в эту комнату и ухожу из нее с грустью». По-видимому, он считал дни до следующего сеанса. Он вычислял, каким будет следующий четверг — будет ли это день рождения Джорджа Вашингтона или же день, следующий за днем Четвертого июля, — он всегда знал, на какое число придется этот долгожданный день. Среда всегда казалась ему бесконечно долгим днем, предшествующим дню занятий с «мисс А», как он любил называть Вирджинию Экслайн.

Так много нужно рассказать

Экслайн имела мало контактов с родителями Дибса. Но однажды за мальчиком приехал отец, и она вышла в холл, чтобы поприветствовать его. Дибс сразу же вмешался в разговор взрослых, заявив: «Папа, День независимости в этом году наступит через четыре месяца и две недели и придется на четверг». Отец был смущен таким поведением сына и велел ему прекратить бессмысленную болтовню, назвав при этом мальчика идиотом. Дибс выглядел совершенно подавленным и уехал, не сказав ни слова. Дома он набросился с кулаками на отца и стал кричать, что он его ненавидит. Он вел себя так плохо, что его решили на время запереть в домашней игровой комнате. Этот инцидент стал поворотным пунктом в отношениях между Дибсом и его родителями.

Родители Дибса были напуганы. Они никогда по-настоящему не обсуждали свои чувства и эмоции друг с другом. Однако этот инцидент вынудил их преодолеть свои страхи и всерьез задуматься о Дибсе. Они поняли, что вели себя с ним неправильно. Всю взрослую жизнь они использовали свои умственные способности для самозащиты от эмоциональных реакций, и Дибс непреднамеренно сделал то же самое. Возможно, его родители также воспитывались в эмоциональном вакууме. Все трое, хотя и каждый на свой лад, пытались использовать свою сообразительность как форму защитного поведения, и это сделало их еще более уязвимыми, чем когда-либо прежде. Мать и отец Дибса решили, что с этим нужно что-то делать.

На следующее утро мать Дибса позвонила Экслайн, чтобы договориться с ней о встрече. Во время состоявшейся беседы она чувствовала себя неловко. Она призналась, что ей «так много нужно рассказать» и что она несет «тяжкую ношу» заботы о Дибсе. Сейчас у нее появился шанс освободиться от этого бремени. По-видимому, ее муж хочет прекратить сеансы психотерапии. Ему кажется, что они не пошли Дибсу на пользу и что в последние недели он выглядит более несчастным, чем прежде. Экслайн была удивлена: неужели очевидные улучшения, которые она наблюдала у Дибса, не были видны за пределами игровой комнаты?

Глотая слезы, мать Дибса описывала горькое разочарование, которое принесла ей беременность. Будучи способным хирургом, из-за беременности она была вынуждена отказаться от карьеры. Ее муж был блестящим ученым, но эгоистичным человеком: его недовольство рождением Дибса внесло в их жизнь множество бытовых проблем. К тому же они были крайне смущены ненормальностью Дибса: они чувствовали себя униженными и опозоренными. Когда невропатологи не обнаружили у Дибса никакой патологии, они решили, что, возможно, их ребенок страдает шизофренией. Однако обследовавший его психиатр заявил, что Дибс совершенно нормален, а его поведение является результатом невнимания к его эмоциональному развитию. Он рекомендовал психотерапию не Дибсу, а его родителям.

Экслайн спросила о поведении Дибса дома. Мать признала значительные улучшения в его поведении после начала терапии: он стал больше разговаривать (главным образом, по-прежнему сам с собой), перестал сосать большой палец, а вспышки раздражения остались в прошлом. Она описывала инцидент с отцом как рациональный протест против его некорректных высказываний. Дибсу следует продолжать посещать сеансы терапии. Семья успешно пережила кризис, и теперь все будет делаться для решения накопившихся проблем. Экслайн заметила, что многие психотерапевты не соглашаются проводить сеансы психотерапии без согласия или даже участия родителей ребенка. В случае с Дибсом вопрос об этом встал довольно поздно, что указывает на возможность успешного проведения психотерапии даже без участия родителей на раннем этапе процесса лечения.

Последний лист

Во время одного из сеансов Дибс рассказал Экслайн историю о дереве, которое росло перед окнами его спальни. Отец Дибса велел их садовнику по имени Джейк обрезать этот большой вяз. Дибс попросил Джейка оставить ветки, которых он мог бы касаться рукой, высунувшись из окна. Джейк согласился и оставил несколько таких веток. Однако отец

заметил это и потребовал обрезать все. Джейк попытался объяснить ему, что Дибсу нравится касаться этих веток руками, но отец все равно велел их спилить, добавив, что он не хочет, чтобы Дибс высовывался из окна. Джейк выполнил приказание, но дал Дибсу на память верхушку одной из веток — часть дерева, которую тот мог держать у себя в спальне. Дибс очень дорожил этой веткой и никому ее не показывал.

Джейк часто рассказывал придуманные им истории о саде. Однажды он рассказал Дибсу историю о вязе, росшем перед его окнами. Он сказал, что весной листья становятся зелеными благодаря дождям, а летом они дарят прохладную тень. Но зимой ветер срывает листья, чтобы дать им возможность путешествовать по всему свету. Последний оставшийся на дереве лист чувствовал себя очень одиноко, но ветер заметил это и задул с такой силой, что этот маленький лист сумел совершить самое замечательное путешествие в мире. Однако маленький лист скучал о Дибсе, и ветер вернул его на прежнее место на дереве. Джейк сказал, что он нашел этот лист под деревом, и затем вручил его Дибсу. Дибс вставил лист в рамку и всякий раз, когда на него смотрел, он представлял себе все удивительные веши, существующие в этом мире, все чудеса, о которых он так много читал. Дибс рассказывал о своих чувствах к Джейку: «Я очень, очень его люблю. Я думаю, что он мой друг».

Во время сеансов игровой психотерапии ребенка побуждают рассказывать истории о его жизненных переживаниях. Эти истории могут быть как о реальных (в данном случае), так и о выдуманных событиях в его жизни. Они могут помочь обнаружить источники беспокойства и дать возможность осмыслить переживания, тревожащие или огорчающие ребенка. Пересказ истории помогает ребенку справиться с чувствами страха или раздражения, которые она может вызывать.

«Мама, я тебя люблю»

В течение следующих недель Дибс становился все более раскрепощенным и уверенным в своих силах. Он сообщал, как он нравится сам себе. Он рассказывал о чудесных однодневных поездках с родителями на морское побережье. Но он по-прежнему молчал, если не хотел разговаривать. Дибс знал, как это расстраивает отца, и именно таким способом он реагировал на критику в свой адрес. Однажды после сеанса психотерапии он помчался по коридору и бросился в объятия матери со словами: «Мама, я тебя люблю». В ответ мать разразилась потоком слез.

Дибс очень хотел провести лето с родителями. По-видимому, он понимал, что курс психотерапии подходит к концу. Он был весел и доволен. Его мать встретилась с Экслайн еще раз. На этот раз она пришла, чтобы поблагодарить ее за проделанную работу. Она также призналась, что всегда чувствовала, что Дибс не является умственно отсталым. Она была уверена, что он мог читать уже в возрасте двух лет. Мать систематически занималась с ним с очень раннего возраста. По ее словам, в возрасте шести лет Дибс прослушал сотни классических симфоний, а в его рисунках прослеживается удивительное чувство перспективы. Она настойчиво добивалась от него успехов. Она думала, что помогает ему развивать врожденные способности, но эти результаты достигались ценой ухудшения его эмоционального состояния. Возможно, она не знала, как развивать отношения с сыном, и сосредоточилась на хорошо знакомых ей областях — преимущественно связанных с интеллектуальной деятельностью, — чтобы скрыть свою неспособность стать эмоционально близкой своему сыну.

На последнем сеансе Дибс выглядел общительным и счастливым. Его поведение было спонтанным. Напоследок он попрощался с «хозяйкой чудесной игровой комнаты». Через неделю клинические психологи провели оценку показателя интеллекта (коэффициента IQ) Дибса. (Эта стандартная процедура позволяет определить уровень интеллектуального развития посредством измерения способности индивида разрабатывать концепции, решать задачи, усваивать информацию, рассуждать и выполнять другие действия, требующие умственных усилий.) Среднее значение IQ для населения в целом равняется 100. Ко всеобщему удивлению, у Дибса IQ оказался равным 168. Такое высокое значение IQ имеет меньше чем один человек из тысячи. Дибс не закончил отвечать на вопросы теста, так как

они ему наскучили, но, несмотря на это, его результат был удивительно высоким для его возраста. Он был интеллектуально одаренной личностью, способной добиваться успеха в разных видах деятельности. Дибс сумел прийти к согласию с самим собой, и то же самое удалось его родителям.

Оценить успех игровой психотерапии очень непросто. Ведь не совсем ясно, какие критерии успеха можно для этого использовать. Очевидно, что в случае с Дибсом психотерапия оказалась успешной, но какие факторы обеспечили этот результат? Что помогло Дибсу: игровая активность, сами игрушки, теплые отношения с Экслайн, контакты один на один или просто естественное развитие ребенка? Возможно, что общий позитивный эффект обеспечило особое сочетание всех этих факторов. Критики игровой психотерапии утверждают, что этот метод лишен строгости, необходимой научному эксперименту. Но вполне понятно, что невозможно найти другого ребенка с точно такими же проблемами для проведения с ним сеансов психотерапии просто ради того, чтобы выяснить, продемонстрирует ли он какие-то улучшения через тот же период времени.

Постскриптум

Через два с половиной года семья Дибса совершенно случайно переселилась в дом, расположенный по соседству с домом, в котором жила Экслайн. Однажды они встретились на улице, Дибс сразу же ее узнал. Он рассказал, что его последний сеанс психотерапии состоялся два года, шесть месяцев и четыре дня тому назад в четверг. Он вырезал дату последнего сеанса из календаря, вставил в рамочку и повесил на стену в своей спальне. Этот день был для него особым. Дибс признался Экслайн, что она была его первым настоящим другом. Он прекрасно учился в своей новой школе для одаренных детей. Его родители были счастливы — как и он сам.

Позднее семья снова переехала, и Экслайн потеряла с нею контакт. Однажды знакомая учительница Вирджинии Экслайн показала ей письмо, написанное в школьную газету пятнадцатилетним мальчиком, который жаловался на обращение учителей с его другом-одноклассником. Письмо содержало несколько убедительных и красноречивых аргументов. Эта учительница призналась, что школа, скорее всего, согласится с предложениями автора письма. Она знала, что он был умным и добрым мальчиком, которого любили и уважали одноклассники. Экслайн быстро поняла, что письмо было написано Дибсом.

Во время сеансов психотерапии Дибс как-то сказал, что каждый ребенок должен иметь собственную вершину, на которую ему нужно подняться. Вершина Дибса была намного выше, чем у большинства других детей, но благодаря работе, терпению, преданности и умелому руководству он сумел на нее взойти и насладиться открывшимся ему видом. Он обрел ощущение собственного Я.

Человек, живущий настоящим: история Г. М.[36]

В один из летних дней 1953 года нейрохирург Билл Сковилл решил опробовать новый экспериментальный метод, чтобы попытаться вылечить от прогрессирующей эпилепсии одного из своих пациентов. Через отверстие в черепной коробке больного было изъято небольшое количество его мозгового вещества. Однако, как позднее говорил сам Сковилл, вместо того, чтобы избавить пациента от эпилепсии, он избавил его от памяти. Случай Г. М., как обычно называют этого пациента, стал одним из самых известных случаев в мировой нейрохирургии.

История Г. М.

У Генри М. было небогатое событиями детство. Он родился в 1926 году в небольшом

---

[36] Практически в каждом учебнике по психологии упоминается случай Г. М. Возможно, наиболее полное описание этого случая содержится в: Hilts P. *Memory's Ghost: The Nature of Memory and the Strange Tale of Mr M* . New York: Simon & Schuster, 1995.

рабочем пригороде Хартфорда в штате Коннектикут — типичном городке провинциальной Америки. В детстве он был спокойным, замкнутым и застенчивым мальчиком, занимавшимся всем тем, чем обычно занимаются мальчишки в его возрасте: ходил с друзьями в местный магазин, в котором продавалась содовая, и купался в городском пруду. Он проявлял особый интерес к охоте и проводил много времени в близлежащих лесах, где добывал на продажу разную пернатую дичь, в том числе фазанов. Однажды с Генри произошел несчастный случай, привлекший позднее внимание лечивших его врачей: он был сбит мотоциклом, в результате чего на полученные им раны черепа и лица пришлось наложить семнадцать швов. Считается, что некоторые из его последующих неврологических проблем могли быть вызваны этим несчастным случаем.

В день шестнадцатилетия родители повезли его в город, где собирались отпраздновать это событие. Однако по дороге Г. М. внезапно потерял сознание, его тело одеревенело, а сам он начал биться в конвульсиях. Он прикусил до крови язык и утратил контроль за мочеиспусканием. Его дыхание стало еле заметным и восстановилось лишь после того, как приблизительно через минуту конвульсии прекратились. Все это были классические симптомы эпилептического припадка. Незадолго до начала припадка Г. М. заметил, что время от времени его сознание как бы пропадало, но эта ситуация продолжалась очень недолго.

Эпилепсия и Г. М.

Эпилепсия — это особое неврологическое состояние, в котором люди демонстрируют подверженность припадкам. Припадок вызывается временным изменением работы клеток мозга. В огромной нейронной сети нашего мозга постоянно передаются миллиарды электрических сигналов, управляющих нашими мыслями, чувствами и действиями. Иногда без какой-либо видимой причины в работе мозга происходят нарушения, порождающие сбои этих сигналов, в результате чего нейроны начинают работать интенсивнее, чем обычно, и, в итоге, быстро разрушаются. Именно такое нарушение работы мозга вызывает припадок. Обычно припадок длится всего несколько секунд или минут, а затем клетки мозга снова начинают работать в нормальном режиме. Эпилепсия может передаваться по наследству, но чаще всего обнаружить ее причину не удается.

К сожалению, отношение к Г. М. со стороны его семьи и сверстников было не слишком доброжелательным. Одноклассники постоянно его дразнили, в результате чего он был вынужден заканчивать учебу в другой школе. В выпускной день учителя не разрешили ему подняться на сцену для получения аттестата, опасаясь внезапного припадка. Его отец Густав был шокирован тем, что в их семье появился «псих». Он стал искать утешения в алкоголе и целиком доверил будущее сына своей жене. Планы Г. М. стать электриком остались нереализованными, и казалось, что в свои двадцать шесть лет он уже навсегда был обречен перебиваться случайными заработками. Он жил в постоянном страхе перед эпилептическими припадками, к лету 1953 года у него происходило до десяти кратковременных отключений сознания и по одному серьезному припадку каждую неделю.

Его врач решил обратиться за помощью в местную нейрохирургическую больницу. В ней работали два специалиста, способных заняться лечением Г. М. Одним из них был Билл Сковилл, специализировавшийся на проведении операций лоботомии, а другой врач занимался лечением эпилепсии. К несчастью, Г. М. попал в руки к Сковиллу.

Профессия, подразумевающая заботу о людях

Когда в XIX веке европейские врачи впервые стали проявлять интерес к умопомешательству, или безумию, они были уверены, что душевнобольные теряют рассудок — то единственное, что делает нас людьми. С душевнобольными нередко обращались крайне жестоко: держали в заточении и неделями лишали возможности двигаться. В то время врачи разрабатывали все новые «терапевтические» средства, которые сегодня кажутся более похожими на усовершенствованные методы пыток. Один врач изобрел вращающееся кресло, другой часами тряс своих пациентов, а третий окунал пациентов в ледяную воду. Врачи надеялись, что такие методы лечения помогут восстановить душевное здоровье

пациентов посредством шокового воздействия на их поврежденный рассудок. Как это ни странно, но время от времени появлялись сообщения о том, что эти методы позволяли эффективно лечить маниакальное поведение; однако теперь представляется очевидным, что от таких пациентов добивались нужного поведения элементарным запугиванием. Врачи все больше приходили в отчаяние от бесплодности своих попыток «лечения» психических заболеваний.

В 1930-х годах наблюдался рост возникновения серьезных психических заболеваний, но в понимании их причин и в разработке способов их лечения медицина еще не добилась заметных успехов. Португальский врач Эгас Монис (Egas Moniz) был удивлен, увидев, насколько спокойным стал темпераментный прежде шимпанзе после того, как ему удалили лобные доли головного мозга. Монис захотел выяснить, будет ли такая операция иметь сходный эффект у душевнобольных, и предположил, что психические заболевания могут вызываться неправильной работой нервных клеток. Он надеялся, что разрушение этих неправильно работающих клеток вызовет улучшение в состоянии пациентов. Не имея никаких научных подтверждений правильности этой гипотезы, он начал проводить операции на головном мозге душевнобольных. Затем, оценив полученные результаты с помощью субъективных и предвзятых критериев, он заявил об успешности проведенных операций.

Американский профессор Вальтер Фримен с восторгом приветствовал эти «инвазивные» методы и начал превозносить их по другую сторону Атлантики. Монис и Фримен опубликовали книгу, в которой рекламировали использование лоботомии для лечения душевнобольных. Число операций лоботомии, проведенных в США, выросло со 100 в 1946 году до 5000 в 1949 году. По-видимому, этот метод давал надежду там, где прежде ее не было. Фримен обладал бунтарским характером и склонностью к научной полемике. Он разработал метод, в соответствии с которым пациенту сначала поднимали глазное веко, а затем вставляли лейкотом (инструмент, подобный альпенштоку) в слезный проток. Фримен проталкивал лейкотом примерно на полтора дюйма в лобную долю и резко двигал его острый конец вперед и назад. Затем он повторял ту же операцию с другой глазной впадиной. Ему нравилось демонстрировать свое «искусство», выполняя эту операцию двумя руками одновременно в двух глазных впадинах. Будучи по природе шоуменом, он заказал себе лейкотом из чистого золота. Однажды по его неосторожности пациент умер; это произошло после того, как Фримен отошел в сторону, чтобы сфотографировать процедуру, а лейкотом слишком глубоко проник в мозг больного. Приблизительно в это же время Монис был удостоен Нобелевской премии за свое открытие эффекта удаления лобных долей мозга (позднее это событие было названо позорной страницей в истории присуждения премии). В те годы Билл Сковилл изучал медицину в университете и активно интересовался этой новой, «творящей чудеса» процедурой.

Сковилл отличался необузданным характером и был хорошо известен полиции благодаря лихой езде на своем красном «Ягуаре» и рискованным выходкам наподобие ночного восхождения на опорную башню вантового моста имени Джорджа Вашингтона. В своей профессиональной деятельности он проявлял готовность идти на любой риск в надежде получения высоких наград. В местных психиатрических больницах было принято предоставлять подходящих пациентов для проведения новаторских операций, и Сковилл охотно пользовался этой возможностью. Он верил в лозунг Вальтера Фримена: «Лоботомия вернет их домой». Однако к 1953 году сомнения в эффективности лоботомии заметно усилились. Сковилл увидел в этом свой шанс: почему бы не попытаться найти другое место в мозге, в котором может находиться источник умственных расстройств? В газетах он открыто описывал проводимые им операции по удалению различных частей мозга, пациентами которых были, главным образом, люди, страдающие шизофренией, и публиковал свои исследования получаемых эффектов. Но ни в одной из этих газет не прозвучало ни слова об этике. Сковилл сообщал об отсутствии неблагоприятных результатов, за исключением одного случая. Это и было первым упоминанием о Г. М. в медицинском журнале.

Хотя Сковилл был предупрежден об опасных последствиях проводимых им операций, тем не менее 25 августа 1953 года Г. М. оказался в его операционном кресле. Фактически Сковилл удалил ему основную часть гиппокампа (небольшой орган, напоминающий по форме морского конька), мозжечковую миндалину и энторхинальный и перихинальный кортексы. Многие функции этих областей мозга по-прежнему до конца не изучены. Например, мозжечковая миндалина, по-видимому, играет какую-то роль в организации сенсорной и когнитивной информации для интерпретации эмоциональной важности события или мысли. В немалой степени благодаря истории Г. М. стало ясно, что гиппокамп выполняет функцию хранения памяти. Г. М. моментально утратил способность кодировать новые воспоминания. Он остался привязанным к прошлому и настоящему, но неспособным запоминать то, что происходило с ним позднее.

Но на этом Билл Сковилл не закончил операцию: на краю надреза в мозге Г. М. был размещен металлический зажим: в случае, если операция окажется успешной, это позволило бы исследователям, используя рентгеновские лучи, точно определить, где были сделаны надрезы. Буквально на следующий день после операции у Г. М. случился очередной припадок. Возникли опасения, что операция не принесла никакой пользы. Однако это было не так: припадки у Г. М. стали случаться реже — с частотой примерно раз в месяц. К счастью, гипотеза Сковилла о рассредоточенной природе возникновения эпилептических припадков в мозге человека была частично верна. (Теперь известно, что гиппокамп имеет отношение к возникновению психических заболеваний, так как при шизофрении и некоторых видах депрессии он, по-видимому, сокращается.) К сожалению, Сковилл не предвидел трудноизлечимых побочных эффектов, которые с того дня стали проявляться у его пациента. Г. М. практически лишился способности обновлять свою память. Несмотря на это, Сковилл написал в истории болезни Г. М.: «Состояние улучшилось».

То, что Г. М. лишился памяти, сразу же стало очевидно. Его мать сожалела о своем согласии на операцию; она была сердита на своего мужа, переложившего на нее бремя принятия решения, и на Сковилла, убедившего ее в возможности излечения сына. Придя домой, Сковилл в шутку сказал своей жене: «Отгадай, что я сделал. Я попытался вырезать пациенту эпилепсию, а вместо этого удалил ему память. Ну и дела!» Он не чувствовал себя виновным за проведенную операцию и даже опубликовал о ней статью. Однако он, по крайней мере, предупредил других ученых об опасностях операций такого рода. Сковилл позвонил в Канаду одному из самых известных в то время неврологов Уилдеру Пенфилду (Wilder Penfield), чтобы рассказать о своем пациенте. Пенфилд рассердился и никак не мог поверить в осуществление подобной процедуры, однако, успокоившись, признал, что случай Г. М. предоставляет ученым уникальную возможность больше узнать о работе головного мозга.

«Пробуждение ото сна»

Одна из коллег Пенфилда по имени Брэнда Милнер (Brenda Milner) посетила Г. М. и начала систематическое исследование его состояния. Во многом благодаря работе с Г. М. она теперь считается одним из ведущих в мире исследователей человеческой памяти. Г. М. имел один из самых серьезных дефицитов памяти, документально подтвержденных исследователями: он практически не мог приобретать новые воспоминания. Хотя Милнер работала с ним в течение последующих двадцати лет, при каждой встрече она казалась ему незнакомым человеком. После проведенной операции Г. М. был обречен жить с воспоминаниями только о своей прошлой жизни. Он постоянно рассказывал одни и те же истории, не подозревая, что повторяет сам себя. Милнер искренне привязалась к Г. М., но утверждала, что в результате операции он лишился одного из уникальных человеческих качеств, а поддерживать по-настоящему дружеские отношения с человеком, который моментально вас забывал, было совершенно невозможно.

Итак, что же именно мог вспомнить Г. М.? Он по-прежнему имел нормальную кратковременную память. Он был в состоянии повторить только что услышанный перечень слов или букв. Его количественный диапазон памяти (число элементов, которые могли быть

немедленно воспроизведены кратковременной памятью) был нормальным (он мог вспомнить около семи элементов). Г. М. помнил о том, что произошло с ним примерно минуту тому назад, но за пределами этого временного диапазона или в случае воздействия отвлекающего фактора он не мог вспомнить ничего. Он страдал наиболее тяжелой формой антероградной амнезии (этот термин означает потерю памяти на любые события, произошедшие после травмы или, как в данном случае, после операции). Другими словами, он был практически полностью не способен создавать любые новые воспоминания. Первоначально Г. М., по-видимому, страдал также ретроградной амнезией (потерей памяти в отношении всего, что произошло до получения травмы), но постепенно начал восстанавливать воспоминания о том, что было до операции. Он помнил события из своего детства. Он узнавал изображения людей, широко известных в 1940-х годах. В конце концов большинство его воспоминаний о первых пятнадцати годах жизни восстановились, но, наряду с неспособностью создавать новые воспоминания, он страдал также одиннадцатилетней ретроградной амнезией, т. е. он не мог вспомнить события, произошедшие за одиннадцать лет, предшествовавших операции. По мнению некоторых ученых, это являлось доказательством того, что воспоминаниям требуется много времени для прочной консолидации в памяти.

После операции Г. М. продолжал жить с родителями, и его мать активно поощряла его к работе над восстановлением памяти и к развитию самостоятельности. Например, время от времени его просили подстригать газон. Он помнил процедуру стрижки газона и мог установить, где он выполнял ее последний раз, оценив высоту травы. Однако если во время выполнения задания его чем-то отвлекали — например родители подзывали его к себе, — он тут же забывал о том, что перед этим работал с газонокосилкой. Было ясно, что он не в состоянии вести «нормальную» самостоятельную жизнь.

Время от времени Г. М. удивлял исследователей, сообщая о своих воспоминаниях, закодированных после операции. Он имел смутное воспоминание об убийстве президента Кеннеди, хотя часто путал это событие с покушением на Франклина Рузвельта в 1933 году. Он знал, что представляют собой контактные линзы, и сообщал, что «Магнум» — это название его любимого телевизионного детектива. После сотен повторений он, по-видимому, кодировал некоторые новые (но часто сбивчивые) воспоминания. Это могло происходить потому, что последующие более совершенные исследования мозга показали наличие у него небольших фрагментов гиппокампа, уцелевших после операции.

Несмотря на все трудности, Г. М. остается умным и приятным человеком. Его интеллектуальные возможности не пострадали, и после операции его IQ вырос со 104 до 107 (IQ среднего человека равен 100). Однажды один из исследователей случайно запер его ключи в комнате для экспериментов; Г. М. улыбнулся и показал, что он точно знает, где можно их найти, — что, как он хорошо понимал, с точки зрения других людей казалось для него невозможным. Г. М. продолжает разгадывать кроссворды и посвящает этому много времени, наверное, потому что все необходимые подсказки имеются на листе бумаги — можно вернуться к ним в любой момент и узнать, до какого места удалось дойти. Г. М. постоянно рассказывает посетителям о пристрастии к кроссвордам, не ведая, что повторяет сам себя. Он по-прежнему может читать и писать, но всегда читает один и тот же номер журнала. Каждый раз он забывает о том, что уже многократно прочитал его от корки до корки.

Подобно многим людям, страдающим амнезией, Г. М. разрабатывает стратегии, направленные на то, чтобы попытаться скрыть утрату памяти. В течение многих лет после операции он работал в мастерской, выполняя простые, повторяющиеся операции. Он мог выполнять их до тех пор, пока сам не прекращал работу, или до тех пор, пока его что-нибудь не отвлекало. Он также научился обращать внимание на тонкие невербальные подсказки, которыми пользуются хорошо знакомые между собой люди. Эти подсказки помогают ему понять, что это именно те люди, которых он должен знать и с которыми он может вести себя соответствующим образом. Однако так было не всегда. Когда вскоре после операции он вернулся домой к матери, то приглашал всех, звонивших им домой по телефону, зайти на

чашку чая. Поскольку он полагал, что все звонившие были друзьями семьи, то, не желая выглядеть невоспитанным, делал приглашения всем подряд.

В конце концов исследованием Г. М. стал заниматься Массачусетский технологический институт (MIT), и с 1966 года его возглавила бывшая студентка Милнер по имени Сьюзен Коркин (Susan Corkin). Для прохождения тестирования, которое продолжается по сей день, Г. М. регулярно приезжает в MIT три раза в год.

Г. М. не имеет понятия о своем возрасте или о текущей дате. Он считает, что ему около тридцати пяти лет и предполагает, что сейчас приблизительно 1930 год. Он испытывает шок, когда видит свое отражение в зеркале; он также не узнает себя в своих сегодняшних изображениях. Когда ему показывают фотографию Мохаммеда Али, он говорит, что это Джо Луис. Он не помнит своей операции, но знает, что имеет проблемы, связанные с утратой памяти. Г. М. часто беспокоится из-за того, что его высказывания могут огорчить других людей и что сам он не может вспомнить свои слова. Он постоянно переживает из-за этого и спрашивает окружающих, не огорчил ли он их. По-видимому, он действительно понимает, что его история как-то может помочь другим людям. Однажды он сказал: «Я постоянно думаю о том, что, возможно, мне сделали операцию... каким-то образом у меня пропала память... я пытаюсь представить это себе. До известной степени это не причиняет мне беспокойства... они извлекут из этого пользу. Это поможет другим». Пребывая по большей части в хорошем настроении, Генри иногда все же выглядит обиженным; он говорит, что его жизнь подобна «пробуждению ото сна... каждый день неотличим от других». Он чувствует, что ему трудно поддерживать беседу, задавать вопросы, и знает о своей неспособности вспоминать «только что случившееся». Он часто пытается рассказывать те несколько анекдотов, которые помнит и повторяет в течение последних сорока лет.

Психологические тесты показали, что Г. М. очень плохо оценивает продолжительность отрезков времени. По-видимому, он совершенно не способен сколько-нибудь точно оценивать отрезки продолжительностью более двадцати секунд. На основании такой приблизительности его оценок был сделан вывод о том, что несколько дней проходят для него как несколько минут, недели пролетают как часы, а годы — как недели. Это может быть благом для человека в его положении; последние сорок лет жизни без памяти, возможно, показались Г. М. несколькими месяцами.

Вклад в науку

Во многом благодаря Г. М. был зафиксирован факт существования нескольких разновидностей памяти и их расположения в разных областях мозга. Произошедшая у него утрата памяти подразумевает и утрату способности к формированию, сортировке и хранению новых воспоминаний. В этом процессе, по-видимому, важную роль играет гиппокамп; он не только регистрирует и хранит новые воспоминания, но и связывает их с родственными воспоминаниями и таким образом помогает придавать им смысл.

Имеется возможность определить, действительно ли люди, страдающие амнезией, могут усваивать новые понятия, не отдавая себе в этом сознательного отчета. Г. М. сумел усвоить несколько понятий, хранимых в процедурной памяти (иногда называемой мускульной памятью, или подразумеваемым знанием), которая обеспечивает запоминание навыков и процедур. К ним относятся воспоминания о том, как выполнять требующие специальных умений задания, такие как игра в теннис, плавание или езда на велосипеде. Подобные воспоминания проще всего демонстрируются при выполнении конкретных действий. Люди испытывают большие трудности при описании воспоминаний, хранящихся в процедурной памяти. Чтобы убедиться в этом, попытайтесь, к примеру, описать все движения рук и ног, выполняемые при плавании кролем.

Считается, что процедурная память включает в себя: 1) условные рефлексы; 2) эмоциональные ассоциации; 3) навыки и привычки. Каждый из этих типов памяти связан с конкретной областью головного мозга. Изучение условных рефлексов имеет отношение к

мозговой структуре, называемой мозжечком.[37] Так, Эдуардом Клапаредом (Eduard Claparede) в 1911 году был описан следующий случай: пациентка, страдающая амнезией, после каждой очередной встречи забывала Клапареда и не узнавала его при следующей встрече. Однажды Клапаред взял в руку булавку и во время рукопожатия уколол руку этой женщины. Во время следующей встречи пациентка вновь не узнала Клапареда, но при этом отказалась пожать его руку. Она очень не хотела это делать, но не могла объяснить, почему. Это пример простого формирования условного рефлекса (научения). Мозжечок Г. М. не пострадал во время операции, и поэтому можно было ожидать, что он сможет, таким образом, приобретать и усваивать знания, даже не осознавая, что он это делает. Однако тесты на условные рефлексы пришлось прекратить, когда у Г. М. обнаружилась ненормально высокая переносимость на воздействия электрошоком. Точная причина этого остается неясной, но предполагается, что этот феномен является еще одним симптомом полученного обширного повреждения неврологической системы.

Эмоциональные ассоциации, например понимание того, когда следует испытывать страх или раздражение, связаны с работой мозжечковой миндалины. У Г. М. значительная часть этой мозговой структуры была удалена, и хотя он, по-видимому, испытывает страх или раздражение, сам он не знает, почему у него возникают эти чувства. После операции у Г. М. время от времени наблюдались резкие вспышки гнева. Однажды он сломал палец, когда стучал кулаками в дверь своей спальни с криками: «Я не могу вспомнить, я не могу вспомнить!» Однажды он угрожал лишить себя жизни, из-за чего возникли опасения, что он начинает понимать, насколько пустой стала его жизнь в результате потери памяти. Однако чаще всего он не мог вспомнить, ни почему он испытывал раздражение, ни фактического проявления этого чувства.

По-прежнему остается неясным, какие мозговые структуры ассоциируются с навыками и привычками процедурной памяти. Считается, что к ним относятся и мозжечок, и гиппокамп. Г. М. мог демонстрировать приобретение и запоминание новых навыков. Например, Коркин научила его методу зеркального рисования: рисование предмета на бумаге в то время, как рисующий видит создаваемое им изображение лишь в зеркале. Сначала это бывает очень трудно, но затем, при наличии достаточной практики, люди начинают выполнять это задание все лучше и лучше. Г. М. проявил нормальные способности к освоению этого метода, но позднее, когда его просили выполнить похожее задание, он, несмотря на достигнутые в прошлом успехи, демонстрировал полную неосведомленность о наличии у него подобного навыка. Впоследствии его также научили методам зеркального письма и зеркального чтения. Эти примеры перекликаются с историей пациента, страдавшего амнезией, который научился неплохо играть в настольный теннис, но ничего не знал ни о наличии у него такой способности, ни о правилах игры, ни о правилах подсчета очков. Другого пациента, страдавшего потерей памяти (по профессии пианиста), научили исполнять новую музыкальную пьесу. Позднее он никак не мог ее вспомнить, но после того, как ему подсказали несколько первых нот, прекрасно исполнил ее от начала до конца.

Чего не наблюдается в случае Г. М., так это способности кодировать новые сведения о событиях, произошедших в его жизни (например, о праздновании его сорокалетия). Этот тип памяти называется «эпизодической». Г. М. не может хранить воспоминания о том, что происходило с ним в последние годы; он также утратил способность усваивать новую фактическую информацию (например, запомнить имя действующего президента США). Такой тип памяти называется «семантической». Совершенно ясно, что мозговые структуры, удаленные у Г. М., не имеют отношения к процедурной памяти, но имеют важное значение для сохранения эпизодической и семантической памяти.

---

[37] Хотя мозжечок имеет отношение к образованию двигательных навыков, обеспечивая координацию движений, связывать образование двигательных условных рефлексов у человека только с мозжечком, без участия коры больших полушарий не представляется возможным. Тем более это относится к усвоению знаний, о чем автор пишет далее. — *Примеч. науч. ред* .

Постскриптум

Как же можно резюмировать все, о чем мы узнали за сорок лет изучения случая Г. М.? Исследователи установили, что кратковременная память находится не в гиппокампе; что существуют другие формы долговременной памяти; что гиппокамп не участвует в кодировании или сохранении воспоминаний, хранящихся в процедурной памяти; что гиппокамп действительно участвует в формировании новых воспоминаний (хранящихся в эпизодической и семантической памяти); и что удаление гиппокампа не оказывает значительного влияния на человеческую личность.

В настоящее время практически всех членов семьи Г. М. нет в живых. Сам он не имеет никаких воспоминаний об этих печальных событиях: когда Г. М. говорят о смерти матери, он каждый раз глубоко переживает эту новость заново. Но иногда он сообщает о своем ощущении того, что она действительно покинула его каким-то образом. Глядя в зеркало и оценивая свой возраст (ему сейчас 78), с помощью своего неповрежденного интеллекта он может сделать вывод о том, что его мать, вероятно, уже умерла.

В отличие от многих исследователей, занимавшихся с Джини (см. главу 1), Сьюзен Коркин, посвятившая изучению Г. М. много лет, стала его настоящим опекуном, отстаивающим его интересы и помогающим организовывать различные аспекты его жизни. Она помогает ухаживать за ним в доме престарелых, где он проживает в настоящее время, и, разумеется, организует его поездки в MIT для проведения исследований. Она стала для Г. М. незаменимым консультантом, хотя сам он никогда не мог запомнить ее лицо.

Г. М. всегда заявлял, что он хочет помогать другим людям, оказавшимся в сходных непростых обстоятельствах, поэтому он и его попечитель дали согласие на то, чтобы после смерти Г. М. его мозг был передан ученым для исследования, которое позволит провести подробный анализ нанесенного физического ущерба. Как пишет Коркин, «его желание помочь другим людям будет выполнено. Однако печально, что он не узнает о своей славе и о том влиянии, которое его участие в исследованиях оказало на научное и медицинское сообщество во всем мире».[38] Само по себе это заявление ставит важные философские вопросы перед психологией. Например, может ли человек давать осознанное согласие на какое-то действие, если он не может помнить о том, что давал это согласие?

Люди часто размышляли о том, какой могла бы быть жизнь без памяти. Каким бы стал человеческий род? Наверняка, в нашей жизни не было бы ни языка, ни науки, ни искусства, ни истории, ни семьи, ни осмысленного существования. Люди жили бы только текущим моментом. Мы имели бы только наши врожденные рефлексы, для того чтобы взаимодействовать с окружающим миром — миром, который был бы совершенно отличен от того, который известен нам сейчас. Благодаря Г. М. мы можем дать ответ на этот вопрос.

Вероятно, в некоторых отношениях можно рассматривать потерю памяти Г. М. как благо: она защитила его от полного понимания того, на какую бессмысленную жизнь он обречен. Случай Г. М. полон трагической иронии: человек без памяти помог нам многое узнать о природе памяти.

Человек, который был разочарован тем, что он увидел: история С. Б.[39]

С. Б. лишился зрения в возрасте десяти месяцев, и его случай был признан

---

[38] Corkin S. What's new with the amnestic patient H. M.? // *Nature Reviews Neuroscience* . 2002. № 3. P. 153-160.

[39] Настоящее имя С. Б. — Сидней Брэдфорд (Sidney Breadford), о чем сообщается в: Gregory R. *Odd Perceptions* . London: Routledge, 1986. Другие подробности случая С. Б. можно найти в: Gregory R. L., Wallace J. C. (1963) *Recovery from Early Blindness: A Case Study* // Exp. Psychol. Soc. Monograph. 1963. № 2; Gregory R. L. *Eye and Brain* (5th edition). London: Weidenfield and Nicolson, 1997.

неоперабельным. Но благодаря научному прогрессу и новым возможностям в возрасте пятидесяти двух лет С. Б. вновь обрел зрение. Он, безусловно, радовался вновь обретенному дару, однако довольно быстро утратил энтузиазм, впал в депрессию и спустя два года умер совершенно сломленным человеком. Он был разочарован тем, что увидел.

Жизнь слепого мальчика

С. Б. родился в 1906 году. Он был одним из семи детей в бедной семье из Бирмингема. Он ослеп в возрасте десяти месяцев вследствие инфекции, занесенной в организм после вакцинации против оспы. Старшая сестра С. Б. регулярно носила его в больницу на еженедельные процедуры, во время которых с глаз малыша снимали повязку и смывали гнойные выделения. В качестве развлечения члены семьи время от времени проверяли зрение С. Б., и, как вспоминает его старшая сестра, он мог различать свет и указывать на некоторые «крупные белые предметы». Своим правым глазом он мог различать движения руки на расстоянии около восьми дюймов. Сам он рассказывал, что имел только три визуальных воспоминания: красный, белый и черный цвета. С. Б. вел жизнь незрячего ребенка; с девяти лет посещал Бирмингемскую школу для слепых, которую закончил в 1923 году, получив хорошее образование и навыки, необходимые для работы мастером по ремонту обуви.

По воспоминаниям окружающих, в школьные годы С. Б. был добрым, воспитанным и смышленым мальчиком, лишь изредка проявлявшим непослушание. Он начал работать мастером по починке обуви у себя дома, в Бертоне-на-Тренте. По свидетельствам заказчиков, качество его работы было хорошим. Он вел во многом самостоятельную жизнь, хотя и зарабатывал намного меньше своих зрячих коллег. С. Б. чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы перейти любую улицу, и обычно, выходя из дома, не брал с собой белую трость. Однако он не раз получал ушибы, натыкаясь на припаркованные машины или другие неожиданные препятствия на хорошо известных ему маршрутах. Он был неплохим велосипедистом и мог совершать длительные поездки, держась за плечо ехавшего рядом с ним друга. Ему нравилось работать в саду, и окружающие считали его позитивно настроенным и увлеченным человеком, любившим жизнь в разных ее проявлениях.

Такой была его жизнь — относительно бедная важными событиями, но достаточно полная — до тех пор, пока в 1957 году при обычном осмотре состояния его глаз не возникла надежда на возвращение зрения. Хирург-офтальмолог по фамилии Хиртенштейн (Hirtenstein), осмотрев пациента, заявил, что поскольку С. Б. в действительности не был слепым (т. е. не был абсолютно нечувствительным к свету), то с помощью операции можно улучшить функционирование роговой оболочки его глаз и таким образом вернуть утраченное зрение. Роговая оболочка представляет собой «окно» передней части глазного яблока. Она должна быть прозрачной и обеспечивать поступление света в глаз. Если этого не происходит, то путь поступления света на сетчатку искажается и/или блокируется, что вызывает потерю зрения. Пересадка роговицы подразумевает удаление части роговой оболочки и замену ее подходящим кусочком роговой оболочки от донорского глаза. Успехи микрохирургии сделали такие операции возможными, и 9 декабря 1958 года С. Б. пересадили донорскую роговицу на левый глаз, а месяц спустя — на правый.

Общенациональная газета «Daily Express» сообщила об этой операции. Профессор психологии Ричард Грегори (Richard Gregory) прочитал заметку в газете и немедленно написал письмо хирургу с просьбой предоставить ему возможность встретиться с пациентом. Р. Грегори, по сей день остающийся одним из ведущих в мире специалистов по визуальной перцепции, и его ассистентка Джин Уоллес (Jean Wallace) получили необходимое разрешение и посетили С. Б. через полтора месяца после первой операции.

Восстановленное зрение

Первое, что увидел С. Б. — когда после операции ему сняли повязку с глаз, — это лицо хирурга. «Daily Express» сообщала, что он увидел темное пятно с какой-то выступающей частью и услышал голос; имея возможность ощущать свой собственный нос, он понял, что «выступающая часть» перед ним — это также нос, а значит, темное пятно должно быть

лицом. Он заключил, что это лицо принадлежит хирургу. Из более поздних заявлений С. Б. следует, что он принимал «смешение цветов» за лицо хирурга просто потому, что узнавал его голос. Он признавал, что не узнал бы лицо без соответствующего голосового дополнения и без своего полученного ранее знания о том, что голос исходит от лица. Первоначально лица казались С. Б. объектами, которые не так-то просто идентифицировать. Он описывал свою жену как «настолько красивую, насколько красивой, как я думал, она и должна быть».

Тщательно подготовленное исследование позволило бы ученым изучить и протестировать С. Б. до и после операции, а также предоставило бы им больше времени для подготовки различных тестов на восприятие. Тем не менее, к тому моменту, когда Грегори и Уоллес увидели С. Б., они уже имели на вооружении несколько тестов, которые собирались использовать для оценки его зрительных возможностей. При первом посещении они увидели, как уверенно он шел по больничному коридору; проходил через дверные проемы, не пытаясь предварительно коснуться их руками, и, как сообщали Грегори и Уоллес, выглядел уверенным в себе, жизнерадостным и излучающим энергию. Казалось, он имел нормальное зрение. Однако вскоре они поняли, что в действительности это не так. С. Б. фокусировал свой взгляд где-то впереди и не окидывал взглядом все помещение; только когда его просили посмотреть на какой-то конкретный предмет, он обращал на него внимание и вглядывался с необычной пристальностью.

С. Б. мог назвать все предметы в комнате и даже сказать, какое время показывали висевшие на стене часы. Поскольку многие люди с «восстановленным зрением» с трудом распознают окружающие предметы, то Грегори и Уоллес попросили С. Б. объяснить причину его высокой распознавательной способности. С. Б. объяснил, что большинство предметов, которые он мог приблизительно определять с помощью размышления, были известные ему благодаря осязательному опыту, полученному в то время, когда он был слепым. Он показал им свои часы, у которых было снято стекло, и продемонстрировал, как он умеет определять время, прикасаясь пальцами к стрелкам. Он сказал также, что может определять прописные буквы, потому что в школе для слепых его учили определять буквы на ощупь. Было заметно, что хотя он не мог распознавать строчные буквы (его не учили делать это на ощупь), он использовал догадки для сокрытия этой перцептивной аномалии. Такое «заполнение пробелов» знания напоминает действия Г. М. (см. гл. 6), который также использовал «подсказки, обеспечиваемые образованием», для того, чтобы справиться с проблемами памяти.

С. Б. не слишком уверенно распознавал цвета. Имевшиеся данные говорили о том, что пациентам с восстановленным зрением желтый цвет кажется особенно неприятным. С. Б. также не нравились многие оттенки желтого. Он демонстрировал предпочтение зеленому и голубому, в целом любил все яркие цвета. «Тусклые» цвета его угнетали. Мир начинал казаться ему мрачным, а сам он приходил в уныние из-за увиденной цветовой гаммы и несовершенства вещей.

Восприятие глубины было у С. Б. особенно плохим. Когда он выглядывал из больничного окна, расположенного на высоте полутора метров, то был уверен, что, протянув руку, сможет коснуться земли. Его оценки геометрических размеров также были крайне неточными. Он мог правильно оценить длину автобусов, но не их высоту. Предполагалось, что это было обусловлено его хорошей осведомленностью, обеспеченной осязательным опытом, о длине автобусов и полным отсутствием такого опыта в отношении восприятия их высоты. В сущности, его оценки размеров были приемлемо точными, если прежде он получал знания о предмете посредством его осязания.

Особенно его очаровывали два объекта. Через три дня после операции на левом глазу он спросил сестру-хозяйку, что за объект находится на небе. Он был крайне удивлен, когда услышал, что это луна. Он думал, что четверть луны (т. е. луна в первой или последней четверти) должна быть подобна четверти пирога, и не предполагал, что она имеет форму серпа. И вновь луна была тем объектом, который он не мог прежде изучить с помощью осязания. Его также зачаровывало зеркало, и это чувство сохранилось у него до конца жизни.

Будучи завсегдатаем местного паба, он часами просиживал на своем любимом месте напротив зеркала, наслаждаясь отражением.

Психологическое тестирование

Грегори и Уоллес просили С. Б. выполнить множество разных тестов на восприятие. В их число входили хорошо известные зрительные иллюзии, предназначенные для проверки восприятия глубины и длины, изображения с изменяющейся перспективой и тесты на проверку цветового зрения. В отличие от «нормальных» людей, С. Б., по-видимому, не приходил в замешательство при рассмотрении зрительных иллюзий. Например, после тщательного рассмотрения он заявил, что вертикальные линии в иллюзии Цельнера (рис. 7.1) параллельны. Как правило, люди считают, что эти линии расположены под углом друг к другу (т. е. не параллельны). Подобным образом в кубе Некера (рис. 7.2) С. Б. не видел трехмерного объекта и не находил, что грани куба «меняются местами» (после продолжительного разглядывания куба многие люди обнаруживают, что передняя грань меняется местами с задней, и наоборот).

С. Б. также показывали множество изображений предметов и ландшафтных пейзажей. В частности, ему показали рисунок моста через реку в Кембридже. С. Б не понял, что это такое; он не узнал ни моста, ни реки. Иногда он узнавал цвета, но не мог понять, что они означают.

Он не имел представления о концепции перекрытия (или загораживания). Эта концепция дает нам информацию о том, что предмет, мешающий видеть часть другого предмета, находится к нам ближе, чем частично перекрываемый им предмет. С. Б., вероятно, также имел ограниченное представление о концепции относительного размера, или о восприятии размера с учетом расстояния. В соответствии с этой концепцией предметы одинакового размера, но находящиеся от нас на разном расстоянии, кажутся нам имеющими разные размеры. Следовательно, предметы, которые кажутся нам меньшими по размеру, могут находиться от нас на большем расстоянии, и наоборот.

С. Б. предлагали выполнить тест на цветовую слепоту — так называемый тест на цветовое зрение Ишихары (Ishihara). В этом тесте используют цифры или буквы, выделенные цветными точками на контрастном по цвету фоне. С. Б. без задержек правильно прочитал все цифры. Он имел нормальное цветовое зрение.

С. Б. также предлагалось нарисовать несколько объектов, в том числе автобус, деревенский дом, молоток и т. п. Оказалось, что его рисунки были типичными для слепых. Те особенности предметов, которые он ранее узнал с помощью осязания, присутствовали на рисунках и были вполне узнаваемы, но многие особенности, о которых он не мог ранее узнать с помощью осязания, на рисунках отсутствовали. Например, он изображал автобус с чрезмерно большими окнами (знакомые предметы), но без капота и радиатора, которые прежде были ему неизвестны. Колеса он рисовал со спицами, так как раньше имел дело преимущественно с колесами велосипедов и телег. На его рисунках автобус всегда был изображен в профиль, причем обязательно едущим справа налево — именно такими С. Б. воспринимал автобусы, когда садился в них на остановке (однако следует признать, что большинство людей также изображают автобус подобным образом). Рисунки говорили о том, что, хотя теперь С. Б. мог видеть мир, он по-прежнему смотрел на него глазами незрячего человека, во многом зависящего от способности к осязанию.

Случай С. Б. служит наглядным примером кросс-модального перехода от одного органа чувств к другому (конкретно — от осязания к зрению). С. Б., безусловно, обладал способностью видеть и осознавать предметы, о которых он прежде знал только благодаря своему осязанию.

«Уставший от Лондона и уставший от самой жизни»

Вскоре после операции С. Б. пригласили в Лондон, чтобы он мог «посмотреть городские достопримечательности». По дороге в столицу он выглядел подавленным и погруженным в себя. Он не проявлял интереса к путешествию, несмотря на то, что его взору открывались незнакомые виды. Он жаловался, что мир кажется ему «тусклым», и после

захода солнца впал в уныние. По-видимому, он внутренне изменился и перестал быть тем жизнерадостным экстравертом, каким он был до операции и сразу после нее. Он проявлял мало интереса к лондонским достопримечательностям. Вид Трафальгарской площади ему быстро наскучил, дома казались ему унылыми, а движение транспорта — ужасающим. Он не чувствовал в себе достаточной уверенности для того, чтобы перейти даже самую спокойную улицу, хотя, будучи слепым, спокойно переходил самые оживленные городские магистрали.

При посещении музея науки и техники он не проявлял заметного интереса к инструментам и механизмам до тех пор, пока служитель не показал ему один из токарных станков. С. Б. немедленно воодушевился и заявил: «Теперь я могу видеть то, что раньше мог только осязать». В Лондонском зоопарке он правильно назвал нескольких животных (жирафа, слона, обезьян, льва), но никак не мог идентифицировать остальных (медведей, тюленей, крокодилов). Грегори и Уоллес всего один раз видели, как рассмеялся С. Б.: это произошло, когда два жирафа просунули головы через решетчатую крышу клетки и посмотрели на него. Поездка в Лондон имела слабый успех. С. Б. проявил мало интереса и, в целом, выглядел недовольным жизнью.

Наряду с разочарованием цветовыми ощущениями и очевидными несовершенствами некоторых объектов, С. Б. испытывал разочарование от вида человеческих лиц. Он признавался: «Я всегда по-своему чувствовал, что женщины красивы, но теперь они видятся мне уродливыми». С. Б. так никогда и не научился интерпретировать выражения лиц и не мог использовать их для определения того, что чувствуют другие люди. Однако он мог определять это по звуку их голоса.

«Видеть», чтобы не подвести других

Грегори и Уоллес посетили С. Б. у него дома через шесть месяцев после операции. Они увидели, с какой удивительной ловкостью он пользуется инструментами при выполнении сапожных и столярных работ. Он уверенно и быстро пилил дрова бензопилой. Однако он признался им, что зрение принесло ему много разочарований. Когда он был слепым, его самостоятельность вызывала всеобщее восхищение, и сам он испытывал уважение к себе благодаря результатам, достигнутым несмотря на серьезный физический недостаток; теперь же он понимал, что обретенное зрение не позволяет ему жить так, как он хотел бы жить. Зрение предоставило ему меньше возможностей, чем он надеялся. В каком-то смысле он продолжал вести жизнь незрячего человека. По вечерам он часто сидел в темноте, подолгу не включая свет.

Соседи и коллеги по работе больше не восхищались его успехами и даже начали относиться к нему как к человеку «со странностями». Некоторые дразнили его и подтрунивали над недостатками, в частности над неумением читать. Ведь если теперь он мог видеть, то почему не мог выучить буквы? Сам С. Б. понимал, что его достижения как слепого человека вызывали восхищение, но в мире зрячих людей они были более чем скромные. Будучи умным человеком, он мог бы добиться в жизни гораздо большего, если бы слепота не сковала его на пятьдесят лет. Хотя и неохотно, но С. Б. все же признался, что в послеоперационный период он демонстрировал энтузиазм из чувства признательности хирургам и всем тем людям, которые проявили такой интерес к его случаю. Он страдал от депрессии и заявлял, что в результате операции потерял больше, чем приобрел. Первоначальный энтузиазм С. Б. по поводу операции приписывался его желанию «никого не подвести». Ведь на его лечение квалифицированные специалисты потратили много времени и сил, и он не хотел выглядеть неблагодарным. Однако позднее он уже не мог скрывать своего разочарования — возможно, из-за потери уважения и восхищения, которые он вызывал, будучи слепым человеком.

Связь между случаем С. Б. и проблемой восприятия

Из данного конкретного случая, как и из всех случаев, рассмотренных в этой книге, довольно трудно сделать какие-то общие выводы. История С. Б. не дает ясного ответа на вопрос: можно ли все то, что применяется после восстановления зрения, применять к развитию зрения в детском возрасте? Такие психологи, как Дональд Хебб (Donald Hebb),

предполагают, что «кризис мотивации», который пережил С. Б. и который отмечался и в других случаях восстановления зрения, возникает из-за трудностей приобретения навыка зрительного восприятия. Однако Грегори и Уоллес утверждают, что на пациента негативно влияет скорее общее ощущение неадекватности, чем медленные темпы приобретения перцептивных навыков. Пациенты, подобные С. Б., понимают, что они останутся в невыгодном положении среди людей, обладающих зрением, и, таким образом, их чувства являются не просто обыкновенной реакцией на любое замедление перцептивного научения. Хебб указывает на сходство между перцептивным научением ребенка и человека с восстановленным зрением. Грегори и Уоллес оспаривают эту точку зрения. Например, они спрашивают, почему ребенок, по-видимому, не страдает от кризиса, вызванного замедлением перцептивного научения, и добавляют, что люди с восстановленным зрением потратили многие годы на изучение мира посредством осязания. Все это совершенно нетипично для ребенка, который все начинает с нуля. Грегори и Уоллес делают вывод о том, что развитие зрительного восприятия у ребенка и у взрослого с восстановленным зрением протекают по-разному и что здесь можно делать мало обоснованных сравнений. Они заявляют, что главная трудность в случае с С. Б. заключалась не в научении как таковом, а в том, чтобы заменить научение посредством осязания на научение посредством зрения. Он должен был отучиться от прежних перцептивных привычек и приобрести новые. А это всегда труднее, чем освоение каких-то навыков с нуля. Например, если бы вы неправильно научились печатать, то переучить вас было бы труднее, чем научить вас правильно печатать с первого раза.

Что касается тестов на зрительные иллюзии, то имеющиеся данные говорят о том, что пространственная организация у С. Б. не была нормальной. Он не воспринимал иллюзии именно как иллюзии. А это предполагает, что такие стимулы к восприятию являются приобретенными, а не врожденными, и что он до сих пор их еще не приобрел. Интересно было бы обсудить предположения о том, начнет ли он со временем рассматривать их как иллюзии или нет.

Постскриптум

Здоровье С. Б. продолжало ухудшаться. Его нервная система истощилась, у него стали дрожать руки. Дважды у него были приступы слабости и, наконец, его отправили на осмотр к психиатру. Лишившись своего физического недостатка, он лишился и самоуважения. С. Б. умер 2 августа 1960 года, прожив чуть менее двух лет после операции по восстановлению зрения. Не будет преувеличением указать, что он умер из-за разочарования тем, что увидел.

Мужчины, которые не спали: истории Питера Триппа о Рэнди Гарднера

В 1950-х годах Питер Трипп был всемирно известным нью-йоркским шоуменом. Рэнди Гарднер был самым обычным школьником из Сан-Диего. Оба они решили сделать что-то экстраординарное. Каждый из них поставил себе цель: побить мировой рекорд времени, проведенного человеком без сна. Психологи, узнав об этом решении, заявили об опасности подобной затеи, но их предостережения не были приняты во внимание. Трипп и Гарднер достигли своих целей, но разными способами. Их опыт помог психологам раскрыть некоторые тайны сна. В научной литературе их всегда называют «мужчинами, которые не спали».

Почему мы спим?

Психологи по-прежнему не знают ответов на вопросы: почему мы спим, сколько мы должны спать и действительно ли нам необходим сон? Один из способов поиска ответов на эти вопросы заключается в том, чтобы найти человека, который бы никогда не спал, но при этом оставался совершенно здоровым. К сожалению, таких случаев, подтвержденных документально, не существует, и, скорее всего, они не появятся никогда. Возможно, этот факт сам по себе является ответом на третий, наиболее фундаментальный вопрос.

Другой способ изучения функции сна может заключаться в том, чтобы лишить

индивида возможности спать и отмечать любые возникающие эффекты. Необходимо с самого начала установить различия между исследованиями, предусматривающими полное лишение сна, и исследованиями, предусматривающими частичное лишение сна. Сон может казаться непрерывным состоянием отдыха, но в действительности он состоит из нескольких отчетливых фаз. Эти фазы можно проследить с помощью электроэнцефалограммы, которая представляет собой запись мозговых волн. Существует четыре фазы медленного сна (ФБС), а также пятая фаза сна, известная как фаза БВГ (быстрого движения глаза — rapid eye movement), или фаза быстрого сна. В фазе БВГ у спящего можно наблюдать быстрые движения глаза, и именно в это время человек чаще всего видит сны. Полный цикл сна обычно продолжается около девяноста минут, и, следовательно, в течение ночи человек проходит через четыре-пять полных циклов. В лабораторных условиях можно прерывать сон спящих в разных фазах и регистрировать происходящее с помощью электроэнцефалограммы. Этот подход называется частичным лишением сна. Если же исследуемым людям или животным вообще не дают возможности спать, то такой подход называется полным лишением сна.

Ученые давно начали исследовать эффект полного или частичного лишения сна животных. Первые такие опыты были проведены Мари де Монасен (Marie de Monaceine) в 1894 году, во время которых она полностью лишала сна щенков. Она обнаружила, что все они умерли в течение четырех-шести дней. Жуве (Jouvet)[40] (1967) разработал оригинальный, но жестокий способ лишения кошек сна в фазе БВГ. Лабораторных кошек помещали на крошечные островки (перевернутые цветочные горшки), окруженные водой. Когда сон кошек достигал фазы сновидений (БВГ), мускулы животных, поддерживающие равновесие тела, расслаблялись, и они падали в воду. Они немедленно просыпались и снова взбирались на свои цветочные горшки, после чего многоступенчатый процесс сна начинался снова. Кошки могли проходить через все фазы сна, кроме фазы БВГ. Интересно, что со временем кошки научились просыпаться при наступлении фазы быстрого сна, что позволяло им избегать падения в воду. В результате эксперимента кошки быстро приходили в беспокойное состояние и умирали, в среднем, через 35 дней.

Разумеется, эти результаты не могут иметь отношения к поведению человека. Идеальный вариант состоял в том, чтобы найти человека, который пытался бы не спать как можно дольше — беспрерывно в течение нескольких дней. Первое исследование такого рода было проведено Патриком (Patrick) и Жильбером (Gilberr)[41] в 1896 году, когда они продержали трех человек без сна в течение девяноста часов. Участники эксперимента сообщали о снижении сенсорной чувствительности, замедлении реакции и ухудшении памяти. У одного из них начались зрительные галлюцинации.

Известно немало случаев участия людей в соревнованиях на максимально продолжительное нахождение без сна. Возможно, наиболее интересными их примерами являются так называемые танцевальные марафоны. Эти соревнования достигли пика популярности в США в годы Великой депрессии (однако считается, что первый случай проведения такого марафона был зарегистрирован в Лондоне в 1364 году). Правила были очень простыми. Танцующие пары должны были бодрствовать как можно дольше и «танцевать» под музыку. Последняя пара, оставшаяся на ногах, выигрывала денежный приз. Размер приза составлял от 500 до $3000, что в 1930-х годах было немалой суммой. В некоторых марафонах предусматривались перерывы для отдыха, а в некоторых одному из партнеров разрешалось дремать, в то время как другой должен был поддерживать его в вертикальном положении и продолжать «танцевать». Самый длинный танцевальный

---

[40] Jouvet M. Mechanisms of the states of sleep: a neuropharmacological approach. *Res. Publ: Association for Res. in Nervous and Mental Dis* . 1967. № 45. P. 86-126.

[41] Patrick G. T., Gilbert J. A. On the effects of loss of Sleep // *Psychol. Rev* ., 1896. № 3. P. 469-483.

марафон продолжался более двадцати двух недель! В конце концов подобные соревнования стали вызывать общественное неодобрение и были запрещены во многих штатах США. Об одном из таких танцевальных марафонов рассказывается в знаменитом фильме «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?» с участием Джейн Фонды.

Питер Трипп

Одно из первых научных исследований последствий лишения человека сна было проведено в 1959 году. Его главным участником стал знаменитый нью-йоркский шоумен по имени Питер Трипп. С помощью такого эффектного трюка, который позднее вдохновил «на подвиг» Рэнди Гарднера, Трипп решил собирать деньги на благотворительные нужды, оставаясь без сна в течение восьми дней и восьми часов. Хотя это мероприятие было очевидным рекламным шоу, некоторые психологи и медики получили возможность изучить влияние продолжительного бодрствования на поведение человека. На протяжении всего этого марафона Трипп продолжал вещать в эфир из своей стеклянной кабинки на Таймс-Сквер, где собирались люди, чтобы понаблюдать за происходящим. Сначала казалось, что тридцатидвухлетний Трипп легко обойдется без сна: его комментарии были бодрыми и веселыми, он смеялся и шутил в своей привычной манере. Однако на третий день Трипп начал создавать проблемы для своих коллег и, что не удивительно, стал жаловаться на усталость. У него начались зрительные галлюцинации (например, он сообщал, что обнаружил паутину в своих ботинках). Через сто часов, проведенных без сна, прохождение теста умственных способностей, на вопросы которого его просили ответить, стало для него невыносимым. Ему казалось, что костюм одного из наблюдавших за ним ученых соткан из мохнатых червей. Через сто двадцать часов он направился в отель «Астор», чтобы переодеться; открывая шкаф, он внезапно «увидел» там пламя и бросился на улицу, взывая о помощи. Когда выяснилось, что никакого огня нет, Трипп обвинил своих врачей в том, что они все это подстроили, чтобы «проверить» его.

В последующие дни испытания речь Триппа стала неразборчивой, он демонстрировал еще более острые проявления параноидального психоза и испытывал слуховые и зрительные галлюцинации. Он обвинял людей в попытках отравить его, сообщал, что видит котят и мышей, спрашивал, действительно ли он Питер Трипп. Он не мог справиться с простыми заданиями, например назвать буквы алфавита, и начал подозревать докторов в намерении засадить его в тюрьму. В последнее утро он принял одного из врачей за работника похоронного бюро, пришедшего забрать его тело!

На протяжении всего этого испытания на прочность ученые пытались тестировать Триппа на ежедневной основе. К сожалению, на более поздних этапах многие из этих тестов не были проведены, так как Трипп отказался сотрудничать с «плетущими заговор» врачами. Почти нет сомнений в том, что у Триппа отсутствие сна вызвало психическое расстройство. Врачи описывали его состояние как «ночной психоз». Полученные результаты, по-видимому, говорили о том, что сон имеет важнейшее значение для нормального функционирования всего организма. Проще говоря, и тело, и мозг нуждались в сне. Действительно, хотя на протяжении всего этого марафона мозг Триппа бодрствовал, схемы его функционирования напоминали те, которые наблюдаются во время сна. Трипп установил новый мировой рекорд продолжительности нахождения без сна — двести один час, и его «марафон бодрствования» вошел в историю психологии. По словам его сына, «то, что начиналось как рекламное шоу, превратилось в научное исследование, о котором рассказывают будущим специалистам в университетах и колледжах, расположенных от побережья до побережья». Однако в этом эксперименте было два уникальных фактора, которые помешали назвать его строго научным исследованием последствий лишения сна. Во-первых, Трипп потреблял большое количество стимуляторов, чтобы не уснуть в последние шестьдесят шесть часов своего марафона. Во-вторых, на состояние Триппа могло негативно повлиять то, что он постоянно находился на публике. Его испытание могло стать еще более тяжелым из-за использования лекарств и всеобщего внимания к его персоне. Из-за этих факторов многие ученые сомневаются в том, можно ли экстраполировать результаты

этого исследования на более широкую группу людей.

После завершения своего «марафона бодрствования» Трипп проспал тринадцать часов и тринадцать минут, причем большая часть этого времени пришлась на фазу быстрого сна. Один из отрезков его быстрого сна оказался одним из самых продолжительных из всех, зафиксированных когда-либо учеными. Феномен, при котором у лишенных сна людей в последующие ночи доминирует фаза быстрого сна, получил название БДГ-реакции. По-видимому, отсутствие быстрого сна вызывает психотические симптомы, наблюдавшиеся и у Триппа. Уильям Демент (William Dement), один из ученых, наблюдавших за попыткой установления мирового рекорда, пришел к выводу о том, что если людей лишать быстрого сна, то они становятся психически неуравновешенными. Действительно, Демент первоначально утверждал, что результаты этого исследования содержат доказательства в поддержку теории Фрейда, в которой утверждается, что если запретные мысли или желания не выражаются посредством снов (быстрый сон), то психическое давление будет нарастать и приведет к возникновению психотических галлюцинаций. В целом, Демент пришел к заключению, что сны являются для нашего сознания «предохранительным клапаном» и что Трипп стал психически неуравновешенным из-за того, что пытался прожить без них.

На основе результатов этого и многих последующих исследований (в том числе и связанных с именем Рэнди Гарднера, о котором пойдет речь позднее), Демент поставил под сомнение свое первоначальное мнение; ему не удалось получить прямых доказательств того, что отсутствие быстрого сна вызывает психическое заболевание. Демент полагал, что, вероятнее всего, именно стимулятор «Риталин» (во многом сходный с амфетамином), принимавшийся Триппом в больших дозах, способствовал возникновению у него паранойи и галлюцинаций. В то время об эффектах приема таких препаратов было известно не много, но теперь описываемые в научной литературе психозы, вызываемые приемом амфетамина, выглядят практически идентичными психозам, наблюдавшимся у Триппа. По-видимому, Питер Трипп в буквальном смысле отправился в «путешествие» (по-английски trip), и его психотические эпизоды были вызваны скорее приемом лекарств, чем отсутствием сна или, конкретнее, быстрого сна (БДГ-сна).

Трипп восстановился после марафона. Но его карьера вошла в затяжное пике, и в 1967 году после серьезных финансовых скандалов он потерял работу. Часто утверждают, что длительный отказ от сна оказал долговременный эффект на его личность. Однако впоследствии Трипп добился больших успехов во многих других своих начинаниях, и представляется маловероятным, что последствия его знаменитого «марафона» были устойчивыми или продолжительными.

Рэнди Гарднер

Шесть лет спустя Рэнди Гарднер, размышляя о том, что он лично мог бы сделать, чтобы победить в конкурсе, посвященном проведению в его родном Сан-Диего научно-технической выставки, прочитал о «марафоне» Триппа. Прибегнув к помощи двоих друзей, он решил попытаться побить существующий мировой рекорд и провести без сна одиннадцать суток. По словам Гарднера, он мог бы сделать это и «не сойти с ума». Уильям Демент, наблюдавший и этот случай, впоследствии изменил свое мнение о психических эффектах долговременного лишения сна.

Демент прочитал о намерении Гарднера побить мировой рекорд в местной газете. В ней сообщалось, что Рэнди уже провел без сна восемьдесят часов из запланированных двухсот шестидесяти четырех. Демент немедленно установил контакт с Рэнди, его родителями и предложил свою помощь. Родители Рэнди были особенно признательны Дементу за предложенную медицинскую помощь, поскольку их очень беспокоили последствия, которые могла иметь эта попытка побития мирового рекорда.

Демент и его коллега Джордж Гулевич (George Gulevich) согласились наблюдать за Рэнди и удостоверять достигнутые им результаты. Они обнаружили, что Рэнди был жизнерадостным и физически здоровым семнадцатилетним юношей, который поначалу легко справлялся с трудностями лишения сна. Однако его состояние постепенно изменялось.

Исследователи отмечали, что бодрствовать по ночам ему становилось все труднее. Рэнди просил закрыть ему глаза, чтобы «дать им отдохнуть», но при этом не заснуть самому. Иногда Демент был вынужден кричать на Рэнди, чтобы удержать его от засыпания. Промежуток с трех ночи до семи утра был особенно тяжелым. Временами Рэнди приходил в ярость, а несколько раз он даже забывал, почему ему не разрешают спать. Чтобы не дать ему заснуть, использовали различные методы. Демент и Гулевич заставляли Рэнди проявлять физическую активность всякий раз, когда он начинал чувствовать себя особенно вялым. Посреди ночи они могли выгнать его во двор, чтобы поиграть в баскетбол, или же Демент катал его на своей машине с открытым верхом под звуки включенного на полную мощность радиоприемника. За Рэнди все время приходилось внимательно следить, чтобы не дать ему заснуть. Во время своей рекордной попытки он не принимал никаких стимулирующих препаратов и даже не пил кофе.

Один из побочных эффектов такого режима заключался в том, что оба исследователя также оказались лишенными сна. Действительно, однажды Демент был оштрафован и строго предупрежден за езду в неправильном направлении по улице с односторонним движением. Его протесты и заявления о том, что он проводит исследование по длительному лишению человека сна, никак не подействовали на полицейских. Позднее Демент признал, что вождение в состоянии крайней усталости исключительно опасно и что он, безусловно, заслуживал наказания.

В последнюю ночь Демент отвез Рэнди в круглосуточно работавший торговый пассаж, где они играли в сотню игр и в настольный бейсбол. Рэнди выиграл все игры. Это говорило либо о том, что он прекрасно обходился без сна, либо о том, что Демент играл исключительно плохо! Демент вспоминал, что в конце этого героического испытания все помогали Рэнди создать привлекательную гласность его достижению. Газетные и телевизионные репортеры со всего мира десантировались в Сан-Диего, чтобы стать свидетелями побития мирового рекорда. Все это льстило самолюбию Рэнди и, безусловно, укрепляло его мотивацию.

В пять часов пополудни на одиннадцатый день своего непрерывного бодрствования Рэнди провел пресс-конференцию, на которой объявил о побитии мирового рекорда[42] по продолжительности нахождения без сна. Его поведение во время пресс-конференции описывалось как «безупречное»: он говорил ясным языком и не проявлял явных признаков того, что не спал уже много суток. Рэнди заявил, что способность жить без сна — это вопрос победы «разума над материей». Он даже сказал, что мог бы провести без сна еще день или два, но не станет этого делать, так как помнит о необходимости снова пойти в школу после рождественских каникул. Доктор Джон Росс (John Ross) из местного военно-морского госпиталя вызвался понаблюдать за сном Рэнди в ближайшие несколько ночей, и в шесть часов вечера Рэнди заснул. Он установил мировой рекорд, проведя без сна двести шестьдесят четыре часа, и как сообщается, заснул через три секунды после того, как его голова коснулась подушки. Он проспал четырнадцать часов сорок минут и после пробуждения чувствовал себя вполне здоровым для того, чтобы пойти в школу на следующий день. В следующую ночь он проспал десять с половиной часов и был разбужен для того, чтобы вовремя успеть на занятия. Считается, что за одиннадцать дней Рэнди недоспал, в общей сложности, семьдесят пять часов. Он не компенсировал этот дефицит сна в последующие ночи, хотя и испытал проявление БДГ-реакции и, по большей части, восполнил недостаток сна в этой фазе. В целом, он компенсировал лишь 24% суммарного дефицита сна. В отличие от более ранних выводов, сделанных по результатам обследования

---

[42] Согласно Pinel J. *Biopsychology* . Boston: Allyn & Bacon, 2000, рекорд времени, проведенного без сна, принадлежит миссис Маурин Вестон (Maureen Weston) — четыреста сорок девять часов, или восемнадцать дней и семнадцать часов. Однако в *Guinnes Book of World Records* мировым рекордсменом объявляется Роберт Мак-Дональд, который провел без сна в кресле-качалке четыреста пятьдесят три часа и сорок минут. Другие попытки оцениваются другими способами и представляются в виде других «рекордов».

Триппа, случай Рэнди Гарднера убедил Демента в том, что лишение сна не обязательно приводит к возникновению психоза. Лишение сна не сделало Рэнди «психом». В течение последующих сорока лет никто не пытался побить рекорд Рэнди, и возможность такой попытки представляется маловероятной с учетом опасностей, связанных с ее осуществлением. Сам Демент сомневается, что сегодня предложение о проведении такого исследования может быть одобрено комитетом по этике какого-нибудь университета.

Есть и другие сообщения о добровольцах, проведших без сна от восьми до десяти дней в тщательно контролируемых лабораторных условиях. Подобно Рэнди, ни один из них не испытывал серьезных физиологических или психических проблем. Но, как и Рэнди, все они демонстрировали постепенное ослабление концентрации, мотивации и восприятия по мере того, как время их непрерывного бодрствования увеличивалось. Все добровольцы полностью восстановились после нескольких ночей нормального сна.

Имеется немало сообщений о том, что «марафон бодрствования» не оказал негативного влияния на здоровье Рэнди. В частности, Корен (Coren)[43] утверждает: «Этот вывод получил такое распространение, что теперь считается несомненным "фактом", упоминаемым практически во всех книгах по психологии или психиатрии, имеющих главы о сне». Однако Демент сообщает о некоторых побочных эффектах, наблюдавшихся у Рэнди. Он отмечает, что аналитические способности Рэнди, его память, восприятие, мотивация и двигательный контроль снизились в той или иной степени. Рэнди демонстрировал замедленную реакцию и иногда не мог выполнить простых математических расчетов. Однако многим из этих негативных результатов не придается того значения, которого можно было бы ожидать.

Джон Росс, работающий в нейропсихиатрическом исследовательском подразделении ВМФ США, подробно рассказывает о симптомах, наблюдавшихся у Гарднера.[44] Он сообщает, что на второй день Рэнди испытывал трудности с концентрацией зрения, а на четвертый день начал страдать галлюцинациями (дорожный знак казался ему живым человеком) и впадать в заблуждения (он считал себя знаменитым чернокожим футболистом), причем все эти нарушения наблюдались в течение всего периода исследования. Моментами у него наблюдалось дизъюнктивное мышление, а период сохранения внимания был очень коротким. Когда его попросили вычесть из ста семь, потом еще раз семь, потом еще раз и так далее, он сумел дойти только до шестидесяти пяти, после чего забыл суть задания. Корен остается убежденным в том, что «продолжительное лишение сна действительно приводит к появлению серьезных психических симптомов». Однако ему возражает Демент: «Я могу с уверенностью утверждать, что нахождение без сна в течение двухсот шестидесяти четырех часов не вызвало никаких психиатрических проблем».[45]

Признается, что у Рэнди наблюдались определенные невралгические изменения. Спор идет лишь о силе симптомов. Были ли эти симптомы относительно слабыми или же более серьезными? Первая точка зрения предполагает, что лишение сна не вызывает проблем с психическим здоровьем, а вторая предполагает совершенно противоположное. Демент предположил, что Рэнди сумел так хорошо справиться с дефицитом сна потому, что он был молод и физически здоров. Последующие исследования на животных показали, что эти факторы оказывают большое влияние на то, как справляются с лишением сна крысы.

Так дал ли нам Рэнди ответ на вопрос о том, действительно ли сон необходим для нормального функционирования человеческого организма? Как уже отмечалось, ученые продолжают спорить по поводу случая Рэнди Гарднера. К тому же, необходимо отметить, что имеется немало проблем с исследованиями последствий лишения сна. Возможно,

---

[43] Coren S. Sleep deprivation, psychosis and mental efficincy // *Psychiatric Times* . 1998. Vol. XV (3), March.

[44] Ross J. J. Neurological findings after prolonged sleep deprivation // *Arch. of Neurol* .. 1965. Vol. 12. P. 399-403.

[45] Dement W., Vaughan C. *The Promise of Sleep* . London: Pan Books, 2001.

наиболее серьезным выглядит утверждение, что из понимания последствий лишения сна логически не вытекает понимание функции сна. Например, другие физиологические механизмы могут компенсировать любые эффекты лишения сна. Было показано, что подобное происходит в молекулярной биологии, когда удаление конкретного гена не всегда приводит к появлению ясного фенотипа. Напротив, поведение, при котором испытывается неблагоприятное воздействие лишения сна — хотя и предполагается, что сон играет важную роль, — само по себе не является доказательством того, что сон отвечает за это поведение. К тому же, после изучения случая Гарднера исследователям удалось установить, что человек может на короткие периоды времени погружаться в состояние сна. Эти периоды «микросна» продолжаются всего несколько секунд, но Демент считает, что, возможно, они наблюдались и у Рэнди. Их можно обнаружить только с помощью специальной регистрирующей аппаратуры, поэтому в любых будущих исследованиях она обязательно будет использоваться для того, чтобы не допустить накопления чрезмерно большой доли этих периодов «микросна» в процессе длительных экспериментов.

Уильям Демент, как один из ведущих мировых экспертов в области сна, имел отношение и к эксперименту Питера Триппа, и к эксперименту Рэнди Гарднера. Он сообщает о противоречивых результатах, полученных в каждом случае, и объясняет причины сделанных им выводов. Несмотря на утверждения о том, что у Рэнди Гарднера наблюдались лишь отдельные побочные эффекты, вызванные длительным лишением сна, Демент уверен, что дефицит сна может иметь серьезные последствия. Он утверждает, что крупные техногенные катастрофы, подобные крушению танкера «Exxon Valdez», гибели космического челнока «Challenger» и взрыву ядерного реактора на Чернобыльской АЭС, могли быть вызваны решениями людей, испытывавших недостаток сна. По его оценкам, 24 тысячи автомобильных аварий со смертельным исходом, происходящие в США каждый год, также могут быть вызваны чрезмерной усталостью водителей. Он утверждает, что среднему взрослому человеку необходимо спать по восемь часов в сутки, и рекомендует не накапливать дефицита сна.

Рэнди Гарднер после успешного завершения образования получил работу у одного специалиста, занимавшегося исследованием сна. Позже он не испытывал никаких побочных эффектов, вызванных длительным лишением сна. В настоящее время он находится на пенсии и по-прежнему живет в Сан-Диего. Рэнди навсегда вошел в научную литературу под именем «мальчика, который не спал».

Случай близнецов: Дэвид Реймер, мальчик, который никогда не был девочкой

Брюс Реймер, старший из двух мальчиков-близнецов, родился 22 августа 1965 года. Восемь месяцев спустя при выполнении обычной операции обрезания его случайно лишили пениса. После консультации с признанным во всем мире исследователем проблем пола доктором Джоном Мани из Университета Джона Хопкинса (Балтимор) родители решили, что для Брюса будет лучше всего, если его станут воспитывать как девочку. Так Брюс стал Брендой. Такое решение подразумевало проведение хирургической операции по изменению пола и участие в двенадцатилетней программе социально-психологической адаптации. Этот случай был представлен в научной литературе как безоговорочный успех. Так, без ведома самого Брюса, он стал объектом знаменитого специального исследования — одного из наиболее часто упоминаемых в литературе по медицине и психологии. Так называемый «случай близнецов» способствовал более глубокому изучению вопросов гендерной идентичности и соотношения ролей природы и воспитания. Переопределение пола у детей, рожденных с неоднозначными гениталиями, до сих пор осуществляют с учетом тех данных, которые позволил собрать этот случай. Но в действительности эксперимент закончился полной неудачей. Выслушав рассказ о своем прошлом, «Бренда» захотела снова стать мужчиной, на этот раз Дэвидом Реймером. До недавнего времени

Дэвид Реймер жил со своей женой и другими членами семьи в Виннипеге (Канада).[46] *Однако в 2004 году в его жизни произошел трагический поворот. После того, как Дэвид Реймер потерял работу, разошелся с женой и похоронил своего брата-близнеца, он покончил жизнь самоубийством. Ему было тридцать восемь лет.*

Общие сведения

Рон Реймер и его будущая жена Джанет выросли в сельском районе Канады в окрестностях города Виннипег. Оба они происходили из семей, принадлежащих к религиозной секте меннонитов. Оба подростка страдали от жестких религиозных ограничений и при первой же возможности перебрались в город. Джейн нашла работу официантки, а Рон устроился на скотобойню. Оба они зарабатывали себе на жизнь нелегким, но честным трудом. Рон и Джейн поженились 19 декабря 1964 года. Молодые супруги мечтали иметь детей-близнецов. Уже через несколько месяцев их мечта стала реальностью. Они назвали своих мальчиков-близнецов Брюсом и Брайаном. Хотя мальчики были двойняшками, Джанет и Рон научились видеть различия между ними. В частности, они заметили, что Брюс был намного активнее своего брата. Семью ожидала спокойная и счастливая жизнь.

Когда близнецам исполнилось по семь месяцев, Джанет заметила, что они испытывают трудности с мочеиспусканием. Она отвезла детей к врачу, который обнаружил у них фимоз (phimosis) — патологическое сужение отверстия крайней плоти. Обычно такая ситуация легко исправляется с помощью процедуры обрезания. Джейн договорилась о проведении операции 27 апреля 1966 года. Но в этот день штатный хирург не мог выйти на работу, и поэтому его место у операционного стола занял врач общей практики Жан-Мари Гуо (Jean-Marie Huot).

По поводу деталей операции имеется много неясностей, но, по-видимому, для фиксации крайней плоти Брюса был использован обычный зажим для артерий. Затем вместо того, чтобы отрезать крайнюю плоть скальпелем, доктор Гуо решил воспользоваться термокаутером (устройством для прижигания раны). В этом устройстве совместно с острым режущим инструментом используется электрический ток, чтобы прижигать край обрезанной ткани и таким образом «закупоривать» кровеносные сосуды для предотвращения кровотечения. Однако необходимо было использовать и зажим, и термокаутер — что само по себе было опасно, так как через металлический зажим электрический ток мог попасть на пенис. После того, как нож термокаутера не справился с операцией обрезания с первого раза, врач решил увеличить силу тока. Это решение имело катастрофические последствия — пенис Брюса был выжжен до основания. Ребенку вставили катетер, и операция на этом закончилась. Через две недели остатки пениса Брюса подсохли и были полностью удалены, так что место раны стало совершенно гладким. Восстановить утраченный орган в первоначальном виде было невозможно. В местной больнице Рону и Джанет сказали, что наилучший вариант заключается в том, чтобы вживить Брюсу искусственный фаллос до того, как он пойдет в школу. Фаллопластика в 1960-х годах только начинала развиваться, поэтому один известный психиатр счел нужным предупредить родителей, что в будущем Брюсу предстоит осознать «свою физическую неполноценность и жить в одиночестве».

Рон и Джанет вернулись домой в шоковом состоянии. Их расстройство еще более усилилось после того, как фимоз Брайана прошел сам по себе — фактически, для Брюса процедура обрезания не была абсолютно необходимой. Рон рассказал нескольким коллегам по работе о неудачной операции, но они лишь посмеялись над случившимся, и поэтому Рон и Джанет решили сохранить детали операции в тайне. Они надеялись, что это решение поможет оградить их от сплетен, но оно также способствовало и их изоляции. Они стали узниками в своем доме, так как не хотели приглашать к детям няню, чтобы она, меняя Брюсу

---

[46] Основная часть этой главы написана на основе материалов книги, посвященной этому случаю и опубликованной с согласия самого Дэвида Реймера: John Calapinto. *As a Nature Made Him: The Boy who was Raised a Girl* . New York: Harper Collins, 2000.

пеленки, случайно не узнала правду.

Возможное решение

Однажды, через десять месяцев после операции, Рон и Джанет смотрели по телевизору информационно-развлекательную программу, не зная, что увиденное в ней станет катализатором последовательности еще более драматичных событий. В тот вечер гостем передачи был Джон Мани из балтиморского Университета Джона Хопкинса. Мани, один из ведущих в мире исследователей проблем пола, был ученым, обладавшим даром убеждения. Во время передачи он рассказал, что его команда успешно осуществляет операции транссексуальной хирургии (операции по изменению пола). Он утверждал, что изменение пола человека вполне возможно. Мани заявил, что биологический пол является наилучшим указателем будущего гендерного развития личности, после чего на экране появился транссексуал, рассказавший присутствующим, что теперь, став женщиной, он чувствует себя более счастливым и лучше принимаемым обществом. Затем речь зашла об интерсексуальных детях (детях, рожденных с неоднозначными гениталиями). Мани объяснил, что благодаря хирургической операции, социализации и гормональному замещению дети могут успешно адаптироваться к особенностям того пола, который выберут для них родители. Он утверждал, что генетический пол не обязательно должен соответствовать психологическому полу (т. е. гендерным характеристикам индивида).[47] Рон и Джанет были буквально загипнотизированы доктором Мани; они сразу же написали ему письмо, в котором подробно рассказали о своей ситуации. Мани, быстро поняв уникальную природу данного случая, отправил им письмо обратной почтой.

Мани знал, что этот случай имеет важное значение: сам он давно доказывал, что гендерная идентичность интерсексуальных детей не задается при рождении, и поэтому выдвинул теорию так называемой гендерной нейтральности. Он верил, что при работе с интерсексуальными детьми хирурги должны «задавать» наиболее подходящий пол сразу после рождения ребенка, поскольку такие дети появляются на свет «гендерно нейтральными». Его оппоненты утверждали, что эта теория применима только к ограниченной подгруппе детей — а именно детей, родившихся с неоднозначными гениталиями, или гермафродитов. Однако Мани верил, что его теорию гендерной нейтральности можно применять ко всем детям и что Брюс предоставлял ему уникальную возможность доказать правильность своей теории, особенно с учетом того, что его близнец, Брайан, идеально подходил для проведения контрольных сравнений. Если бы нормальный младенец мужского пола мог быть успешно воспитан как девочка, это, безусловно, показало бы, что половая принадлежность не дифференцируется при рождении у всех детей. Это помогло бы внести вклад в давний спор, который вели между собой психологи: являемся ли мы теми, кто мы есть, благодаря нашей генетической наследственности или же благодаря воспитанию и взаимодействиям с внешней средой, происходящим после нашего рождения? Если бы Мани мог разрешить этот спор в терминах половой принадлежности, то он стал бы одним из самых знаменитых и уважаемых в мире ученых. Он верил в свою счастливую звезду, а эта возможность была слишком заманчивой, чтобы ее упускать.

Мани немедленно пригласил семью Реймеров в Университет Джона Хопкинса для обсуждения ситуации. Приблизительно в то же время молодой аспирант Милтон Даймонд (Milton Diamond) начал работать над диссертацией, посвященной изучению влияния гормонов на поведение человека. Даймонд работал в Канзасском университете и не был убежден в правильности теории нейтральности, выдвинутой Мани. Он считал, что специфическое для каждого пола поведение программируется у человека в эмбриональном

---

[47] Хотя термины «половой» и «гендерный» часто используют в литературе как синонимы, здесь мы будем использовать первый термин для описания совокупности биологических и генетических характеристик индивида, а второй — для описания тех характеристик пола, которыми, по мнению индивида, он обладает. См. также: Diamond M., Sigmundson H. K. Sex reassignment at birth: a long term review and clinical implications // *Arch. Pediatr. Adolescent Med* ., 1997. Vol. 151. P. 298-304.

состоянии. Группа канзасских ученых проверила этот факт, «создавая» гермафродитных морских свинок. Этого результата достигали за счет введения тестостерона в организм беременных самок. В итоге у появлявшихся на свет самок морских свинок клитор имел размер пениса. Но вопрос заключался в том, какое поведение будут демонстрировать эти самки: мужское или женское? Оказалось, что подвергнувшиеся воздействию тестостерона самки вели себя как самцы и пытались покрывать обычных самок. Члены команды верили, что им удалось продемонстрировать влияние дородового опыта на последующее гендерное поведение. Другими словами, по крайней мере у морских свинок, мужское поведение могло быть запрограммировано до рождения независимо от фактического пола каждой особи. Казалось, что этот вывод в корне противоречит представлению о гендерной нейтральности при рождении, но все опыты ученые проводили только на животных, и оставалось неясным, будет ли этот вывод справедлив и для поведения людей.

Однако Даймонд был уверен в неправоте Мани. Он утверждал, что факторы, действующие до рождения, имеют основное значение для гендерной идентичности и что социализация играет вспомогательную роль. Даймонд считал, что хотя гермафродиты действительно могут обретать какой-то конкретный пол, все же теория гендерной нейтральности не применима ко всем «нормальным» новорожденным. Даймонд даже бросил перчатку Мани, заявив, что для подкрепления своей теории тот должен предоставить пример нормального мальчика, успешно воспитанного как девочка. «Случай близнецов» предоставлял Мани такую возможность, и в последующие годы идеи Даймонда, как правило, игнорировались.

От мальчика к девочке

Когда Реймеры впервые увидели Джона Мани, они сразу же почувствовали, что он был именно «тем» человеком. Джанет и Рон смотрели на него как на бога и были готовы всецело довериться ему. Мани объяснил, что Брюс мог бы успешно воспитываться как девочка и затем стать женщиной. Он мог бы вступать в половые отношения как женщина и мог бы стать привлекательным для мужчин. Рон и Джанет не знали, что Мани рекомендует программу действий, которая никогда не испытывалась прежде на детях, родившихся со всеми функциональными мужскими признаками. Мани проявлял нетерпение и торопил Рона и Джанет, так как он считал, что гендерное переопределение должно произойти прежде, чем ребенку исполнится один год. После серьезных размышлений Рон и Джанет приняли решение. Они посчитали, что Брюсу будет проще расти как представителю «слабого» пола и что проблемы, которые он будет испытывать как мужчина, не имеющий пениса, окажутся для него невыносимо тяжелыми. Третьего июля 1967 года Брюса кастрировали, после чего родители дали ему новое имя — Бренда, начинавшееся с той же буквы, что и старое. Супруги вернулись домой, получив от Мани строгие инструкции о том, как им воспитывать дочь. С тех пор они беспрекословно выполняли все указания Мани. Они отпустили Бренде длинные волосы, купили ей соответствующие игрушки и перестали упоминать в разговорах о произошедшей трагедии. Отныне в семье Реймеров были разнополые близнецы — мальчик и девочка.

Глядя на близнецов, посторонние люди видели двух хорошеньких, но неодинаковых малышей. У Брайана были коротко подстриженные каштановые волосы, а у Бренды волнистые волосы спускались до плеч. Однако различие между близнецами пропадало, как только Бренда начинала двигаться или говорить. Во всем, что она делала, проявлялась ее мужская сущность. Она никогда не играла с игрушками, которые давались ей как девочке. Интересовавшие ее игрушки она брала у Брайана. Ей нравились игрушечные пистолеты, она любила играть в подвижные игры и в солдатиков, охотно пользовалась игрушечными столярными инструментами, подаренными Брайану. Позднее Брайан сообщал, что она ходила как мальчик, сидела с широко расставленными ногами и побеждала во всех драках, которые случались между близнецами. Действительно, в этой паре Бренда описывалась как «мужской» лидер. Все это сбивало с толку Бренду и в какой-то мере огорчало Брайана. Мани называл такое поведение Бренды проявлениями характера «девочки с мальчишескими

ухватками» и продолжал настаивать на том, чтобы Рон и Джанет воспитывали Бренду как девочку.

Имелись и другие более очевидные указания на прошлое Бренды. Писая в туалете, она стояла лицом к унитазу. Ее воспитательница в детском саду отмечала, что Бренда была «больше мальчиком, чем девочкой», и, разумеется, ее сверстники также замечали эти различия. Поведенческие и эмоциональные проблемы начались у Бренды после того, как она пошла в школу. Несмотря на изысканный внешний вид (Джанет всегда подбирала ей наиболее женские наряды), она часто дралась с мальчишками и приходила домой, испачканная грязью с головы до ног. Бренда прошла у Мани тест на IQ и набрала 90 баллов, т. е. чуть меньше значения, соответствующего среднему уровню умственного развития. Однако ее успехи в школе были гораздо хуже. Рон и Джанет никогда не рассказывали учителям печальную историю Бренды, но, чтобы не допустить ее перевода в более младший класс, они все же решились это сделать.

Трудности, которые испытывала Бренда в школе, резко контрастировали с тем успехом в научных кругах, которого добился Мани. С 1950-х годов он доказывал, что факторы внешней среды, действующие на ребенка после рождения, имеют важнейшее значение для гендерной идентичности. Он рассказывал истории интерсексуальных близнецов, которые успешно воспитывались как представители разных полов, а теперь он сам создал случай близнецов в поддержку своей теории. Наконец-то он имел двух идентичных мальчиков с нормальным мужским опытом в дородовой период, и один из них теперь успешно рос как девочка. Мани не рассказывал о проблемах Бренды и лишь упоминал о некоторых ее мальчишеских замашках, развившихся вследствие стремления подражать своему брату. Для сторонников Мани все было ясно: последний эксперимент показал, что мальчиками или девочками становятся, а не рождаются.

Случай близнецов немедленно стал сенсацией. Ученые бросились переписывать учебники и рассказывать в них о появлении доказательств ключевой роли воспитания в формировании гендерной идентичности. В это же время доминирующей парадигмой в психологии стал бихевиоризм, и идеи Мани, по-видимому, хорошо соответствовали этому подходу. Движение в защиту прав женщин также подняло эти идеи на щит, было заявлено, что биологические различия больше не объясняют гендерных различий. Хирурги и родители, которые в течение многих лет хотели узнать, как поступать с интерсексуальными детьми, стали охотнее соглашаться на немедленное проведение операции на детских гениталиях. Ведь, в конце концов, если ребенок мужского пола может успешно воспитываться как девочка, то ребенок-интерсексуал должен иметь еще меньше проблем. Случай близнецов имел далеко идущие последствия, и Мани наслаждался достигнутым эффектом.

Однако по крайней мере один человек имел на этот счет собственное мнение. Даймонд так и не признал теорию гендерной нейтральности. Он утверждал, что случай близнецов просто указывает на замечательные адаптационные способности человеческого поведения и что биология по-прежнему занимает центральное место в формировании половой идентичности. Даймонд не мог поверить в то, что биология не играет здесь ключевой роли, и действительно, к тому времени уже было известно несколько случаев, когда мальчики, рожденные с очень маленькими пенисами, посредством хирургической операции превращались в девочек только для того, чтобы вновь стать мальчиками в юношеском возрасте. Кроме того, стали очевидны методологические проблемы исследований, проведенных Мани. Несмотря на противодействие Мани и его сторонников, статью, в которой рассказывалось об этих проблемах, все же удалось опубликовать. Однако изложенные в ней аргументы не были восприняты всерьез. Мани был всемирно известным ученым, а случай близнецов рассматривался как решающее доказательство правильности его теории гендерной нейтральности. Мани был сторонником операций по изменению пола детей, рожденных с неоднозначными гениталиями, и эта процедура получила распространение во всех крупных странах мира, за исключением Китая. К счастью, теперь мы понимаем, что случай близнецов должен служить напоминанием об опасности слепого

признания взглядов какого-то одного эксперта, даже если он считается ведущим специалистом в данной области.

Сомнения по поводу исследований

В рамках общей программы изменения пола ребенка семья Бренды раз в год приезжала в Балтимор в Университет Хопкинса для встречи с Джоном Мани. Каждый раз во время этих посещений Бренда испытывала непреодолимый страх. Начиная с четырехлетнего возраста она руками и ногами отбивалась от любого, кто пытался ее обследовать. В эти поездки необходимо было брать и Брайана. Визиты к Мани не любили оба ребенка. Постепенно близнецам становилось ясным, что с ними что-то не в порядке. Почему они должны были делать эти визиты — визиты, которых не делал никто из друзей? Бренда не могла понять, почему большинство задававшихся ей вопросов касались ее пола. Когда ее просили выполнить стандартный тест на «рисование человека», который, как предполагается, помогает выявлять гендерную идентичность детей, она рисовала очевидную фигуру мальчика. Когда ее спрашивали, кого она нарисовала, она отвечала: «Себя». Постепенно Бренда и Брайан стали понимать, какие ответы требовались от них. Термин «требуемые характеристики спроса» имеет отношение к ситуации, в которой участник отгадывает назначение исследования и корректирует свое поведение соответствующим образом. Именно так стали поступать близнецы, и поэтому результаты, о которых сообщал Мани, могли страдать подобным недостатком. Разумеется, Мани знал об этих методологических проблемах и пытался проверять ответы близнецов, но ему становилось все труднее оставаться объективным, когда он начинал получать те ответы, которые надеялся получить.

В этом отношении показательным является следующий эпизод. Мани расспрашивал Бренду о поездке в зоопарк. Он спросил ее, в какое животное она хотела бы превратиться, если бы это было возможно. Бренда ответила, что в обезьяну. Когда же он спросил, предпочла бы она стать обезьяной-мальчиком или обезьяной-девочкой, то Бренда ответила: «Девочкой» (girl). Мани интерпретировал этот ответ как свидетельство гендерного предпочтения Бренды. Однако несколько лет спустя Дэвид Реймер (т. е. Бренда) утверждал, что он сказал: «Горилла» (gorilla). Даже не рассматривая предположение о сознательном искажении результатов, мы можем считать этот факт свидетельством того, что Мани предпочитал слышать в ответах то, что он хотел услышать.

В подростковом возрасте близнецы сообщали о том, что во время этих встреч Мани вел себя по-разному. В присутствии Рона и Джанет он изображал из себя «доброго дядю», но когда близнецы оставались одни, он мог разговаривать с ними в угрожающей манере. Сообщается, что он просил близнецов имитировать занятие сексом друг с другом. В других случаях он показывал им картинки откровенно сексуального характера, чтобы попытаться подкрепить их гендерные идентичности. Сам Мани признавал, что такие картинки могут быть полезной составляющей полового воспитания ребенка. Рону и Джанет об этом было ничего не известно. Они были вынуждены «подкупать» близнецов, например обещать им поездки в Диснейленд, чтобы убедить их продолжать визиты к Мани.

Когда Бренде исполнилось семь лет, Мани начал вести разговоры о возможности вагинальной хирургической операции. Он утверждал, что многие проблемы Бренды проистекают из ее понимания своего отличия от других девочек. Бренда действительно знала об этом и даже не могла смотреть на то, что было у нее между ног. Мани убедил Рона и Джанет в необходимости выполнения новых «домашних заданий». Они предусматривали проведение с Брендой бесед о ее гениталиях и о проведении операции. Бренда была всем этим крайне огорчена, так как чувствовала, что родители действуют заодно с Мани и вопреки ее желаниям. Несмотря на это, Бренда была уверена в том, что не согласится ни на какую операцию. Однажды вследствие агрессивного давления со стороны Мани и непрерывных неприятностей в школе с ней случился нервный припадок.

Сомнения семьи

Приблизительно в это время Рон и Джанет начали проявлять сомнения в правильности своего первоначального решения. Они уже ясно видели, что Бренда несчастна, и понимали,

что переопределение ее пола, по-видимому, идет неудачно. Но при этом они не сомневались в Джоне Мани: они полностью доверились ему и не видели другой возможности, кроме как продолжать идти по выбранному пути. Их положение становилось невыносимым. Брайан своим поведением также стал создавать родителям проблемы. Он крайне ревниво относился к тому вниманию, которое получала Бренда, и к тому же однажды совершил кражу в местном магазине. Испытывая глубокое отчаяние и осознавая необходимость перемен, Реймеры продали свой дом и переехали на запад, в Британскую Колумбию. Но вместо того чтобы дать новый старт в жизни, этот переезд стал для них подлинным несчастьем. Бренда чувствовала себя в школе еще более одинокой, Рон, работавший весь день на лесопилке, каждый вечер стал прикладываться к бутылке, а Джанет время от времени испытывала приступы глубокой депрессии. Во время одного из таких приступов она приняла целую упаковку снотворного, и только своевременное вмешательство Рона спасло ей жизнь. В конце концов семья вновь решила вернуться в Виннипег. Бренда была уверена, что именно она является источником многих проблем ее семьи, и поклялась попытаться спасти брак родителей, став более женственной. К сожалению, усилия подрывались физиологическими изменениями в «ее» организме, подчеркивающими мужскую природу. К ним относились огрубление голоса, развитие мускулатуры и появление мужских черт лица.

Бренда по-прежнему имела проблемы в школе. Одноклассники ее сторонились, поскольку она была не такой, как все, но ей все же удалось установить контакты с группой девочек-сорванцов и наладить с ними подобие дружеских отношений. Другие одноклассники смеялись над ней и называли ее «троглодиткой». Ей запретили пользоваться туалетом для девочек, где ее однажды увидели писающей стоя, в результате приходилось бегать в туалет, расположенный на соседней улице. Не удивительно, что Бренда становилась все более обеспокоенной. Местные психиатры, которым поручили заняться ее историей, были удручены невозможностью примирить реальность с прочитанными ими научными отчетами Джона Мани о развитии Бренды. Тем не менее никто из них не пытался оспаривать исходное решение воспитывать ее как девочку. Они понимали, что теперь делать что-то другое было уже поздно. Им нужно было убедить Бренду принимать эстроген, женский гормон, для облегчения проявления эффектов женского полового созревания. Но Бренда решительно отказалась принимать любые подобные препараты. Единственное, чего она хотела, это стать более женственной. Однако под непрерывным давлением взрослых Бренда, не имевшая особого выбора, все же согласилась принимать лекарства, чтобы попытаться улучшить соответствие своему полу. Это произошло примерно в то время, когда ей исполнилось двенадцать лет. Но даже после этого при любой возможности она выбрасывала таблетки в унитаз. Она также начала много есть, надеясь, что увеличение веса поможет замаскировать эффекты приема эстрогена.

Местные психиатры активно обсуждали историю Бренды. Сама она рассказывала, что знала о своем физиологическом отличии от «нормальных» детей и слышала, как отец говорил о какой-то «ошибке». При дальнейших расспросах она призналась, что думала, будто мать била ее между ног. Это заявление, по-видимому, согласовывалось с теорией психического и полового развития Фрейда, в которой выдвигается гипотеза о том, что мальчики испытывают половое влечение к своим матерям. Сам Фрейд назвал этот феномен эдиповым комплексом по имени героя древнегреческой трагедии Эдипа, который в юношеском возрасте, сам того не ведая, убил отца и женился на своей матери. Согласно этой теории Фрейда, мальчик понимает, что он конкурирует со своим отцом за любовь матери. Когда он осознает, что отец намного сильнее, то начинает страдать от «страха перед кастрацией» — страха перед тем, что отец лишит его наружных половых органов. Чтобы избежать этого, но сохранить влияние на мать, он усваивает поведение отца. Вот почему мальчики становятся похожими на своих отцов. Фрейд также утверждал, что девочки страдают комплексом Электры: когда девочка понимает, что у нее нет пениса, она начинает завидовать тем, кто обладает пенисом, и возлагает вину за отсутствие у нее этого органа на мать. То, как вела себя Бренда, действительно могло быть интерпретировано подобным

образом: она возлагала вину за отсутствие у нее пениса на свою мать. Для того чтобы попытаться обрести пенис, девочки выбирают в качестве главного объекта своей любви отцов (образно говоря, девочка, посредством половых отношений со своим отцом, может вновь обрести пенис). В соответствии с методикой психоанализа считается полезным выявлять и разрешать многие из таких вопросов.

Разумеется, одна из проблем теории психоанализа состоит в том, что одна и та же ситуация может интерпретироваться разными способами. Когда Джанет узнала, что Бренда подозревала ее в совершении насилия над дочерью, то пришла в ужас. Так или иначе, но что-то нужно было делать. Джанет спросила Бренду, есть ли какой-то смысл в продолжении их ежегодных визитов к Мани. Когда Бренда ответила отрицательно, то намеченная поездка была отменена и, к облегчению всех членов семьи, им больше никогда не пришлось посещать Балтимор.

Как меня звали?

В 1979 году телекомпания ВВС направила специальную команду в Виннипег и Балтимор для расследования случая близнецов в рамках работы над фильмом о гендерной идентичности. Члены этой команды установили контакты с психиатрами, занимавшимися Брендой, а также встретились с Джоном Мани. Журналисты не стали скрывать от Мани, который первоначально приветствовал их интерес к этой теме, что они встречались с учеными, подвергавшими сомнению успех этого случая. Основным критиком Мани снова оказался Милтон Даймонд. Услышав это имя, Мани немедленно выставил журналистов за дверь и написал угрожающее письмо директору ВВС, в котором предупреждал о возможности судебных исков в случае нанесения какого-либо вреда Реймерам. Несмотря на эти угрозы, программа ВВС вышла в эфир, хотя и не оказала ожидаемого воздействия на научное сообщество. Справедливая критика не пошатнула репутацию Мани, а его свидетельства, относившиеся к случаю близнецов, не подвергались сомнению. Поскольку Мани лишился возможности видеться с Брендой, то после 1980 года его публичные комментарии этого случая прекратились. Мани объяснял молчание желанием избежать вмешательства в эту историю средств массовой информации.

В последующие месяцы Бренда все нагляднее проявляла свою мальчишескую индивидуальность. Она становилась все больше похожей на мальчика в своих словах, действиях и в одежде. Наблюдавшие за Брендой местные психиатры решили, что настало время сказать правду о ее рождении. Рон и Джанет с этим согласились. В один из дней после посещения местного психиатра Рон предложил Бренде купить мороженое. Бренда испугалась, так как все плохие новости часто сообщались ей одновременно с покупкой мороженого. Рон рассказал Бренде о ее рождении и о произошедшем затем несчастном случае. Хотя сам Рон плакал, Бренда не проронила ни одной слезинки и сосредоточенно смотрела прямо перед собой. Она переживала множество самых разных чувств: недоверие, скептицизм и гнев, но самым главным было чувство облегчения. Наконец-то появилось объяснение, хотя и ужасное, всем тем трудностям, с которыми она сталкивалась в своей жизни. Бренда задала отцу лишь один вопрос: «Каким было мое имя?»

Бренда немедленно решила вернуться к своему биологическому полу. Главный вопрос здесь заключался в том, как это следует делать. Ведь пол невозможно поменять так же легко, как рубашку. Подобное решение неизбежно вызвало бы нежелательные толки, а Бренда прекрасно знала, какую боль могут причинять сплетни и намеки. Она не хотела возвращать себе первоначальное имя — Брюс, поскольку оно ей не нравилось. В итоге она решила стать Дэвидом, в честь царя Давида, — это имя ассоциировалось с преодолением трудностей, соизмеримых по масштабу с победой над Голиафом. Через неделю после своего пятнадцатилетия Дэвид впервые появился на публике в составе свадебного кортежа. Ему стали вводить тестостерон вместо эстрогена, и он подвергся болезненной операции по удалению молочных желез. Накануне его шестнадцатилетия ему сделали операцию по вживлению искусственного пениса.

Близнецы придумали историю о том, что Бренда погибла в авиакатастрофе и что Дэвид

— это недавно нашедшийся кузен Брайана. По-видимому, одних это убедило, а другие просто не хотели задавать вопросы о том, что же произошло на самом деле. Хотя как мальчик Дэвид чувствовал себя намного более счастливым, впереди его по-прежнему ожидали нелегкие испытания. Он не мог перестать думать о враче, который так неумело выполнил обрезание, и решил ему отомстить. Дэвид купил подержанный пистолет, выяснил имя этого врача и его место работы. Он отправился в больницу, где работал доктор Гуо, и вошел к нему в кабинет, держа пистолет в кармане. Имея в виду ту злосчастную операцию, Дэвид спросил, понимает ли доктор, через какие круги ада он заставил его пройти. У доктора Гуо, который благодаря этому намеку мгновенно идентифицировал личность незваного гостя, на глазах выступили слезы. В этот момент Дэвид вышел из кабинета. Он отправился к ближайшей реке, бросил пистолет в воду и тоже заплакал.

Становление мужчины

Когда Дэвиду исполнилось восемнадцать, он получил право распоряжаться суммой в $170 000, выплаченной ему больницей св. Бонифация шестнадцать лет назад. (Именно в этой больнице была выполнена злосчастная операция. Родители Дэвида добились возмещения ущерба через суд, хотя детали случившегося никогда официально не раскрывались.) Небольшую часть этих денег он потратил на покупку мини-фургона, который (по иронии судьбы) был известен ему и его друзьям под названием «Вагончик для траханья». Во время загородных прогулок со своими подружками Дэвид всегда придумывал причины для того, чтобы не заниматься с ними сексом, и часто притворялся, что выпил лишнего. Но однажды он перебрал на самом деле, и наутро стало ясно, что его подружка раскрыла секрет. Узнав от Дэвида всю историю его жизни, она не могла удержаться от того, чтобы не растрезвонить по всему городу. Дэвид стал объектом сплетен и насмешек. Позднее родители обнаружили его в бессознательном состоянии, вызванном приемом чрезмерной дозы снотворного. Джанет рассказывала, что она спросила Рона, не следует ли дать их сыну умереть спокойно — ведь ему уже пришлось столько выстрадать. Однако, не дожидаясь ответа Рона, она сразу же направила его в ближайшую больницу за врачами, которые сделали Дэвиду промывание желудка. В период восстановления Дэвид замкнулся в себе и подолгу жил в полном одиночестве в лесной избушке на берегу озера Виннипег.

Финальная трагедия

Когда Дэвиду было около двадцати двух, ему сделали еще одну операцию фаллопластики, результатами которой он был очень доволен. Жена Брайана была знакома с одной молодой женщиной по имени Джейн, которая в одиночку воспитывала троих детей. Между Дэвидом и Джейн установились особые отношения. Они стали друзьями с первого момента встречи. Джейн уже знала о трудной судьбе Дэвида, но это, по-видимому, никак не отразилось на ее чувстве к нему. Двадцать второго сентября 1990 года Дэвид и Джейн поженились и зажили семейной жизнью. В тот период Дэвид часто проявлял свое тонкое чувство юмора и выглядел уверенным в себе человеком, довольным и работой, и новой семьей. Он говорил, что смирился со своим прошлым, но не забыл его. Наконец-то проблемы уладились, и он получил возможность наслаждаться нормальной семейной жизнью, включавшей и половые отношения с женой.

Дэвид особенно сильно негодовал по поводу своей кастрации, лишившей его возможности иметь собственных детей. До 1990 года он даже не подозревал, какую известность получил его случай в научных кругах. Разумеется, он никогда не верил, что люди считают его случай успешным. Стремясь сказать людям правду, Дэвид отказался от своей анонимности, чтобы попытаться предать широкой огласке обстоятельства своего случая. Он хотел предостеречь других людей, которые могли бы оказаться в сходной ситуации. Он открыто рассказывал о своей истории и даже участвовал в передаче «Шоу Опры Уинфри». В 2000 году Дэвид написал письмо Джону Мани с предложением о встрече, во время которой тот мог бы принести свои извинения. Однако Мани, несмотря на свой воинственный характер, отказался встретиться с Дэвидом.

К сожалению, в семье Реймеров случилась еще одна трагедия. В 2002 году умер

страдавший шизофренией Брайан. Он ушел из жизни, находясь один в своей квартире, и его тело было обнаружено только через три дня. Хотя многие подозревали, что причиной смерти мог быть суицид, Джанет Реймер настаивала на том, что ее сын умер от кровоизлияния в мозг. Потеря брата-близнеца в подобных обстоятельствах оказала глубокое влияние на Дэвида. Он погрузился в свое горе, стал посещать могилу брата чуть ли не каждый день и начал страдать от длительных приступов депрессии. Несмотря на то, что в роду Реймеров и раньше встречались случаи психических заболеваний, Дэвид, по-видимому, винил в смерти брата себя. Родители уделяли Брайану меньше внимания и скрывали от него истинные обстоятельства рождения брата. Брайан также душевно травмировался в результате ежегодных визитов к доктору Джону Мани и был вынужден терпеть насмешки товарищей по работе после того, как история Дэвида получила широкую огласку. Дэвид, вопреки здравому смыслу, винил во всем произошедшем себя. Продолжая свое движение по нисходящей спирали, Дэвид потерял работу и разошелся с женой Джейн. В результате, он лишился возможности встречаться со своими приемными детьми, которые полюбили его и начали называть отцом. Вследствие одного безрассудного финансового решения Дэвид потерял $35 000, которые он получил от кинокомпании, снимавшей фильм о его жизни. С учетом всех этих обстоятельств, а также принимая во внимание всю историю его жизни, не представляется удивительным, что 4 мая 2004 года Дэвид Реймер покончил жизнь самоубийством. Он приехал на парковочную площадку местного супермаркета и застрелился из обреза.

Джанет Реймер возложила вину за смерть обоих сыновей на необычные обстоятельства их воспитания. Пресс-атташе Университета Джона Хопкинса распространил официальное заявление Джона Мани, в котором тот вновь подтвердил свое нежелание комментировать случай близнецов.

Результаты исследований

Хотя после 1980 года Джон Мани не делал прямых ссылок на случай близнецов, он по-прежнему занимался продвижением теории гендерной нейтральности и рекламированием успехов хирургического изменения пола. Он продолжал заниматься этим, несмотря на тот факт, что исследователи в Калифорнии показали, что инъекции тестостерона способны вызвать увеличение размера пениса детей, у которых при рождении это орган был чрезвычайно маленьким. В начале 1990-х годов непреклонный Милтон Даймонд решил выяснить правду о случае близнецов. Ходили упорные слухи, что все здесь было совсем не так, как сообщал Мани, однако этот случай оставался наиболее важным в исследованиях гендерной идентичности.

С помощью BBC Даймонд, в конце концов, вышел на след Дэвида и с его согласия написал статью,[48] содержавшую доказательства того, что Дэвид не воспринял навязанную ему гендерную роль. Из-за противодействия сохранившего свое влияние Мани Даймонду потребовалось два года, чтобы добиться опубликования своей сенсационной статьи. Многие из прочитавших ее людей были огорчены приведенными фактами и выводами и не хотели им верить. В этой статье Даймонд не оставил и камня на камне от многих аргументов Мани. Он утверждал, что люди не являются при рождении психологически и гендерно нейтральными и что психологическое и половое развитие не определяется типом гениталий или воспитанием, т. е. невозможно, изменив гениталии и воспитание ребенка, рассчитывать, что он успешно адаптируется к выбранной для него гендерной роли. Как сказал сам Дэвид: «Если женщина лишится грудей, то разве вы сможете сделать из нее мужчину?»

Даймон ссылается и на другие работы, в которых содержатся исследования неврологической базы гендерного поведения.[49] В них утверждается, что наиболее важным

---

[48] Diamond and Sigmundson. Sex reassignment at birth.

[49] Le Vay S. A difference in the hypothalamic structure between heterosexual and homosexual men // *Science* . 1991. Vol. 253. P. 1034-1037.

органом для определения гендерной идентичности является мозг, а не гениталии. Имеются и другие отчеты об исследованиях специальных случаев, в которых сообщается о мальчиках с «микропенисами», никогда не сомневавшихся в необходимости исполнения именно мужской роли,[50] и о девочке, у которой после того, как она объявила себя мальчиком в возрасте четырнадцати лет, были обнаружены мужские хромосомы.[51] Быстро усиливающая свое влияние группа под названием Интерсексуальное общество Северной Америки (ISNA), насчитывающая в своих рядах свыше четырехсот индивидов с признаками интерсексуальности, также требует запрета на операции по изменению пола у новорожденных. Члены ISNA продолжают требовать этого запрета, несмотря на то, что он причиняет им дополнительное страдание: ведь поддерживая этот запрет, они, фактически, критикуют родительские решения, принятые много лет тому назад.

Даймонд заявил о том, что ему не известен случай, когда мужчина с мужскими хромосомами «с легкостью и в полном объеме принимал бы навязываемую ему женскую роль — невзирая на физическое и медицинское вмешательство извне». Он утверждает, что мальчики с нормальным набором хромосом должны воспитываться как мужчины и что хирургическое вмешательство должно согласовываться с этим решением, несмотря на повышенную сложность операций такого типа. Немедленное хирургическое вмешательство и изменение мужского пола на женский может показаться более благоприятным и более простым решением, но вряд ли оно будет восприниматься таким в долгосрочной перспективе. Несмотря на эти аргументы, многие идеи Мани по-прежнему находят последователей, а операции по изменению пола при рождении проводятся и по сей день.

Позднее Мани опубликовал статью с подробным объяснением причин, по которым случай Дэвида не следует трактовать как свидетельство несостоятельности теории гендерной нейтральности. Вопреки прежним заявлениям о том, что случай Дэвида послужил классической проверкой этой теории, теперь Мани стал утверждать, что специфика данного случая не позволяет делать из него какие-то общие выводы. Первоначально считалось, что если ребенок, рожденный мальчиком, может успешно воспитываться как девочка, то это будет подтверждением правильности теории. Теперь же Мани заявляет, что поскольку Дэвид был рожден нормальным мальчиком, то его случай не имеет отношения к тысячам интерсексуальных детей, ежегодно появляющихся на свет.

По некоторым оценкам, в мире каждый год делается около 1000 операций по изменению пола интерсексуальных индивидов. Даймонд критикует эти операции и заявляет об отсутствии свидетельств в поддержку подобного курса действий. Он предлагает использовать консервативный подход, согласно которому выбор пола должен осуществляться в соответствии с набором хромосом каждого индивида, и доказывает, что хирургическое вмешательство следует откладывать до тех пор, пока не станут ясными гендерные предпочтения ребенка. Пол ребенка следует выбирать при рождении, но никаких операций не нужно делать до тех пор, пока четко не определится гендерная идентичность. Однако Мани утверждает, что ребенок не может оставаться существом без определенного пола до тех пор, пока ясно не проявится его гендерная идентичность, и что четкое задание пола при рождении является более предпочтительным.

Действительно, многие родители по-прежнему отдают предпочтение гендерному переопределению и дают согласие на оперирование ребенка вскоре после его рождения. По-видимому, они считают, что создадут своему ребенку огромные трудности, если оставят его

См. также: Swaab D. F., Fliers E. A sexually dimorphic nucleus in the human brain // *Science* . 1985. Vol. 228. P. 1112-1115.

[50] Reily J. M., Woodhouse C. R. Small penis and the male sexual role // *J. Urol* . 1989. Vol. 142. P. 569-572.

[51] Reiner W. G. Case study: sex reassignment in a teenage girl // *J. Amer. Academy of Child and Adolescent Psychiat* . 1996. Vol. 35. P. 799-803.

с неотчетливыми гениталиями. Их поддерживает Мани, утверждающий, что следовать советам Даймонда — значит калечить жизни огромному числу интерсексуальных детей, нанося им глубокие психологические травмы в первые годы после рождения.

Однако в последнее время появляется все больше сторонников консервативного подхода к интерсексуальным детям, и почти не возникает сомнений в том, что если бы Брюс лишился пениса сегодня, то его стали бы воспитывать как мальчика. Тем не менее, хотя ученые продолжают спорить о наилучшем способе действий, короткая жизнь Дэвида Реймера, ставшая в психологии «классическим случаем», служит нам горьким напоминанием о важности таких дискуссий.

Человек, живший с дырой в голове: история Финеаса Гейджа

Финеас Гейдж работал в 1840-х годах железнодорожным мастером в штате Вермонт. Он отвечал за проведение взрывных работ, необходимых для расчистки места для укладки рельсов. Однажды он допустил роковую ошибку, и метровый железный штырь, который он использовал для проталкивания в шурфы взрывчатки, в результате случайного взрыва пролетел по воздуху около девяти метров. К несчастью, во время этого полета он пробил Гейджу щеку и вышел наружу в районе темени. Удивительно, но Гейдж выжил и сумел рассказать людям о случившемся, хотя и от другого лица — что стало следствием полученной травмы. Благодаря этому происшествию его имя вошло во все учебники, посвященные объяснению деятельности мозга человека, а сам Гейдж стал называться «человеком, жившим с дырой в голове».

Самый везучий из всех людей

Тринадцатого сентября 1848 года Финеас Гейдж[52] отправился на работу как обычно, не подозревая, что в конце дня его будут считать самым везучим человеком на свете. Его работа заключалась в том, чтобы руководить бригадой дорожных рабочих, занимавшихся пробивкой туннеля в скале для строящейся железнодорожной линии. Он был исключительно хорошим работником, старательным и аккуратным, пользовался уважением у своих товарищей. Гейдж лично отвечал за укладку в шурфы взрывчатого вещества. Это была опасная работа, но хорошо подходила Гейджу с учетом его методичности и скрупулезности. Процедура укладки взрывчатки всегда была одинаковой: сначала порох насыпали в отверстие, просверленное в скале; Финеас его тщательно разравнивал, после чего помощник устанавливал запал и забивал отверстие песком. Затем Финеас использовал свой метровый металлический штырь для трамбовки песка, чтобы песок стал своего рода затычкой в шурфе и направлял силу взрыва вниз для разрушения скальной породы. Финеас был признанным виртуозом работы с трамбовочным штырем, который был сделан по индивидуальному заказу местным кузнецом. Никто толком не знал, кто же действительно был виноват в случившемся, но Финеас начал утрамбовывать взрывчатку прежде, чем его помощник засыпал в шурф песок. Вероятнее всего, искра, образовавшаяся при ударе металлического штыря о гранит, вызвала взрыв, в результате которого штырь как пуля вылетел из шурфа и пробил Финеасу голову.

Металлический штырь, перепачканный кровью и частичками мозга Финеаса, приземлился примерно в девяти метрах от места взрыва. Он вошел в голову под левой скулой и через доли секунды вышел посередине лба чуть выше линии волосяного покрова. Товарищи бросились к пострадавшему, думая, что он мертв. Невероятно, но Финеас продолжал сидеть у шурфа, а кровь струилась из его открытой раны. Он был в полном сознании и немедленно начал рассказывать о произошедшем инциденте. Его посадили на

---

[52] Наиболее полное исследование жизни Финеаса Гейджа содержится в: Macmillan M. *An Old Kind of Fame: Stories of Fineas Gage* . Cambridge, MA: MIT Press, 2002. Не столь подробный, но не менее интересный отчет об этом случае см. в: Fleishman J. *Phineas Gage* . Boston: Houghton Mifflin Co, 2002.

повозку и отвезли в ближайший город, находившийся примерно в миле от места взрыва, чтобы показать местному врачу. Когда через полчаса появился доктор Харлоу (Harlow), Финеас, сидя на крыльце гостиницы, куда его доставили товарищи, отпускал шутки по поводу тяжести полученных им повреждений. Хотя Финеас и страдал от боли, его положение облегчалось тем, что болевые рецепторы имеются только на внешней поверхности черепа и отсутствуют в мозге.

Повреждения у Финеаса и конфликт точек зрения

Доктор Харлоу, увидев рану Финеаса, не мог поверить своим глазам. Его врачебный опыт мало чем мог помочь в такой ситуации, поэтому он просто обрил Финеасу голову, удалил осколки костей и зафиксировал на исходных местах сместившиеся части черепа. Затем он продезинфицировал кожу на черепе и наложил тугую повязку. Он не стал зашивать отверстие на щеке у Финеаса, чтобы рана могла просохнуть. Врач почти не сомневался в том, что через несколько часов Финеас умрет. Местный гробовщик пришел снять мерку с Финеаса, чтобы сделать для него гроб. Но в течение первых нескольких дней после ранения Финеас чувствовал себя на удивление хорошо и оставался бодрым и разговорчивым. Однако от его раны вскоре стал исходить ужасный запах, потому что в нее попала инфекция, и от мозга Финеаса стала разрастаться плесень. В эти дни врачи много спорили о том, что следует делать в таких случаях: одни считали, что плесень может быть частью восстанавливающегося мозга и что ее необходимо затолкнуть внутрь черепа; другие же настаивали на необходимости ее удаления. Доктор Харлоу позволял плесени разрастаться до тех пор, пока один из его друзей не указал ему на то, что плесень, разрастающаяся из головы больного, наверняка не способствует выздоровлению! Огорченный отсутствием необходимых знаний, доктор Харлоу согласился с правильностью этого замечания и удалил плесень.

У Финеаса поднялась температура, и он начал бредить. Его глаза начали гноиться. В то время врачи ничего не знали о бактериальной инфекции, но прогнозы были неутешительными. Доктор Харлоу использовал метод кровопускания (в то время врачи ошибочно полагали, что пациенты страдают от того, что в их организме имеется «слишком много крови»). К счастью для Финеаса, этот метод действительно ему серьезно помог, поскольку снизил кровяное давление, что повлияло на ослабление давления на его распухший мозг. Наличие в его голове «дыры» означало, что у него была «открытая черепная рана», позволявшая его распухшему мозгу расширяться. Ко всеобщему удивлению, менее чем через месяц после несчастного случая Финеас начал поправляться, и через десять недель было объявлено, что он полностью выздоровел. Он перестал видеть на левый глаз, но в остальном его физическое состояние пришло в норму. Однако психическое состояние, в отличие от физического, не восстановилось.

«Больше не Гейдж»

Доктор Харлоу сообщал, что Финеас мог выполнять все задания, которые он выполнял до несчастного случая, хотя при этом и наблюдались какие-то странности. У доктора Харлоу стало вызывать беспокойство психическое состояние его пациента. Через шесть месяцев после травмы Финеас вернулся к работодателям, чтобы устроиться на прежнее место работы. Его физические способности, по-видимому, восстановились, его речь была правильной, а память осталась неповрежденной. Хотя во многих отчетах утверждалось, что Финеас полностью восстановился физически, все же имелись сообщения о его физической неполноценности. Однако намного более заметным было изменение характера Финеаса: он стал нетерпеливым, агрессивным и грубым; он начал использовать непристойные выражения и постоянно менял свои планы. Он не терпел никаких возражений и легко шел на неоправданный риск. В таком состоянии он не мог внушать доверия, а его врач и друзья говорили о нем, что он «больше не Гейдж». Никакие увещевания или разумные доводы не могли заставить его вести себя иначе; по-видимому, он не мог изменить свое агрессивное и непредсказуемое поведение, даже несмотря на то, что оно неблагоприятно отражалось на его жизни. После окончания испытательного срока работодателям не оставалось ничего другого,

как отказаться от услуг Финеаса.

Тем временем его случай привлек внимание других медиков, в частности доктора Байджелоу (Bigelow) из Гарвардского университета в Бостоне, штат Массачусетс. Байджелоу пригласил Финеаса приехать в Гарвард для прохождения тщательного обследования. В то время не существовало каких-либо выработанных способов исследования мозга, и врачи еще только пытались выяснить, как он работает. Случай, подобный произошедшему с Финеасом, и был одной из возможностей для исследования работы мозга. В те дни существовали две основные научные школы, имевшие собственные взгляды на работу мозга. Одни ученые, подобно доктору Байджелоу, считали, что мышлением и поведением человека управляет весь мозг в целом и что повреждение одной части мозга приведет к тому, что другие части мозга попытаются компенсировать ослабление ее возможностей.

Представители конкурирующей школы придерживались концепции так называемой локализации функции мозга (с ней был согласен и доктор Харлоу). Эта концепция предполагала, что конкретные области мозга имеют конкретные функции и что повреждение одной области приводит к нарушению соответствующих мыслительных или поведенческих функций. Зарождавшаяся в те годы «наука» френология поддерживала эту точку зрения и пыталась дать ее наглядное отображение с помощью френологических моделей черепов. (Френологическую парадигму широко использовали в XIX веке для объяснения работы мозга. Функции каждого отдела мозга определяли путем изучения внешних характеристик черепа. Выпуклости и углубления на черепе ассоциировали с особенностями характера его обладателя и, таким образом, рисовалась «ментальная карта» мозга. Френологическая концепция особенно нравилась женщинам: так как между черепами мужчин и женщин невозможно было обнаружить принципиальных различий, то этот факт помогал женщинам в их борьбе за равноправие с мужчинами.)

Сторонники обеих школ проявляли понятный интерес ко всем случаям, подобным случаю Финеаса Гейджа. Врачам не так часто предоставлялась возможность изучить последствия такого серьезного повреждения лобных долей головного мозга. Практически во всех случаях люди, получавшие подобные травмы, умирали. Как часто бывает в спорах между научными школами, случай Гейджа стал трактоваться сторонниками каждой из школ как подтверждающий правильность именно их воззрений. С одной стороны, утверждалось, что другие области мозга Финеаса взяли на себя функции поврежденных областей, так как в противном случае пострадавший или умер бы, или испытывал бы более глубокие последствия своей травмы и, вероятно, не мог бы правильно рассуждать, контролировать свои движения, разговаривать и т. д. Случай Гейджа приводился и в поддержку идеи о том, что мозг является целостным комплексным органом, работающим как единый механизм, и что он обладает врожденной гибкостью, позволяющей неповрежденным областям выполнять функции поврежденных. Доктор Байджелоу верил в правильность этих представлений и, возможно, сознательно недооценивал характер изменений, произошедших с Гейджем после несчастного случая, чтобы подкрепить свою точку зрения.

Отдавая себе отчет в необходимости неразглашения конфиденциальной информации о пациенте, доктор Харлоу все же рассказал нескольким надежным коллегам о том, что Финеас стал не таким, каким был прежде. Это было воспринято как доказательство того, что поврежденные области мозга отвечали за конкретные мыслительные и поведенческие функции, которые теперь были, по-видимому, утрачены. Их утрата проявлялась, главным образом, в ухудшении способностей к планированию и логическому рассуждению и в общем растормаживании чувств к другим людям, которое проявлялось в отсутствии уважения и использовании грубых выражений. Совершенно случайно френологическая модель располагала области «благожелательности» и «приятности» практически именно в том месте, которое было повреждено у Финеаса. Таким образом, френологи и те, кто верил в локализацию функций мозга, также стали рассматривать случай Гейджа как подтверждающий правильность их воззрений. Поскольку Харлоу публично рассказал об изменениях в характере Гейджа только через много лет после его смерти, то подготовленный

Байджелоу отчет об этом случае считался наиболее достоверным, хотя в нем и утверждалось, что несчастный случай практически не оказал влияния на Гейджа.

Любопытная особенность этой истории состоит в том, что одна и та же информация может использоваться для подтверждения правильности идей обеих конкурирующих научных школ. Однако, оценивая прошлое с учетом современных знаний, представляется неудивительным, что обе группы использовали случай Гейджа для подкрепления своих идей, и каждая из них была по-своему права. Теперь мы знаем, что мозг является исключительно сложным взаимосвязанным органом, который содержит 100 млрд нейронов, но при этом не работает как единое целое. Возможно, более правильным будет представить себе отдельные цепочки, совместно работающие в нашем мозгу, но одновременно выполняющие свои конкретные функции. Даже функции, локализованные в конкретных частях мозга (например, функции узнавания лиц или припоминания имен), взаимосвязаны с другими областями. По сути, мозг может считаться состоящим и из автономных, и из взаимосвязанных областей. Единственное, что мы можем утверждать с абсолютной точностью, так это то, что френология является лженаукой.

«Единственный из людей, живущий с дырой в голове»

Доктор Байджелоу назвал случай Гейджа «наиболее замечательной из всех известных историй о повреждении человеческого мозга». С черепа Гейджа был сделан гипсовый слепок, который до сих пор хранится на медицинском факультете Гарвардского университета. После нескольких недель пребывания в Гарварде, где он приковал к себе внимание местного медицинского сообщества, Финеас отправился домой. Нет единого мнения по поводу того, как протекала его дальнейшая жизнь. Возможно, он начал разъезжать по крупным городам Новой Англии, рассказывая свою историю и показывая свой череп и знаменитый железный штырь любопытным людям, которые были готовы платить за это деньги. Но имеются и другие сведения. Долгое время считалось, что он работал живым экспонатом в Американском музее Барнума на Бродвее. Рассказывают, что он держал в руках свой трамбовочный железный штырь и слепок с черепа с просверленным отверстием. С их помощью он показывал посетителям, какую травму головы он получил. Его называли «единственным из людей, живущим с дырой в голове», а на некоторых афишах он изображался с железным штырем, торчащим из головы! Несмотря на известность этой истории, имеется мало свидетельств, подтверждающих ее правдивость, а ведь если бы она была реальной, то наверняка бы нашла отражение во многих документах. Действительно, вряд ли Финеас стал бы звездой такого паноптикума, в котором показывались орангутанги, бородатые женщины и «русалки».

Более правдоподобным выглядит утверждение, что Финеас в последующие девять лет занимался выполнением разных работ, преимущественно имевших отношение к лошадям. Сначала он служил в конюшне по прокату лошадей, а затем, по-видимому, провел несколько лет в Чили, работая кучером дилижанса. В 1859 году он вернулся к своей матери в Сан-Франциско, где занимался выполнением различных сельскохозяйственных работ. Но ни на одной работе он не задерживался подолгу, так как постоянно имел проблемы в отношениях с людьми. Финеас начал страдать эпилептическими припадками, частота и острота которых постепенно увеличивались. Врачи не знали причины этих припадков, но вполне вероятно, что частично они были вызваны полученной им травмой головы. Наконец, 21 мая 1860 года Финеас Гейдж умер.

Он был похоронен без лишней шумихи на небольшом кладбище в Сан-Франциско, и с тех пор никто не слышал о нем ничего нового, кроме того факта, что в 1866 году доктор Харлоу попытался выяснить кое-какие подробности жизни своего самого известного пациента. Харлоу удалось разыскать мать Финеаса, которая, в конце концов, дала согласие на эксгумацию тела сына и на передачу его черепа в дар медицинскому факультету Гарвардского университета. Из гроба Финеаса извлекли и еще один необычный предмет — трамбовочный штырь.

Получив череп Финеаса и не заботясь больше о сохранении конфиденциальной

информации, доктор Харлоу опубликовал описание случая Финеаса Гейджа. Он утверждал, что травма изменила характер Гейджа, что он много страдал от ухудшения навыков общения. Харлоу мог продемонстрировать, что через одиннадцать лет после несчастного случая череп его пациента полностью не восстановился и что Финеас все это время фактически жил с дырой в голове. Доктору Харлоу следует отдать должное за то, что он вернул известность случаю Финеаса и не позволил ему покрыться пылью забвения в анналах истории медицины.

Более поздние исследования

Подобные человеческие черепа, пробитые стрелами или подвергшиеся операции трепанации, можно увидеть в Естественнонаучном музее в Лондоне. Тренанация черепа является самой древней из известных нам операций на головном мозге. В давние времена она предусматривала просверливание отверстия в черепе пациента в расчете на то, что через него удастся изгнать злых духов или демонов. Эта операция может рассматриваться как одна из древнейших форм психохирургии. Трепанация способна помочь избавиться от жестоких головных болей, вызванных повышенным внутричерепным давлением, и в таких случаях может оказаться полезным методом лечения.

Через год после смерти Гейджа ученый по имени Поль Брока (Paul Broca) сделал важный шаг вперед в понимании функции мозга благодаря исследованию одного из своих пациентов по имени Леборнье (Leborgne), страдавшего от инсульта. Леборнье мог понимать речь, но сам мог произносить всего одно слово «tan» (именно так обычно называли этого пациента в больнице). После смерти Леборнье было установлено, что у него была особенно сильно повреждена небольшая область мозга в нижней части левой лобной доли. Подобное повреждение наблюдалось и у других парализованных пациентов, и эта область мозга получила название области Брока, или «центра речи». В 1874 году Карл Вернике (Carl Wernike) обнаружил другую область мозга, имеющую ключевое значение для понимания языка. Люди, у которых наблюдается нейрофизиологическое повреждение этой области (известной теперь как область Вернике), не способны понимать конкретный смысл или содержание обращенной к ним речи и не могут произносить осмысленных фраз; в результате, их речь структурируется грамматически, но не имеет смысла. С учетом этих открытий представляется удивительным, что Финеас не страдал никакими речевыми или языковыми нарушениями, несмотря на природу его травмы.

Разумеется, при существовавшем в те годы состоянии науки о мозге невозможно было в точности определить, какое повреждение получил Финеас. Однако после этого несчастного случая было проведено не менее двенадцати исследований с целью выяснения точной траектории прохождения железного штыря через его голову. Возможно, самое последнее из них предоставляет наиболее точную информацию. Оно было проведено в 1994 году Ханной Дамасио (Hanna Damasio) и ее командой. Исследование предусматривало изучение черепа Гейджа с использованием методов трехмерного компьютерного моделирования. Зная точки входа и выхода штыря из головы Гейджа, они рассчитали возможные траектории его движения и пришли к выводу о том, что одна из траекторий является наиболее вероятной. Они даже попытались учесть те незначительные особенности, которыми обладает мозг каждого индивида. Однако, даже имея точно рассчитанную траекторию, нельзя было с полной уверенностью сказать, какие области мозга были повреждены на самом деле. Дамасио и ее команда сравнили череп Гейджа с тремя десятками нормальных черепов и идентифицировали семь типов мозга, которые практически идеально соответствовали анатомическим параметрам черепа Гейджа. Затем они промоделировали движение металлического штыря через каждый из этих семи типов и обнаружили, что поврежденные области мозга были во всех этих семи случаях одинаковыми. Таким образом, они могли быть уверены в том, что установили и наиболее вероятную траекторию, и области мозга, поврежденные в результате несчастного случая. Они определили поврежденные части мозга как «передняя половина глазничной лобной коры мозга... полярная и медиальная глазничная

лобная кора и самый передний сектор передней краевой извилины».[53] Однако даже здесь имеются проблемы, поскольку мы не можем знать наверняка, в какой степени повреждение было вызвано сотрясением мозга в момент удара, а в какой — занесенной инфекцией; само по себе изучение черепа не позволяет получить ответы на эти вопросы. Кроме того, даже если мы и решим, что в точности знаем все детали повреждения его мозга, мы все равно не сможем с уверенностью сказать, какой эффект это повреждение оказало на личность или поведение Гейджа, ведь он никогда не проходил комплексного обследования. В те дни еще не было систематизированных методов оценки нейропсихологического состояния пациентов.

Постскриптум

Случай Гейджа является не просто любопытным медицинским казусом, — полученная им травма изменила наше представление о локализации функций мозга, особенно в области передней подкорки. Этот случай внес важный вклад в развитие нейрохирургии, поскольку помог понять, что серьезные хирургические вмешательства в работу мозга можно осуществлять без фатальных последствий. Важность случая Финеаса Гейджа подтверждается и тем фактом, что о нем по-прежнему упоминается в 60% всех учебников по основам психологии.

Хотя науке известны и не менее важные случаи, все же история Финеаса Гейджа и его травмы остается наиболее известным примером того, как человек сумел выжить после серьезнейшего повреждения головного мозга. По этой причине не будет преувеличением сказать, что с того рокового сентябрьского дня 1848 года Гейдж стал считаться самым удачливым из всех людей. В оставшиеся одиннадцать лет своей жизни он часто называл себя «человеком, живущим с дырой в голове», и именно так его, вероятно, будут называть в научной литературе и дальше.

Мужчина, которого сексуально возбуждали детские коляски и дамские сумочки

Этот случай имеет отношение к женатому мужчине, страдавшему необычным половым извращением: его сексуально возбуждали детские коляски и дамские сумочки. Это извращение стало настолько заметным, что самого мужчину несколько раз арестовывали за непристойное поведение и штрафовали за порчу возбуждавших его предметов. В качестве наиболее подходящего лечения было предложено провести операцию фронтальной лейкотомии. Однако прежде чем проводить такую радикальную операцию, имеющую необратимые последствия, врачи решили попытаться излечить пациента с помощью специальной формы аверсивной терапии, которая является разновидностью «промывания мозгов» и которая была описана в романе Энтони Берджеса «Заводной апельсин»[54] *(позднее по этому роману был снят одноименный фильм).*

Проблема

Этот случай является менее известным[55] по сравнению с остальными случаями, описанными в этой книге, но многие сочли бы его наиболее любопытным из-за необычности сексуальных фетишей. Пациент — тридцатитрехлетний женатый мужчина — состоял на амбулаторном учете в психиатрической больнице. Было решено провести ему префронтальную лейкотомию — нейрохирургическую операцию, предусматривающую

---

[53] Damasio H., Grabowski T., Frank R., et al. The return of Phineas Gage; clues about the brain from the skull of a famous patient // *Science* . 1994. Vol. 264. P. 1102-1105.

[54] Burgess A. *A Clockwork Orange* . Harmondsworth: Penguin, 1962.

[55] «The case of prams and handbags» в Eysenck H. J. *Facts and Fiction in Psychology* . Harmondsworth: Penguin, 1965.

удаление нервных трактов лобных долей головного мозга. Такая операция позволяет избавить пациента от серьезных психических или поведенческих проблем, но часто приводит к заметным когнитивным и/или личностным изменениям. В истории психохирургии (ведущей свой отсчет с 1935 года) префронтальную лейкотомию проводили таким пациентам, в психотическом состоянии которых любое изменение могло бы рассматриваться как изменение к лучшему. В настоящее время подобные операции уже не проводят.

Проблема пациента заключалась в наличии у него полового влечения к детским колясками и дамским сумочкам. Такое странное поведение началось у него, по-видимому, еще в десятилетнем возрасте, когда у него стало появляться желание портить именно эти предметы. Иногда он их просто царапал ногтями, но случались и более серьезные повреждения. Однажды он испачкал машинным маслом коляску, которую везла молодая женщина. Несколько раз он ломал коляски, а две пустые коляски, увиденные им на железнодорожной станции, он изрезал ножом и поджог. Один раз он намеренно направил свой мотоцикл на коляску, в которой находился маленький ребенок; к счастью, в последний момент он повернул руль в сторону и избежал наезда. Ему также нравилось ездить по лужам и обдавать грязью людей, кативших коляски по тротуару. За эти действия он был задержан полицией и признан виновным в неосторожной езде. Затем полиция зарегистрировала еще двенадцать подобных случаев, и пациент вновь был оштрафован за неосторожное и невнимательное вождение мотоцикла. Сам он признался еще в пяти нападениях, закончившихся повреждением или уничтожением колясок, и был признан виновным в сознательной порче чужого имущества.

В истории болезни пациента было отражено, что он в течение нескольких лет подвергался психиатрическому лечению. Что касается сумочек, то он обычно ограничивался нанесением царапин ногтем большого пальца, но поскольку делать это можно было незаметно, то за подобный проступок он попал в полицию всего один раз. Вместо того, чтобы посадить его в тюрьму, его отправили на обследование в психиатрическую больницу, где поместили в отделение неврозов. Местные психиатры решили, что ему не подойдет никакая психотерапия, что он потенциально опасен для общества и что по этой причине он должен находиться в психиатрической больнице. Однако через какое-то время его отпустили домой, после чего он снова продолжил свою охоту на детские коляски.

Пациента подвергли многочасовому лечению методом психоанализа в надежде выяснить причины его странного поведения. Во время этих сеансов возникло предположение, что его поведение могло быть вызвано событием, случившимся с ним в детстве, когда он играл с игрушечной яхтой на озере. Он нес в руках свою яхту, случайно натолкнулся на детскую коляску и «был поражен женским ужасом» матери ребенка, находившегося в коляске. В другом инциденте, о котором он сообщил, он испытал сексуальное возбуждение при виде сумочки своей сестры. Пациент признавал важность этих событий и приписывал символический сексуальный смысл и сумочкам, и колясками. Возможно, в соответствии с фрейдистской терминологией, оба этих «контейнера», обычно используемых женщинами, олицетворяли либо влечение к матери, либо, в более широком смысле, женские гениталии.

Очевидно, что в этом случае имелось несколько сложных проблем, требовавших решения. Если бы не было опасности для детей или риска повреждения колясок, то тогда можно было бы позволить пациенту и дальше увлекаться такими причудливыми фетишами; если бы он не причинял никакого вреда окружающим, то лечение не было бы безусловно необходимым до тех пор, пока он не почувствовал бы сам, что его фетиши оказывают серьезный негативный эффект на его жизнь. Действительно, пациент был женат и имел двух детей, а его жена называла его хорошим мужем и отцом. Однако иногда он подвергал порче коляски своих собственных детей и сумочки своей жены, и поэтому супруга хорошо знала о его проблемах.

Возможное решение

Так что же могли предложить такому пациенту психологи? Хотя главный интерес для

него представляли коляски и сумочки, пациент все же беспокоился о том, что он может нанести травму ребенку, находящемуся в коляске. Он еще раз был помещен в психиатрическую больницу, где провел восемнадцать месяцев, но, вернувшись домой, не прекратил своего странного поведения. После очередного задержания полицией он снова был выпущен на свободу с условием, что ему подберут подходящий метод лечения. Именно на этом этапе стал рассматриваться вопрос о психохирургическом вмешательстве. Однако, прежде чем осуществлять столь суровое лечение, имеющее необратимые последствия, психологи заявили, что пациент мог бы быть подходящим объектом для проведения аверсивной терапии, которая является разновидностью поведенческой терапии. Вольпе (Wolpe) (1958) определил поведенческую терапию как «использование экспериментально установленных законов научения в целях изменения неадаптивного поведения».[56] Аверсивная терапия ослабляет нежелательное поведение за счет объединения его с нежелательными, или аверсивными, стимулами (раздражителями, вызывающими отрицательную реакцию). Обычно такими стимулами бывают тошнота, вызываемая действием лекарств, или боль, вызываемая электрошоком. За счет возникновения подобных условных реакций аверсивные стимулы начинают ассоциироваться с нежелательным поведением, в результате чего последнее подавляется. Еще в недалеком прошлом аверсивную терапию использовали для подавления различных типов поведения, считавшихся нежелательными (включая и гомосексуализм).

Цель лечения в данном конкретном случае состояла в том, чтобы попытаться изменить отношение пациента к сумочкам и коляскам с помощью методов формирования условных рефлексов. Для этого предполагалось научить пациента ассоциировать сумочки и коляски с неприятными ощущениями вместо приятных эротических переживаний. Первоначально пациент скептически отнесся к предложенному лечению, но затем заявил, что он готов попробовать любой метод (к тому времени он начал замечать, что его начала сексуально возбуждать даже реклама колясок и сумочек в газетах и журналах).

Принципы аверсивной терапии основываются на классической теории условных рефлексов, созданной русским физиологом Иваном Павловым (1849-1936). Изучая систему пищеварения у собак. Павлов заметил, что собаки начинают выделять слюну просто при виде человека, который их кормит. Он назвал выделение слюны у собак в ответ на реальный вкус и запах мяса безусловным рефлексом, так как его возникновение происходит естественным путем без предварительного научения (поэтому мясо называлось безусловным раздражителем, или стимулом). Павлов понял, что самое нейтральное действие, такое как звон колокольчика, может ассоциироваться с появлением пищи и таким образом вызывать условный рефлекс (в ответ на условный стимул). Этот процесс показан на рис. 11.1.

В ходе дальнейших исследований Павлов установил, что для закрепления условного рефлекса его необходимо периодически подкреплять безусловными стимулами, иначе усвоенные ассоциации будут забыты (это забывание иногда называется торможением). Формирование условного рефлекса можно применять и к человеческому поведению, вызывая такие сложные явления, как эмоциональная реакция индивида на конкретную мелодию или запах на основе прошлого опыта, с которым они ассоциируются. Классическое формирование условного рефлекса (называемое также павловским, или ассоциативным, научением) является, кроме того, и основой для многих типов страхов или фобий, которые могут возникать в результате процесса, называемого генерализация стимулов (например, у ребенка, имеющего негативный опыт с конкретной собакой, может выработаться страх перед всеми собаками — см. гл. 13). На основе принципов классического формирования условных рефлексов были разработаны многие методы терапии, одним из которых является метод аверсивной терапии — «превращение» приятного в настоящий момент стимула в неприятный.

---

[56] Wolpe J. *Psychoterapy by Reciprocal Inhibition* . Stanford, Conn: Stanford University Press, 1958.

Лечение с помощью выработки условного рефлекса, предложенное в данном случае, предусматривало инъекции препарата апоморфина, вызывающего тошноту. Вскоре после введения этого препарата, когда пациент начинал испытывать тошноту, ему показывали коляски и сумочки. Таким образом, эти предметы представляли собой условные (усвоенные) стимулы, а тошнота являлась неприятной ответной реакцией, с которой должен был ассоциироваться условный стимул. Режим лечения был интенсивным. Препарат вводился каждые два часа, днем и ночью, при этом пациенту не разрешалось принимать никакой пищи. В ночное время, для того чтобы пациент не засыпал, ему давали препарат амфетамин. Через неделю лечение было приостановлено, и пациента отпустили домой. Через восемь дней он вновь вернулся в больницу для продолжения лечения и сообщил врачам, что смог вступать в интимные отношения с женой, не вспоминая о своих старых фантазиях, имеющих отношение к коляскам и сумочкам. Его жена также заметила явные изменения к лучшему в поведении своего мужа. Несмотря на улучшения, лечение продолжили, но теперь, поскольку действие апоморфина стало ослабевать, было решено использовать другой препарат, также вызывающий тошноту. Через пять дней пациент сообщил, что его начинало тошнить от одного вида колясок и сумочек. Затем его принудительно уложили в кровать и стали давать ему играть сумочками и колясками, в то время как лечение продолжалось с нерегулярной частотой. Вечером на девятый день пациент стал умолять медсестер забрать у него коляски и сумочки, но ему было отказано. Однако через несколько часов, когда пациент начал непрерывно кричать, врачи забрали раздражающие предметы, дали ему стакан молока и успокаивающее лекарство. На следующий день пациент достал из бумажника несколько фотографий детских колясок и отдал их врачу, сказав, что он носил их с собой в течение года и что теперь он в них больше не нуждается.

Пациент вышел из больницы, но продолжал наблюдаться в ней амбулаторно. Через шесть месяцев врачи решили назначить ему более действенный курс лечения. Пациент согласился на него крайне неохотно. Психологи сняли фильм о женщинах, которые несли сумочки или катили перед собой коляски в той «возбуждающей и провоцирующей манере», о которой он рассказывал раньше. Перед показом фильма пациенту вводили рвотное и давали в руки несколько дамских сумочек. После этого курса аверсивной терапии никакого лечения больше не проводилось. Айзенк (Eysenck)[57] сообщал, что в дальнейшем пациента наблюдали врачи в течение нескольких лет, и он демонстрировал явный прогресс. Сумочки и коляски больше не вызывали у него сексуальных фантазий. Жена перестала опасаться, что муж попадет в полицию, и рассказала, что в сфере интимных отношений у них произошли заметные улучшения. Закрепленный за ним социальный работник также отмечал явное улучшение поведения. Пациент больше ни разу не попадал в полицию и даже получил повышение на работе. Айзенк сообщает, что лечение принесло огромную пользу пациенту, его жене, семье и обществу в целом.

Проблемы лечения

Сам этот случай и использование аверсивной терапии в целом порождает несколько серьезных проблем, требующих пристального рассмотрения. Первая проблема связана с выбранными методами лечения пациента. Утверждается, что аверсивная терапия является не слишком разумной и гуманной формой лечения, а используемые подходы часто кажутся механистическими. Многие, включая и психологов, считают лечение людей подобными методами отвратительным; такое лечение сопряжено с неприятными ощущениями и чувством дискомфорта. Многие считают его одной из форм «промывания мозгов» — унизительным процессом, при использовании которого человеческие существа рассматриваются просто как «вместилища» условных рефлексов. Кроме того, утверждается, что применение аверсивной терапии принижает ценность человеческой личности, поскольку предполагает, что у всех людей научение происходит одинаково, и поэтому всех их можно

---

[57] Eysenck. *Facts and Fiction* .

лечить с помощью одного и того же метода. Однако Айзенк настаивает на том, что в любом случае необходимо рассматривать альтернативы аверсивной терапии.

Первая альтернатива заключается в использовании какой-то другой формы психотерапии — например, психоанализа. Однако имеются свидетельства того (о которых сообщает и сам Айзенк), что эта форма «разговорного» лечения не приносит никаких реальных выгод. Действительно, Айзенк даже сообщает о том, что психоанализ по Фрейду может вызывать неблагоприятный эффект. Разумеется, пациента можно просто оставить в покое в расчете на то, что через какое-то время ему станет лучше (такой эффект называется спонтанной ремиссией), но обычно оказывается, что нарушения такого типа редко излечиваются сами по себе. К тому же, в данном случае пациент уже проходил различные курсы психиатрического лечения до того, как ему назначили аверсивную терапию, но без каких-то видимых улучшений. Айзенк утверждает, что успех какой-то другой формы разговорной терапии представляется здесь маловероятным.

Альтернатива может предусматривать тюремное заключение пациента на длительный срок. Оно послужило бы наказанием за его действия, но имеется мало доказательств того, что такая форма наказания оказывает долгосрочное позитивное влияние на будущие действия осужденного, особенно если он страдает половыми извращениями. Действительно, некоторые специалисты считают, что тюрьма просто заставляет таких людей тщательнее скрывать свои действия в будущем.

Разумеется, еще одна альтернатива будет состоять в том, чтобы выпустить пациента на свободу или взять его на поруки. Ведь, в конце концов, многие его действия были сравнительно безопасными и часто ограничивались нанесением царапин на стенки колясок ногтем большого пальца. Однако не вызывает сомнения, что люди должны иметь право на защиту и от таких индивидов. Хотя пациент уверял, что не имел намерения наносить повреждения детям, все же такой нежелательный исход мог стать побочным эффектом его странного отношения к детским колясками. К тому же, некоторые его атаки на дамские сумочки крайне негативно влияли на пострадавших женщин. С учетом всех имевшихся возможностей Айзенк пришел к выводу о необходимости сделать выбор между следующими альтернативами: попросить пациента согласиться на интенсивный метод лечения (неприятный, но не слишком продолжительный — хотя пациенту он мог показаться бесконечно долгим), заключить пациента в тюрьму, предоставить ему возможность находиться на свободе или предложить ему продолжительное, дорогостоящее и, вероятно, неэффективное психотерапевтическое лечение в больнице.

Айзенк утверждал, что при наличии столь разных альтернатив аверсивная терапия была наиболее подходящим вариантом и наиболее эффективной формой лечения с точки зрения всех, кто имел отношение к этому случаю. Действительно, с позиций пациента представляется весьма спорным вопрос о том, можно ли запрещать ему прохождение терапии, которая его самого вполне устраивает, просто потому, что, по мнению некоторых людей, она в какой-то мере унижает человеческое достоинство. Этот вопрос также был рассмотрен Айзенком. Он доказывал, что терапии подвергаются именно сами пациенты, а они никогда не жалуются на этот способ лечения (однако, как мы скоро увидим, это утверждение является спорным). Он также утверждал, что многие люди изо всех сил стремятся пройти курс поведенческой терапии и что недопустимо лишать их возможности получить такое лечение. Он считал аверсивную терапию безопасной и эффективной во многих ситуациях, которые трудно исправить другими методами, и писал, что решающее слово всегда должно оставаться за самими пациентами.

Разумеется, многие люди по-прежнему не приветствуют применение аверсивной терапии в тех случаях, которые не представляют угрозы для общества. Примером поведения, которое в прошлом пытались изменить с помощью аверсивной терапии, является гомосексуализм. Гомосексуалисты, желающие изменить свою сексуальную ориентацию, вероятно, воспринимают этот метод как проявление общественного неодобрения их поведения. Такое неодобрение, наряду с давлением друзей и коллег, даже сегодня может

стать мощной силой, заставляющей гомосексуалистов прибегать к помощи аверсивной терапии. Однако еще более уместным может быть утверждение о том, что такие методы не должны применяться к гомосексуалистам, которым правильнее будет посоветовать принять свою гомосексуальность как данность и постараться понять, что проблема в данном случае заключается в обществе, а не в самом индивиде.

Применявшиеся в прошлом методы «лечения» гомосексуализма[58] обычно предусматривали показ фотографий или фильмов с изображениями обнаженных мужчин. Эти изображения выполняли роль условных стимулов. В тех экспериментах препараты, вызывающие тошноту, и электрошок использовали в качестве неприятных, или безусловных, реакций. Электрошок обладает многими преимуществами перед препаратами, вызывающими тошноту. Во-первых, силу его воздействия можно регулировать, а время применения задавать более точно; предсказать с той же точностью время появления тошноты или рвоты после инъекции лекарства представляется невозможным. Подготовить удар электрошоком можно за несколько секунд, а тошнота может наступить лишь через несколько минут после инъекции. Согласно принципам выработки условного рефлекса, время безусловной реакции особенно важно для процесса научения, т. е. чем короче задержка появления реакции, тем легче реакция будет ассоциироваться с условными стимулами; это правило называется законом близости.

Один из вопросов, имеющих отношение к гомосексуализму, касается возможности изменения полового поведения человека в результате использования такой терапии. Кто-то может подумать, что после «излечения» своего полового влечения к лицам одного с ним пола пациент не будет испытывать вообще никакого полового влечения. Многие критики аверсивной терапии утверждают, что именно так и происходит в действительности. Однако Айзенк заявляет, что в большинстве случаев происходит усиление интереса к лицам противоположного пола при одновременном снижении интереса к лицам своего пола. Другими словами, гомосексуалист, проходивший курс такой терапии, обычно не становился «бесполым», а с более высокой вероятностью начинал проявлять склонность к гетеросексуальным отношениям. Как сообщалось позднее,[59] Айзенк признал тот факт, что некоторые гомосексуалисты после аверсивной становятся безразличными к представителям любого пола.

Хотя Айзенк и другие сторонники аверсивной терапии заявляли, что она оказывается успешной в 50% случаев, эти утверждения никогда не получали достаточного подкрепления. Имеются даже сведения о том, что пациенты, ставшие «бесполыми» в результате такой терапии, относились к числу тех, кому эта процедура помогла. Многие психиатры отказывались от применения аверсивной терапии не из-за морального беспокойства за своих пациентов и не из-за казавшейся им негуманности этой процедуры, а просто потому, что считали ее неэффективной. Было документально подтверждено, что некоторые гомосексуалисты-мужчины после проведенной аверсивной терапии впадали в депрессию и делали попытки самоубийства.

Айзенк и Тэтчелл

Ганс Айзенк, один из главных участников многих острых споров в психологии, был противоречивой фигурой. Воинственный стиль, который он демонстрировал на протяжении всей своей жизни, вынудил биографа назвать этого ученого «полемистом в интеллектуальном мире».[60] Сам Айзенк хорошо знал об этом и, по-видимому, гордился этим

---

[58] King M., Smith G., Bartlett A. Treatments of homosexuality in Britain since the 1950s — an oral history: the experience of patients // *Brit. med. J* . 2004. Vol. 23, P. 427, 429.

[59] *Guardian* , 13 September 1997.

[60] Gibson H. B. *Hans Eysenck: The Man and His Work* . London: Peter Owen, 1981.

званием. Он писал: «С дней противостояния нацизму в ранние годы моей юности, на протяжении всего периода борьбы с фрейдизмом и проективными методами, во время моих выступлений в зашиту поведенческой терапии и исследований в области генетики и вплоть до дискуссий по более современным проблемам я всегда выступал на стороне бунтовщиков против истэблишмента. Я предпочитаю думать, что в этих вопросах большинство было не право, а прав был я».[61]

Он одинаково успешно умел добиваться поляризации как научных, так и ненаучных аудиторий и не случайно дал своей автобиографии название «Бунтовщик, всегда имевший причину для бунта» (Rebel With a Cause). Одним из его знаменитых оппонентов был активист в защиту прав геев Питер Тэтчелл (Peter Tatchell), который в 1970-х и 1980-х годах участвовал в нескольких спорах с Айзенком, получивших широкое освещение в прессе.

Тэтчелл и его сторонники активно критиковали аверсивную терапию и подвергали сомнению «успешность» ее применения, в особенности при лечении гомосексуалистов. Тэтчелл рассказывал о пациентах, которые начинали испытывать хроническую депрессию в результате прохождения курса такой терапии. Действительно, случай капитана Билли Клегга из Королевского танкового полка часто приводится в качестве примера негативных последствий терапии. Клегг был арестован в Саутгемптоне в те дни, когда гомосексуализм был вне закона. Клегга приговорили к шестимесячному принудительному лечению методом аверсивной терапии в местном военном психиатрическом госпитале. Он умер во время лечения, и хотя в свидетельстве о смерти было указано, что смерть наступила вследствие естественных причин, в то время было немало людей (включая и медицинских экспертов), утверждавших, что он умер в конвульсиях в бессознательном состоянии, наступившем в результате инъекций апоморфина, которые ему делали в процессе лечения. К сожалению, имеется много других свидетельств молодых людей, которые в 1960-х годах подвергались подобному чрезвычайно болезненному и неэффективному лечению, осуществлявшемуся под видом аверсивной терапии.

«Заводной апельсин»

Нередко проводятся параллели между использованием аверсивной терапии и сходными методами лечения, описанными в романе «Заводной апельсин», по которому позднее был снят одноименный фильм. Хотя многие бихевиористы отрицают наличие таких параллелей, лечение главного героя имеет очевидные сходства с нашим случаем. Автор книги Энтони Берджес действительно собирался исследовать в этом романе вопросы свободы воли и бихевиоризма. В этой книге рассказывается о том, как трудный подросток по имени Алекс, оказавшись в тюрьме за совершенные им преступления, соглашается пройти курс аверсивной терапии в обмен на сокращение срока заключения. После прохождения лечения он возвращается к жизни в нормальном обществе, но оказывается отвергнутым своими друзьями и родственниками. В какой-то момент он врывается в дом автора, пишущего книгу под названием «Заводной апельсин» (Clockwork Orange), в которой автор выступает против использования аверсивной терапии, так как она превращает людей в «clockwork oranges» (Берджес служил в армии в Малайзии и знал, что по-малайски «ourang» означает «мужчина»). По мнению автора, такая терапия лишает людей возможности делать выбор в пользу добра, в результате чего они утрачивают свою свободу воли. Берджес писал: «В Британии приблизительно в 1960-х годах эти респектабельные люди начали ворчать по поводу молодежной преступности и заявлять, [что эти молодые правонарушители] принадлежат к какой-то нечеловеческой породе и заслуживают бесчеловечного обращения. Появились безответственные люди, говорившие об аверсивной терапии. Общество, как всегда, было поставлено на первое место. Преступники, разумеется, не были вполне человеческими существами: они были несовершеннолетними и не имели права голоса; очень

---

[61] Eysenck H. *Rebel with a Cause* . New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1997.

многие из них были противоположностью нам, олицетворяющим собой общество».[62]

Разумеется, случай пациента, атаковавшего детские коляски и дамские сумочки, не должен сравниваться с лечением гомосексуалистов. Однако до начала 1970-х годов гомосексуализм действительно квалифицировался как психическая болезнь. В то время многие люди задавались вопросом о необходимости применения аверсивной терапии к индивидам, действия которых не наносили вреда обществу. Кроме того, возникал и вопрос о допустимости такого лечения даже в тех случаях, когда его применения требовали сами пациенты. Сходная дилемма существует и при лечении телесного дизморфизма — психического расстройства, проявляющегося в виде чрезмерной озабоченности воспринимаемыми дефектами собственной внешности. Средства массовой информации по обыкновению называют его «синдромом воображаемой некрасивости», так как страдающему этим синдромом человеку его некрасивость кажется вполне реальной. Разновидностью телесного дизморфизма является апотемнофилия, представляющая собой желание стать физически неполноценным. Например, люди со здоровыми конечностями хотят, чтобы одна или две конечности у них были ампутированы; если таким людям отказать в ампутации, то некоторые из них могут попытаться провести ее самостоятельно: к примеру, положить «нежелательную» конечность на рельс и дождаться последствий такого поступка. Приемлемо ли было с этической точки зрения отказывать таким людям в хирургической ампутации?

Что касается гомосексуализма, то нередко утверждается, что проблема кроется в обществе, а не в самом гомосексуалисте. Сторонники аверсивной терапии доказывают, что пациенты получают такое лечение только после того, как им подробно объяснят его суть. Они должны дать осмысленное согласие на лечение и подписать соответствующий юридический документ. Однако противники аверсивной терапии утверждают, что многие индивиды соглашаются на нее фактически в результате шантажа и имеют мало других вариантов, кроме подписания подсовываемых им документов; поставленные перед выбором между тюрьмой и лечением, многие «добровольно» выбирают второй вариант. Также утверждается, что многие гомосексуалисты могут подвергаться настолько явному остракизму вследствие нетерпимости общества к гомосексуализму, что они также «вынужденно-добровольно» соглашаются на лечение.

Аверсивная терапия в лабораторных условиях имеет множество недостатков. Как уже отмечалось, первый из них заключается в том, что условные рефлексы без постоянного подкрепления начинают угасать. Именно по этой причине пациенту, возбуждавшемуся при виде колясок и сумочек, пришлось проходить повторные, более интенсивные курсы терапии. Условные рефлексы человека, как и любые условные рефлексы, ежедневно и ежечасно изменяются по своей силе. Этот хорошо известный феномен неоднократно демонстрировался на собаках, научившихся выделять слюну при звуке колокольчика (когда начало кормежки связывалось с подачей звукового сигнала). Изменение силы рефлекса зависит от многих факторов: например, чем голоднее собака, тем интенсивнее выделение слюны. Тот же принцип применим и к гомосексуалистам, и к пациенту, избравшему в качестве фетишей коляски и сумочки. Если желание в какой-то момент оказывается сильным, а возможности выглядят соблазнительно, то людям бывает непросто справиться с искушением. В этом случае происходит ослабление процесса выработки условного рефлекса, и, оказавшись в подобной ситуации в следующий раз, они могут бороться с соблазном не так стойко: принцип затухания будет работать против терапии и в пользу спонтанной ремиссии условного рефлекса, который они пытались заместить. Другими словами, условный ответ, который они выработали первоначально и который заменил ненормальное поведение, фактически, может больше не возникать. В подобных случаях считается, что выработка аверсивного условного рефлекса должна продолжаться и после того, как он начнет

---

[62] http://batr.org/flicks.html (информация получена 22 сентября 2004 г.).

проявляться снова. Подобная практика иногда называется чрезмерной выработкой условного рефлекса; ее применили и в случае пациента, которого возбуждали коляски и сумочки. Сам он рассказывал, что его лечили еще за несколько дней до того, как отпустили домой.

В действительности, чрезмерная выработка условного рефлекса продолжается не слишком долго и уж никогда не продолжается в течение нескольких лет. Для этого имеется несколько причин. Во-первых, она требует больших затрат времени и врачей, и пациента. Во-вторых, эксперименты или терапевтические сеансы с использованием рвотных препаратов являются негигиеничными и довольно дорогими. В-третьих, сам процесс оказывается напряженным и малоприятным и для экспериментатора, и для пациента; поэтому считается целесообразным ограничить процесс терапии минимально возможным периодом времени. По этим причинам для ускорения и активизации выработки условного рефлекса более эффективным представляется использование электрошока.

Можно провести сравнение между чрезмерной выработкой условного рефлекса и назначением повышенных доз лекарства — стандартной медицинской практикой, используемой при лечении многих болезней. Все более сильнодействующие прививки время от времени делаются, к примеру, против кори. Подобную практику широко используют в некоторых клиниках для алкоголиков, которых лечат методом аверсивной терапии, а затем ежегодно приглашают на короткий срок для прохождения «интенсивного» лечения. В этом смысле чрезмерную выработку условного рефлекса можно рассматривать как психологический эквивалент использованию повышенных доз лекарств.

Другой интересный аспект аверсивной терапии заключается в том, что подкрепление работает лучше всего, когда оно осуществляется не на все 100%. Наиболее эффективный способ выработки условного рефлекса предусматривает использование методов частичного подкрепления. Другими словами, если мы хотим приучить собаку выделять слюну по сигналу колокольчика, то мы не должны приносить ей мясо (безусловный стимул) при каждой подаче звукового сигнала. Намного лучший результат обеспечивает подкрепление условного стимула (звона колокольчика) только в 25-50% случаев. Очевидная причина улучшения результата состоит в том, что если собака получает мясо только в 25% случаев, то тогда неполучение мяса при звуке колокольчика не кажется ей необычным — ведь она может получить пищу в следующий раз, когда услышит колокольчик, и таким образом реакция выделения слюны будет по-прежнему возникать всякий раз, когда собака услышит привычный звуковой сигнал. Таким образом, частичное подкрепление делает затухание рефлекса менее вероятным — оно происходит намного медленнее, чем при использовании стопроцентного подкрепления.

Сила условного рефлекса

В этой главе рассказывалось о применении аверсивной терапии для лечения мужчины, возбуждавшегося при виде колясок и дамских сумочек, а также для лечения гомосексуальных наклонностей. Однако наилучшей иллюстрацией возможностей аверсивной терапии, по-видимому, является ее применение для лечения алкоголизма. Ее использовали в этих целях в течение многих лет, а лечение алкоголизма, возможно, имеет самую долгую историю в практической психологии. Для лечения алкоголизма также используют метод выработки условного рефлекса. Сеанс терапии происходит в тихой затемненной комнате, в которой редкие пятна света играют на бутылках со спиртным, стоящих на столе перед пациентом. Кроме врача и пациента в комнате больше никого нет. Врач делает пациенту инъекцию смеси рвотного, эфедрина (стимулятора, улучшающего выработку условного рефлекса) и пилокарпина (вызывающего обильное пото- и слюновыделение и, таким образом, дополняющего симптомы, вызываемые рвотным препаратом). В результате пациент начинает испытывать тошноту и оказывается в состоянии, в котором даже незначительный прием алкоголя немедленно вызывает у него рвоту.

Проблема с использованием этого метода заключается в трудности поддержания у пациента тошноты, которая вот-вот может перерасти в рвоту; поэтому врачу нужно обладать

большим практическим опытом и хорошим знанием особенностей пациента. Разумеется, между сеансами пациенту необходимо давать прохладительные напитки и воду, для того чтобы не допустить возникновения отвращения к приему любой жидкости. Подобный курс лечения прошли тысячи пациентов, самым известным из которых, возможно, является знаменитый в прошлом футболист Джордж Бест (хотя в его случае лечение оказалось не до конца успешным). Около половины пациентов, прошедших курс такой терапии, воздерживались затем от приема алкоголя минимум от двух до пяти лет, а 25% — в течение десяти-тринадцати лет; некоторым требовалась дальнейшая помощь в организации лечения в течение еще нескольких лет. Если учесть эффект этих сеансов лечения в последующие годы, то общий показатель воздержания от приема спиртного в результате проведения терапии составит около 51% для всех пациентов. Это весьма высокий показатель по сравнению с другими методами лечения алкоголизма.

Случай мужчины, сексуально возбуждавшегося при виде колясок и дамских сумочек, свидетельствует об эффективности использования условных рефлексов при лечении нарушений полового поведения. Подкрепление поведения приводит к появлению мужских и женских «стандартов», варьирующихся как внутри культур, так и между культурами. Примером, взятым из западных культур, может служить женская фигура. Например, в 1920-х годах женщины стремились иметь плоскую грудь. Сегодня, по-видимому, наблюдается противоположная тенденция. И стала бы Мерилин Монро с ее формами такой же культовой фигурой в наши дни, когда все большей популярностью пользуются худощавые женщины? Вероятнее всего, ее бы убедили (выработка условного рефлекса) сесть на диету, чтобы сделать фигуру более соответствующей сегодняшним вкусам.

Еще одним примером власти условных различий в разных культурах является функция женской груди. В западном обществе грудь выполняет дополнительную роль сексуальной приманки. Однако такая картина наблюдается не во всех культурах. У некоторых народов функция груди ассоциируется исключительно с кормлением младенцев. Жители островов, расположенных в южных морях, никак не могли понять того интереса, который проявляли белые матросы к ничем не прикрытым бюстам туземных женщин.

Гомосексуализм был исключен из перечня психических нарушений в 1970-х годах, но этот факт не положил конец применению аверсивной терапии для исправления нетрадиционной сексуальной ориентации. Хотя этот метод больше не признается Американской психиатрической ассоциацией как допустимый метод лечения гомосексуальных наклонностей, многие терапевты по-прежнему продолжают его использовать — особенно участники движения за исправительную терапию, которые традиционно применяют аверсивную терапию для лечения педофилов и других людей, совершающих преступления на сексуальной почве. Более гуманной и физически более безопасной разновидностью аверсивной терапии является скрытая сенсибилизация, которую также применяют к таким пациентам. Она подразумевает использование описаний девиантных или аверсивных стимулов, которые воображает себе пациент вместо того, чтобы подвергаться их воздействию напрямую. Сходная процедура, называемая аверсивной терапией, вызывающей стыд, подразумевает воздействие на пациента посредством общественного осуждения его ненормального поведения.

Ученые неоднократно проводили исследования эффективности аверсивной терапии при лечении педофилии, эксгибиционизма и трансвестизма. В большинстве случаев в качестве аверсивных стимулов использовали тошноту и лишение сна под воздействием лекарств. В целом, было проведено довольно мало контролируемых исследований с большим числом пациентов, и поэтому сделать какие-то надежные выводы об эффективности таких методов лечения не представляется возможным.[63]

---

[63] Council of Scientific Affair of the American Medical Association (1987) Aversion therapy // *Amer. Med. Association* . 1987. Vol. 258 (18). 13 November. P. 2562-2565.

Дикий мальчик из Авейрона: история Виктора

Девятого января 1800 года из леса вблизи деревни Сен-Сернен, расположенной на юге Франции, вышел мальчик в возрасте одиннадцати-двенадцати лет. Он передвигался в вертикальном положении, но не мог говорить и издавал лишь бессмысленные звуки. Он был одет в превратившуюся в лохмотья рубашку и совершенно не стеснялся своей наготы. Его схватили, когда он проник в огород местного дубильщика кож, чтобы накопать там овощей для еды. Как часто бывает в таких небольших деревнях, молва быстро разнесла новость о поимке «дикаря». Так началась история дикого мальчика из Авейрона,[64] *как его стали с тех пор называть, — дикого ребенка, о котором вскоре заговорила вся Европа.*

История обнаружения

По сохранившимся описаниям, мальчик имел рост примерно метр сорок, белую (но слегка смугловатую) кожу, круглое лицо, острый нос, спутанные темно-каштановые волосы и сотни маленьких шрамов, покрывавших все его тело. Кроме того, у него на горле был еще один шрам длиной 41 мм. Эти шрамы породили спекуляции о том, что в какой-то период времени с ним плохо обращались и перерезали ему горло, прежде чем оставить одного. Его правая нога была слегка подогнута вовнутрь, так что при ходьбе он немного прихрамывал. Было быстро установлено, что он не получил «домашнего» воспитания: он мочился и испражнялся в любом месте, где испытывал в этом потребность. Он предпочитал есть только картофель, который сначала бросал в костер, а затем, обжигаясь, быстро запихивал себе в рот. Всем, увидевшим его в первые дни (а среди них было много просто любопытных людей), было ясно, что он в течение какого-то времени жил в лесу один и был полностью лишен каких-либо социальных контактов. Через два дня мальчика поместили в сиротский приют в местечке Сент-Африк и дали ему имя Жозеф.

В приюте Жозеф сразу замкнулся в себе и начал испытывать своего рода депрессию; по сообщениям очевидцев, он не издал ни единого звука в течение двух недель. Он отказывался практически от любой еды, за исключением картофеля, и пил только воду. Он разрывал любую одежду, которую на него надевали, и спал только на полу. Все его органы чувств были в полном порядке, но он уделял внимание только еде и сну. Директор приюта быстро понял, что у него появился уникальный индивид, который заинтересует в равной степени и ученых, и дилетантов. Он назвал мальчика «феноменом» и разослал письма в парижские газеты с предложением о том, чтобы обследованием ребенка занялось государство. История о «enfant sauvage de L'Aveyron» — «диком ребенке из Авейрона» стала в Париже главной темой разговоров. Наконец-то появилась возможность проверить на практике философские идеи Жан-Жака Руссо...

В своих ранних сочинениях Руссо утверждал, что человек является, в сущности, хорошим, «благородным дикарем», пока он пребывает в «природном состоянии» (состоянии, в котором находятся все другие животные и в котором он находился до возникновения цивилизации и общества), и что «хорошие» люди сделались несчастными и испорченными в результате своего опыта жизни в обществе. Он считал общество «неестественным» и «развращенным» и был уверен в том, что его дальнейшее развитие принесет человеку еще больше несчастий. Обнаружение «дикого ребенка» давало людям возможность проверить эти взгляды и подробно изучить ребенка, который вырос таким, каким его создала природа, и не испытал «противоестественных» влияний общества.

В то время в Париже существовал знаменитый институт для глухонемых, директором которого был Рош-Амбруаз Кукуррон Сикар (Roche-Ambrois Cucurron Sicard), уважаемый

[64] Двумя наиболее полными (и рекомендуемыми читателям) книгами, посвященными этому уникальному случаю, являются: Rogger Shattuck. *The Forbiden Experiment* . London: Quarter Books, 1980; Harlan Lane. *The Wild Boy of Aveyron* . Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. Вторая книга содержит дословные отчеты об этом случае.

ученый и общепризнанный эксперт в области обучения глухих. Прочитав об этом случае, Сикар написал два письма с просьбой о взятии ребенка под опеку государства с целью проведения научных исследований. Одно из писем было направлено Люсьену Бонапарту, брату Наполеона и министру внутренних дел молодой республики. При наличии таких влиятельных друзей казалось неизбежным, что ребенок окажется объектом пристальных исследований в Париже.

Однако местный комиссар правительства заявил, что мальчик останется в приюте на какое-то время, чтобы власти могли проверить правдивость этой истории (существовали опасения, что это мистификация), и что родители из окрестных мест, дети которых пропали и не были найдены, могли бы прийти и выяснить, не является ли этот мальчик их сыном. В этот период Жозеф начал постепенно делать свою диету более разнообразной: он стал есть горох, зеленые бобы, грецкие орехи и ржаной хлеб. Через четыре месяца он уже ел мясо, но, по-видимому, ему было безразлично, является ли оно вареным или сырым. Он имел обыкновение собирать остатки еды и закапывать их в саду, возможно, для того, чтобы съесть их позднее.

Годы изоляции

Были предприняты попытки выяснить подробности этой истории. Необходимо было найти ответы на многие интригующие вопросы. Был ли мальчик «дитем природы»? Был ли он действительно диким ребенком или же просто слабоумным, оставленным в лесу за несколько недель до его обнаружения? Мог ли он сам заботиться о себе в условиях дикой природы? Как долго мальчик жил в одиночестве? Где и как он жил?

В полученных рапортах сообщалось, что голого мальчика видели примерно два-три года тому назад в окрестностях деревни Лакон (Lacaune), расположенной примерно в семидесяти милях к югу от Сен-Сернена. Он питался корнями и желудями и убегал от всякого, кто пытался к нему приблизиться. Иногда замечали, что он передвигается на четвереньках, но позднее выяснили, что он делал это только в состоянии крайней усталости. Отсутствие на его коленях мозолей указывало на то, что он ходил в вертикальном положении. По-видимому, крестьяне из окрестных деревень знали о его существовании и относились к нему просто как к какой-то диковинке, не заслуживающей особого внимания. Имелись сообщения о том, что однажды, в 1798 году, его поймали и выставили напоказ на деревенской площади, однако он сумел убежать и пропал из поля зрения примерно на один год. Затем в июне 1799 года на него случайно наткнулись три охотника и взяли его в качестве трофея. Одна местная вдова присматривала за ним в течение нескольких недель; она научила его готовить картофель и дала ему рубашку, в которой его и увидели несколько месяцев спустя. Благодаря доброте, проявленной вдовой, мальчик, по-видимому, начал охотнее идти на контакты с людьми и стал часто попадаться на глаза местным крестьянам. Иногда он подходил к отдельно стоящим крестьянским домам и садился поблизости, ожидая, пока ему вынесут какую-нибудь еду. Один крестьянин регулярно давал мальчику картофель, который тот пек на костре и поедал горячим. Насытившись, он снова исчезал среди окрестных холмов, чтобы спрятаться там от посторонних глаз.

По сути, крестьяне относились к нему как к дикому животному, регулярно появляющемуся у их домов. Хотя они видели в нем человеческое существо, но не считали себя обязанными попытаться поймать его или дать ему одежду. В те дни людям нередко приходилось видеть «деревенских дурачков», живших рядом с ними, и поэтому дикий мальчик был отнесен крестьянами к той же категории. Мальчик вполне мог продолжать вести подобный образ жизни, но по какой-то причине он решил двинуться на север и дошел до Сен-Сернена. Местный комиссар в течение нескольких недель пытался выяснить, что произошло с мальчиком в прошлом, но не нашел каких-либо надежных сведений, позволяющих объяснить, как ребенок оказался совершенно один в лесу. Впоследствии появилось множество выдуманных историй о ребенке, брошенном на съедение волкам, и других подобных ужасах.

Чтобы проверить, не является ли данный случай мистификацией, Жозефа подвергли

нескольким довольно примитивным испытаниям. Например, ему дали зеркало, чтобы оценить его реакцию. Он не узнал себя и даже попытался протянуть руку, чтобы схватить картофель, увиденный им в зеркале. Имелись также сомнения относительно того, как он сумел пережить относительно суровые зимы, характерные для этой области Франции. К тому же мальчик предпочитал подолгу сидеть около огня. Чтобы проверить его способность переносить холод, его раздели и вывели морозным вечером на улицу. Он этому никак не сопротивлялся и, по-видимому, даже получил удовольствие от такой прогулки на свежем воздухе. Отсюда был сделан вывод о том, что он, подобно кошкам и собакам, был довольно нечувствительным к холоду, но при любой возможности предпочитал располагаться поближе к теплу.

Дальнейшее обследование в Париже

После пяти месяцев пребывания в местном приюте мальчик продемонстрировал слабый прогресс. Люди, отвечавшие за его воспитание, испытывали разочарование и утверждали, что он по-прежнему больше похож на животное, чем на человека. Было решено, что лучше всего отправить его для дальнейшего обучения в Париж. К сожалению, по дороге в столицу он заболел оспой, что серьезно задержало его в пути. Тем не менее, 6 августа 1800 года на почтовой карете он был доставлен в институт для глухонемых, который располагался в Люксембургском саду. Жозефа немедленно передали в руки Сикара. В первые две недели Сикар был настолько занят другими делами, что Жозеф оказался фактически брошенным еще раз. Он к тому времени заметно растолстел, ему стало нравиться, когда его щекочут, и довольно часто его видели смеющимся, хотя никто с уверенностью не знал, над чем же он смеется на самом деле. Однако эти видимые признаки прогресса наблюдались на фоне удручающего поведения. Жозеф по-прежнему не пользовался туалетом и совершенно открыто демонстрировал все проявления естественных функций своего организма. Его не интересовало практически ничего, кроме пищи и сна. Действительно, как отмечалось в отчетах, «вся его суть была сконцентрирована в желудке». Он практически не уделял никакого внимания происходящему вокруг него и ничем не интересовался. Он стал равнодушным практически ко всему, избегал других детей, находившихся в институте, но никогда не вел себя нечестно или подло по отношению к другим людям.

Имеются противоречивые сведения о свободе, которой пользовался Жозеф в институте. В одних отчетах утверждается, что он был полностью предоставлен сам себе и никогда не пытался сбежать (что было для него вполне возможным); в других же отчетах сообщается, что его часто сажали на цепь, чтобы предотвратить попытки бегства. Но в любом случае, для Жозефа в эти три месяца, по-видимому, не было сделано ничего, и, в результате, его состояние стало ухудшаться. Он начал пачкать свою постель и наносить себе различные повреждения, а также бить и царапать тех, кто за ним ухаживал. Его часто посещали любопытные люди, которые за определенную мзду получали от смотрителей возможность увидеть «дикого ребенка». Эти посетители постоянно докучали Жозефу, который бесцельно слонялся по коридорам здания и институтскому саду в самом жалком состоянии. Сикар, этот «великий воспитатель», в данном случае, по-видимому, полностью игнорировал свои обязанности. Жозеф, о котором недавно говорила вся страна, вновь стал всеми забытым и покинутым ребенком. Есть подозрение, что Сикар счел этот случай безнадежным и решил вовсе не браться за него, чтобы не рисковать своей репутацией. Позднее была создана еще одна комиссия для систематического измерения и уточнения способностей Жозефа. Ее выводы совпали с выводами Сикара: Жозеф является «идиотом», обладающим исключительно животными инстинктами, развившимися у него в период пребывания в лесу, и поэтому ему ничем нельзя помочь.

Если бы такой ребенок был обнаружен сегодня (как в случае Джини, описанном в главе 1), его подвергли бы множеству психологических тестов для выяснения недостатков его развития и причин их возникновения. В числе последних, возможно, обнаружилась бы «органическая» причина, т. е. недостаток мог иметь физическое происхождение (например, травма мозга) или «функциональная» причина, имеющая не физическое происхождение.

Функциональное объяснение недостатка предполагает, что он вызван внешними обстоятельствами, в то время как органическое объяснение предполагает, что недостаток является врожденным. Во многих отношениях эти различия соответствуют предмету спора о соотношении ролей природы и воспитания, возникшего в связи со случаем Джини. Был ли Жозеф рожден с «органической» проблемой или же его проблемы стали следствием его ограниченного воспитания? С учетом дефицита надежной информации по данному случаю дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Однако, помимо шрама на горле, который мог появиться у него вследствие травмы, полученной во время «дикой» жизни, или в результате попытки другого человека перерезать мальчику горло, прежде чем бросить его в лесу, у Жозефа нельзя было найти никаких следов других физических повреждений. В 1967 году Бруно Беттельгейм (Bruno Bettelheim)[65] исследовал этот случай и пришел к выводу, что, возможно, Жозеф страдал одной из форм аутизма, хотя невозможно узнать, был ли он рожден с этой аномалией (способствовавшей тому, что он был брошен взрослыми) или же она развилась у него за годы одиночества. Однако другие эксперты в этой области считают маловероятным то, что страдающий аутизмом мальчик или просто «идиот» сумел бы прожить в одиночку в лесу в течение пяти или шести лет. Действительно, можно утверждать, что мальчик в раннем подростковом возрасте, сумевший выжить в период многолетнего пребывания в лесу, должен был бы обладать замечательно высоким уровнем интеллекта (однако общепризнано, что страдающие аутизмом также могут быть очень умны).

Надежда

Жизнь Жозефа катилась в никуда, но осенью 1800 года в ней наконец-то забрезжила надежда после прихода в институт нового доктора по имени Жан-Марк Гаспар Итар (Jean-Marc Gaspard Itard). Итар заинтересовался Жозефом и начал пристально наблюдать за его поведением. Он подметил в мальчике некоторые обнадеживающие моменты, на которые не обратили внимание другие ученые, и начал осуществлять программу оценки и развития его способностей. Итар получил специальное помещение в институте, в котором он мог без помех работать с Жозефом. Он был молодым доктором, преисполненным энтузиазма и открытым новым идеям и новаторским методам лечения. Не имея собственной семьи, он посвятил всю жизнь работе и завещал все свое состояние на цели улучшения условий жизни глухонемых воспитанников института. Итар неофициально стал временным приемным отцом Жозефа и начал уделять мальчику все больше и больше времени. В некотором смысле, он бросил вызов своим наставникам. Итар, в отличие от Сикара, верил, что для Жозефа существует надежда, но к чести Сикара следует признать, что он согласился дать Итару шанс доказать это. Итар считал, что люди являются продуктом их окружения, и поэтому верил в возможность перевоспитания Жозефа при создании для этого соответствующих условий. Если бы это ему удалось, то теория развития человека «с чистого листа» (tabula rasa) получила бы явное подкрепление. Эта теория предполагает, что дети появляются на свет с немногими врожденными способностями и что развитие ребенка происходит в результате внешних воздействий. Эта точка зрения во многом соответствует «воспитательному» аргументу в споре о соотношении ролей природы и воспитания.

Итар понимал, что он не может посвящать все свое время Жозефу, но мальчику необходимо получать помощь от другого взрослого человека. Мадам Гуерен (Guerin) жила при институте вместе со своим мужем-садовником, супруги занимали маленькую комнату возле институтской кухни непосредственно под той комнатой, которая была выделена для занятий с Жозефом. У четы Гуеренов были взрослые дети, жившие отдельно от них. Мадам Гуерен была доброй и сострадательной женщиной, ее совершенно не пугало странное поведение Жозефа. Она посвятила Жозефу следующие двадцать семь лет своей жизни. Жозеф начал проводить большую часть своего времени с мадам Гуерен: она его кормила, одевала, водила на прогулки за пределы института и заботилась об удовлетворении его

---

[65] Bettelheim B. *The Empty Fortress* . New York Free Press, 1967.

необычных потребностей. С учетом возникновения таких тесных отношений, заслуги в улучшении поведения Жозефа следует поделить между Итаром и мадам Гуерен.

Реабилитация

Итар разработал для Жозефа программу терапии с первоочередной целью улучшения его способности говорить, думать и взаимодействовать с другими людьми. Вместе с мадам Гуерен они позаботились об условиях, в которых находился Жозеф с момента поступления в институт. Они предоставили ему больше свободы. Ему нравилось гулять по окрестным полям, особенно в плохую погоду, и он всегда ложился в постель с наступлением полной темноты. В периоды полнолуния он часто просыпался по ночам и часами смотрел во двор через окно своей спальной комнаты. Подобно многим так называемым диким детям, он также радовался снегу.

Во время своих первых, самых трудных месяцев пребывания в институте Жозеф проявлял мало интереса к чему-нибудь, кроме еды, никогда не реагировал ни на один звук, за исключением сигнала на завтрак или обед и, несмотря на свою несчастную жизнь, никогда не плакал. Итар решил, что поскольку маленькие дети получают удовольствие от игр во время купания, то Жозеф также каждый день должен принимать горячую ванну. Такой порядок немедленно дал положительный эффект: Жозеф с нетерпением ждал купания и с удовольствием плескался в воде. Постепенно он привык только к теплой воде. Это имело два последствия: во-первых, он перестал мочиться в постели и, во-вторых, начал носить теплую одежду, чтобы не мерзнуть во время парижской зимы. В его поведении наметились и другие улучшения: он стал сам одеваться и использовать ложку для того, чтобы доставать из кастрюли свою любимую еду — горячую картошку. Итар предположил, что чувство обоняния Жозефа стало развиваться, а однажды он увидел, как мальчик чихнул, по-видимому, в первый раз в своей жизни. Хотя Итар и не был абсолютно в этом уверен, но испуганная реакция Жозефа на свое чихание подкрепила представление о том, что он никогда не чихал прежде. Жозеф становился все более привередливым в еде и начал проявлять заботу о чистоте. Он отказывался брать тарелку с едой, если ему казалось, что с ней что-то не в порядке. Когда же Жозеф начал простужаться и испытывать прочие легкие недомогания, Итар иронично заявил, что цивилизационный процесс начался!

Итар приступил также к развитию ментальных способностей Жозефа. Подобно Вирджинии Экслайн, занимавшейся лечением мальчика Дибса почти двести лет спустя (см. главу 5), Итар придавал большое значение играм в развитии интеллекта Жозефа. Однако он был разочарован отсутствием у мальчика интереса ко многим предлагавшимся ему игрушкам; Жозеф часто прятал или ломал их при первом удобном случае. Одна игра, которая действительно ему нравилась, заключалась в следующем: один играющий прятал под перевернутыми чашками какой-то предмет и затем «перемешивал» чашки, а второй играющий должен был отгадать, под какой чашкой находится спрятанный предмет. Первоначально для привлечения интереса Итар прятал под чашкой жареный каштан, который затем съедал Жозеф. Вскоре мальчик научился внимательно следить за перемещениями чашек, что указывало на скрытые возможности его интеллекта.

Однажды Итар отправился с Жозефом в двухдневную загородную прогулку. Жозеф был в полном восторге от возможности вновь оказаться среди лесов и полей. Он метался от одного окна кареты к другому, восторженно рассматривая проплывающие мимо пейзажи. Итар был настолько обеспокоен этим пробудившимся интересом к природе, что принял дополнительные меры против возможного бегства Жозефа в лес. По возвращении в институт Жозеф какое-то время выглядел необычайно взволнованным, и Итар поклялся больше никогда не совершать с ним загородных прогулок. Мадам Гуерен продолжала ежедневно гулять с ним в соседнем саду парижской обсерватории, и жизнь Жозефа постепенно снова вошла в прежнее спокойное русло. Мадам Гуерен сообщала, что ее воспитанник обычно был всем доволен.

Обучение коммуникациям

Жозеф по-прежнему ни с кем не общался. Хотя у него был нормальный слух, он не

уделял заметного внимания никаким звукам, не считая его редких реакций на неожиданный шум или необычный тон голоса. Сам он также не издавал никаких звуков, кроме отдельных сдавленных криков, но зато умел смеяться. Итар знал, что Жозеф не глухой, потому что когда тот слышал какие-то голоса, то быстро соображал, откуда они исходят, и бросался в противоположном направлении, чтобы спрятаться. Он также, по-видимому, лучше всего реагировал на звук «о». По этой причине Итар предложил дать Жозефу другое имя, которое бы оканчивалось на этот звук. Мальчика решили назвать Виктор (по-французски это имя произносится с ударением на последнем слоге), и с тех пор всякий раз, когда его называли этим именем, он его понимал.

Но заметных улучшений в речи Виктора не наблюдалось. После нескольких экспериментов был сделан вывод о том, что он способен говорить и что повреждение его горла не затронуло голосовые связки. Итар потратил много месяцев на то, чтобы побудить Виктора заговорить. Виктор пил только воду и молоко («lait»), и каждый раз, когда ему их давали, Итар несколько раз произносил соответствующее слово в надежде, что Виктор станет ассоциировать один из своих любимых звуков с предлагаемой ему жидкостью. После нескольких сотен таких попыток Виктор действительно стал произносить слово «lait», когда ему наливали молоко, но, несмотря на все усилия Итара, он произносил это слово только после того, как получал наполненную молоком кружку, и никогда — до этого момента. Итар пришел к выводу, что Виктор никогда не понимал истинного значения этого слова, а просто ассоциировал соответствующий звук с получением молока. Но несмотря на огорчения Итара, Виктор все же демонстрировал какой-то прогресс в развитии навыков речи. Например, он начал довольно различимо повторять вслед за мадам Гуерен восклицание «О, Боже» («O, Dieu»). Итар также предположил, что действия Виктора были настолько выразительными, что ему не нужно было ничего говорить. Виктор не испытывал проблем с выражением своих желаний: жест рукой в сторону улицы означал, что он хочет идти гулять, а указание на пустую кружку означало, что он хочет молока. Когда посетители слишком ему надоедали, он приносил им перчатки и шляпы, чтобы ускорить их уход. Какие слова могли быть понятнее этих действий!

Несмотря на то, что в институте было около сотни глухонемых, которые ежедневно общались между собой на языке жестов, нет никаких свидетельств того, что Виктора также учили этому языку. Современные логопеды утверждают, что Виктор бы мог быстро отозваться на такое обучение. Итар не оставил никаких объяснений причин, по которым этот путь был им отвергнут, но зато он разработал собственный метод обучения, предусматривавший развешивание в комнате карандашных рисунков различных предметов. Затем Итар по одному убирал рисунки и просил заменить их соответствующими предметами. Виктор быстро сообразил, что от него требуется, даже если предметы были рассредоточены по комнате. У него, безусловно, стала развиваться способность «сравнивать и противопоставлять» предметы и рисунки.

Следующий этап заключался в том, чтобы научить его различать цвета и формы с использованием простой процедуры, предусматривавшей развешивание в его спальне кусков раскрашенной бумаги разных форм. И вновь Виктор быстро научился группировать куски бумаги одинаковой формы и цвета. Итар с каждым днем делал задания все более трудными. Но вместо того, чтобы воспринимать их как новые вызовы, требующие мобилизации усилий, Виктор выглядел все более удрученным. Между ними возникло очевидное противостояние: Итар предлагал все более трудные задания, а Виктор проявлял все большее недовольство, когда его просили выполнить задания, сложность которых превышала его возможности. Обычная реакция Виктора заключалась в том, что он приходил в ярость и расшвыривал предметы по комнате. Однажды Виктор пришел в такое раздражение от задания, что раскидал по комнате горячие угли из камина и, потеряв сознание, забился в эпилептическом припадке. С этого дня Итар отказался от подобных заданий, но с тех пор, когда Виктор испытывал фрустрацию, припадки у него стали случаться заметно чаще. Итар начал тревожиться за судьбу Виктора; он хотел выяснить, были ли припадки лекарством от

фрустрации, т. е. становились ли они приобретенной привычкой, служащей некой формой самозащиты. Итар решился на радикальные меры. Однажды, когда Виктор только начинал демонстрировать начальные признаки «припадка», Итар схватил его за ноги и свесил вниз головой из окна пятого этажа. Через несколько секунд он втащил Виктора в комнату — бледного, дрожащего и покрытого холодным потом. Итар велел ему собрать предметы, которые тот разбросал по комнате. Выполнив приказание, Виктор лег на кровать и заплакал. Итар увидел его плачущим в первый раз. Эта угроза со стороны Итара оказала замечательный эффект, и с тех пор «прирученный» Виктор стал меньше противиться выполнению заданий, а его неконтролируемые вспышки гнева больше не повторялись.

В течение нескольких следующих месяцев Итар сообщал о том, что Виктор научился произносить простые слова и понимать, что эти слова обозначают «предметы». Иногда он даже использовал буквы для выражения своих потребностей. Например, однажды он взял буквы L, A, I, T и разложил их на столе, чтобы получить стакан молока. Итар пришел в восторг от такого прогресса. Он придумал собственную мантру «воспитание — это все», доказывая таким образом, что с помощью любви, терпения, понимания и систематического использования вознаграждений и наказаний от человека можно добиться замечательных результатов. Психологи могут сравнить некоторые методы Итара с методами «выработки инструментальных условных рефлексов» (которые, по сути, просто означают «научение через последствия действий индивида»). Но Итар использовал, главным образом, гуманистический, сочувственный подход, который учитывал индивидуальные потребности Виктора. Возможно, что его индивидуально подбираемые методы научения правильнее будет сравнивать с тем, что теперь мы называем «специальным обучением».

Очевидно, что Виктор дорожил отношениями и с мадам Гуерен, и с Итаром, хотя с последним, возможно, в меньшей степени. Известны истории о том, что Виктор подолгу плакал, когда знал, что огорчил мадам своим поведением. Итар также сообщает, что когда он приходил попрощаться с Виктором перед сном, тот обнимал, целовал его и приглашал посидеть на его кровати. Итару потребовалось девять месяцев упорного труда, чтобы довести отношения до такого уровня, он, безусловно, добился заметного прогресса с Виктором, вопреки традиционным воззрениям той эпохи.

Развитие других способностей

Итар решил продолжить попытки развития некоторых способностей Виктора, в том числе слуховых, речевых и вкусовых. К примеру, он завязывал Виктору глаза для определения его способности понимать различия между разными звуками и словами. Несмотря на способность Виктора улавливать такие различия и на тот факт, что его слух никак не пострадал, после месяцев занятий Итару удалось добиться лишь минимального прогресса. Виктор научился нескольким простым односложным словам, выражающим гнев или дружбу. Итар пришел в уныние и начал переоценивать успехи Виктора. Способность мальчика произносить слово «lait» (молоко) была провозглашена его наивысшим когнитивным достижением, но Итар также заметил, что он произносит это слово, только когда ему действительно давали молоко. Виктор, не умевший говорить, по-прежнему не мог использовать слово «lait» для выражения своего желания получить молоко. Итар пришел к выводу, что без этого Виктора нельзя назвать человеком, обладающим реальными речевыми навыками. Он также обнаружил, что мальчик лишен способности к подражанию. Итар поставил рядом две грифельных доски и попытался заставить Виктора повторять свои движения руки. Но для Виктора это оказалось невозможным. Эта неспособность к имитации, по-видимому, серьезно влияла на его способность к научению. Кроме того, это может кое-что сказать нам и о его способностях в целом. Многие животные умеют успешно имитировать чужое поведение, но Виктор не мог этого делать.

Но как бы ни был Итар разочарован этим недостатком, он не отказывался от попыток обучения Виктора. Он начал давать Виктору команды выйти из комнаты, чтобы принести конкретные предметы, находившиеся в других помещениях. После длительного обучения Виктор мог отправляться в другую комнату и приносить оттуда до четырех предметов,

показанных ему на карточках. Сначала это было воспринято как явный признак развития когнитивных способностей, но позднее Итар попросил Виктора принести ему из другой комнаты книгу. Хотя в этой комнате было полно книг, Виктор мог связать слово «книга» не с любой, а только с какой-то конкретной книгой, с которой он первоначально ассоциировал это слово. Он мог распространять смысл слов, представленных ему на карточках, не на любой объект, а только на какой-то конкретный. И вновь Итар сообщает об этом как о невероятно удручающем результате, причем настолько удручающем, что одновременно он открыто называет Виктора «ни на что ни годным существом». Несмотря на непонимание значения услышанного слова, Виктор, должно быть, почувствовал тон послания, закрыл глаза и начал всхлипывать. Тогда Итар подошел к мальчику и обнял его, как это мог бы сделать отец ребенка. Впоследствии он рассказывал, что этот момент физического контакта между мальчиком и мужчиной помог установлению между ними хороших рабочих отношений в последующие месяцы. В конце концов, Виктор действительно научился понимать, что одно слово может соответствовать многим похожим предметам и даже начал делать слишком широкие обобщения, путая слова «щетка» и «швабра», «нож» и «бритва». Несмотря на отдельные неудачи, небольшой прогресс все же был достигнут.

Виктор стал запоминать все больше и больше существительных («комната», «человек») и начал объединять их с простыми прилагательными (такими, как «большая», «маленькая»), а также с глаголами (такими, как «коснуться», «пить»). Ему даже удавалось писать простые слова, которые были читаемыми, и Итар сообщал, что к концу 1803 года его подопечный мог осуществлять коммуникации посредством письма и чтения в самой простой форме. Итар потратил много месяцев, пытаясь научить его формировать звуки, но, в конце концов, отказался от любых таких попыток и сделал вывод о том, что Виктор никогда не сможет нормально разговаривать. Итар был вынужден признать, что никакое количество занятий не поможет исправить этот рано развившийся недостаток Виктора, и задался вопросом о том, могут ли внешние усилия (пять лет обучения, как в данном случае) справиться с влиянием природы или с воздействием внешних факторов в раннем возрасте.

Цивилизованный или дикий?

Так был ли теперь Виктор цивилизованным немым ребенком или же по-прежнему оставался диким мальчиком, который был найден несколько лет назад вблизи деревни Сен-Серен? Он никогда не терял своего восторженного отношения к красоте природы: вид полной луны в спокойный летний вечер мог привести его в неописуемый восторг, и он продолжал обожать свои ежедневные прогулки все с той же пламенной страстью. Такое поведение может быть интерпретировано по-разному: были ли такие реакции свидетельствами сохранения в нем прежнего дикого ребенка или же теперь он под воздействием цивилизации начал понимать красоту природы?

Виктор продолжал жить с Гуеренами и охотно вносил свой посильный вклад в ведение домашнего хозяйства. Он выполнял такие простые задания, как колка дров и накрывание на стол. Однажды мсье Гуерен заболел и через несколько дней умер. В этот злополучный день Виктор, как обычно, поставил на стол его столовый прибор. Увидев это, мадам Гуерен разрыдалась. Поняв, что его действия заставили ее плакать, он убрал со стола прибор мсье Гуерена и больше никогда его туда не ставил. Такое поведение позволяло предположить, что у Виктора вырабатывалась эмоциональная зрелость: он мог понять состояние другого человека и выразить ему свое сочувствие. Вскоре после смерти мужа мадам Гуерен заболела и какое-то время не могла присматривать за Виктором. В результате, Виктор сбежал из института и вскоре был обнаружен в близлежащей деревне местными полицейскими. На его идентификацию и возвращение в институт ушло две недели. Оказавшись рядом с выздоровевшей мадам Гуерен, он был несказанно счастлив, о нем рассказывали как о сыне, вернувшемся к любящей матери.

Вскоре после этого инцидента Итар решил выяснить наличие у Виктора чувства справедливости. Для этого он решил несправедливо наказать его, чтобы проверить его понимание правильных и неправильных действий. Однажды после того, как Виктор какое-то

время старательно поработал со своими книгами, Итар внезапно вырвал у него записи, схватил его в охапку и попытался затолкать в шкаф, в который его иногда сажали в качестве наказания. Виктор немедленно начал сопротивляться и даже больно укусил Итара за руку. Итар даже не подозревал, что Виктор может сопротивляться так отчаянно, поскольку во всех предыдущих случаях наказание было справедливым. Итар был доволен; он сообщал, что боль от укуса принесла радость в его сердце. Этот акт законного возмездия свидетельствовал о том, что Виктор понимал различие между правотой и неправотой, обладал чувством справедливости. Для Итара этот результат был свидетельством цивилизующего эффекта его усилий и признаком того, что Виктор превращается из мальчика в мужчину. Виктор был настолько уверен в своей правоте, что осмелился оспорить власть своего учителя.

В это время Виктору было около семнадцати лет, и Итар ожидал значительных изменений в его поведении, вызванных завершением полового созревания и проявлением интереса к половым вопросам. В институте Виктор рос отдельно от других детей и не имел контактов со сверстниками, которые могли бы задавать ориентиры для его полового поведения. Поскольку он не мог получать таких ориентиров от Итара или мадам Гуерен, то он не имел никакого понятия о том, что ему делать со своими усиливающимися проявлениями полового влечения. Сообщается, что иногда он поглаживал женщин, обнимал их и даже крепко прижимал к себе; эти действия казались женщинам довольно странными и приводили в смущение самого Виктора. Действительно, в результате таких контактов он часто впадал в возбужденное состояние. Итар и мадам Гуерен организовали для него специальную диету, холодные ванны и физические упражнения для ослабления эффектов полового созревания, и через какое-то время Виктор отказался от активных действий в отношении противоположного пола.

Конец обучения

В 1805 году исполнилось пять лет с тех пор, как Итар начал заниматься Виктором. Можно предположить, что к этому времени Итар и Виктор устали от предпринимавшихся ими усилий и были не прочь отдохнуть друг от друга. В 1806 году мадам Гуерен была назначена официальным опекуном Виктора и стала получать за уход по 150 франков в год. В 1810 году Сикар написал доклад о Викторе, в котором подтвердил, что первоначальный диагноз — «полный идиотизм» — был правильным и что с тех пор в данном случае не было достигнуто практически никакого прогресса. Это заявление, по-видимому, было несправедливой оценкой усилий и достижений Итара и Виктора, а кроме того, оно ускорило исключение Виктора из числа воспитанников института. В 1811 году институт стал чисто мужским заведением, и администрация решила, что мадам Гуерен следует освободить занимаемую ею комнату и найти себе жилье поблизости. Кроме того, случай Виктора был признан безнадежным и оказывающим негативное влияние на других детей. Мадам Гуерен были выданы 500 франков на организацию переезда, и, в итоге, она перебралась в небольшой домик в не имеющем сквозного прохода переулке де Фейантин (impass de Feuillantines) прямо напротив института. Отчасти это место было выбрано для того, чтобы облегчить Итару продолжение работы с Виктором, если бы он этого захотел. Однако по непонятным причинам возобновления контактов не произошло, и Виктор вновь оказался человеком, забытым обществом.

Имеется очень мало сведений о жизни Виктора и мадам Гуерен после их переезда из института. Известно, что Виктор продолжал жить у мадам Гуерен и что, по-видимому, он никогда не был для нее источником проблем или скандалов. Сообщается, что люди узнавали его по хромоте. Мы не знаем, чем он занимался в дальнейшей жизни и как добывал себе пропитание. Как и для всякого немого, эта задача была для него очень трудной, но жалованье мадам Гуерен в 150 франков в год позволяло им каким-то образом сводить концы с концами. Виктор умер в 1828 году в возрасте сорока лет — совсем не старым, даже по тем временам. Не сохранилось никаких документов о причине его смерти и месте захоронения. Виктор Гюго в течение двух лет жил в соседнем доме, но в его сочинениях нет никаких явных упоминаний о существовании дикого мальчика, что, по-видимому, указывает на замкнутый

образ жизни Виктора. Тот факт, что Виктор продолжал жить на тогдашней периферии Парижа, позволяет предположить, что он не забыл о своей прежней жизни в сельской глубинке.

Итар продолжал работать в институте и на основе своего опыта обучения Виктора разработал несколько обучающих методик, успешно применявшихся для развития глухонемых детей. Он сделал успешную карьеру и стал общепризнанным и уважаемым экспертом в области обучения глухих людей. В конце своей карьеры он работал с подававшим большие надежды молодым ученым по имени Эдуар Сегуэн (Edouard Seguin). Методы Итара произвели на Сегуэна большое впечатление, и позднее он сам разработал несколько программ для умственно отсталых людей. Итальянский психиатр Мария Монтессори, в свою очередь, испытала на себе воздействие достижений Сегуэна и основала насколько «школ Монтессори», в которых до сегодняшнего дня на занятиях используют вырезанные из бумаги геометрические фигуры и буквы — как и во времена занятий Итара с Виктором. И Монтессори, и Сегуэн признавали, что они многим обязаны Итару. Но у подхода Итара было и немало критиков. Например, Итар, хотя и в силу вынужденных обстоятельств, держал своего подопечного в изоляции от других детей. Это лишило Виктора потенциально важной возможности научения от сверстников и важных для человека форм социального взаимодействия. По-видимому, Виктор был обречен провести всю жизнь в довольно строгой социальной изоляции. Также утверждается, что Итар должен был попытаться научить его языку жестов. Остается неясным, оказалось бы это обучение успешным, но оно, безусловно, приносило положительные результаты в других, менее сложных случаях.

Постскриптум

Какой же вывод можно сделать из истории Виктора? Исследования случаев брошенных детей, подобных этому, вносят важный вклад в дискуссию о соотношении ролей природы и воспитания, но, как было установлено в ходе более поздних исследований, всегда имеется неясность относительно того, были ли недостатки ребенка врожденными или же они появились у него в период изоляции. В случае с Виктором имеются две противоположные точки зрения. Заявление о том, что Виктор родился «идиотом» (по определению Сикара), неспособным продемонстрировать реального прогресса ни в чем, выглядит неоправданно категоричным. Виктор действительно добился определенных успехов под руководством Итара, а то, что он сумел в одиночку прожить в лесу несколько лет, говорит о наличии у него определенного интеллекта. Другая точка зрения заключается в том, что Виктор, возможно, страдал от определенного психологического дефицита или проявлений насилия до того, как оказался брошенным в лесу, и его физические и психические способности пострадали в результате многолетней изоляции.

Остается неясным, какое из этих двух объяснений является более правильным. Итар придерживался второй точки зрения и потратил почти пять лет своей жизни на то, чтобы попытаться справиться с последствиям изоляции Виктора. Остается не совсем ясным, можно ли считать его усилия успешными или нет, так как мы не можем представить, а тем более доказать, какие последствия имело для маленького ребенка семилетнее пребывание в лесу. Кроме того, не имея базового уровня для оценки способностей Виктора, невозможно измерить фактически достигнутые улучшения. Имеющиеся данные говорят о том, что он не был рожден «идиотом», но что, возможно, имел какие-то особые потребности, например связанные с наличием у него определенной формы аутизма. Есть несколько форм аутизма, но обычно все они сопряжены с неспособностью к нормальному развитию, которая существенно влияет на вербальные и невербальные коммуникации и социальное взаимодействие.

Период изоляции Виктора, безусловно, оказал глубокий эффект на его физическое, эмоциональное и социальное развитие. Не вызывает сомнений, что детство является критическим периодом для развития многих навыков, в том числе и речевых, однако некоторые из недостатков развития ребенка могут быть преодолены в результате

интенсивного обучения в более позднем возрасте. Случай Виктора является одним из самых известных случаев (наряду со случаем Джини, описанным в гл. 1) изоляции детей.[66] Известны и многие другие дети, найденные в условиях дикой природы, как девочки, так и мальчики, которые предоставили дальнейшие свидетельства эффектов депривации и нормальной социализации. Эти дети росли в самых разных условиях: например, в 2004 году в Сибири был найден мальчик, живший вместе с собаками, а в 1945 году исследователи обнаружили мальчика, выросшего среди страусов.[67]

Многие из этих случаев способствовали продолжению дискуссии о том, что означает быть «человеком». Хотя всех этих детей можно классифицировать как homo sapiens, все же им требуется что-то еще для того, чтобы их можно было назвать обладающими всеми характеристиками «человеческого существа». Дети рождаются с большим потенциалом, но для того, чтобы научить их быть «людьми», необходима соответствующая воспитательная среда. Детям, лишенным такой среды в результате изоляции или иных злоупотреблений со стороны взрослых, бывает очень трудно, а часто вообще невозможно преодолеть последствия воздействия этих негативных факторов на более поздних этапах своего развития. Пример Виктора доказывает это со всей очевидностью.

Постскриптум к успешной (или неудачной) истории о диком мальчике из Авейрона был написан самим Итаром через двадцать лет после ее завершения. Итар сообщал о том, что «значительная часть моего времени из тех шести лет была посвящена этому важному эксперименту. Мальчик... не получил в результате моих усилий всех тех выгод, которые я надеялся ему обеспечить. Но те многочисленные наблюдения, которые я смог сделать, те обучающие процедуры... не пропали бесследно, и позднее я использовал их с гораздо большим успехом в работе с детьми, немота которых была вызвана менее серьезными причинами».

Два маленьких мальчика: история маленького Альберта и маленького Питера

В истории психологии сохранились имена многих ученых, которые с помощью своих теорий пытались полностью объяснить все аспекты человеческого поведения. Один из таких ученых по имени Джон Уотсон (J. B. Watson) выдвинул объективную научную теорию психологии поведения, получившую название теории бихевиоризма. Уотсон утверждал, что процесс научения должен исследоваться без учета внутренних психологических процессов. Он отвергал идею интроспекции и концентрировал внимание на наблюдаемом поведении и на том, как происходит научение человека или животного посредством адаптации к окружающей среде; в терминах классического философского спора о соотношении ролей природы и воспитания акцент делался именно на «воспитании». Иван Павлов, работавший в России, уже продемонстрировал влияние условных рефлексов на простые типы поведения, такие как слюновыделительная реакция у собак, но Уотсон предположил, что более сложные формы поведения человека также могут легко вырабатываться в виде условных рефлексов. Чтобы проверить эту гипотезу, он решил взять одиннадцатимесячного младенца и попытаться выработать у него условную реакцию страха на раздражитель, который ранее воспринимался как нейтральный. Так началось одно из самых известных исследований в истории психологии: тестирование маленького Альберта.

---

[66] История двух девочек — Амалы и Камалы, найденных жившими среди волков в 1920 году в Индии, является, возможно, не менее известной. Она подробно описана в: Candland D. K. *Feral Children and Clever Animals: Reflections on Human Nature* . Oxford: Oxford University Press, 1993.

[67] Другие удивительные истории о диких детях можно найти на веб-сайте: www.feralchildren.com.

Предыстория исследования

В начале своей научной карьеры Джон Бродус Уотсон (John Broadus Watson) занимался вопросами научения животных, но в 1916 году переключил внимание на маленьких детей. Заинтересовавшись использованием условных рефлексов в качестве метода проверки органов чувств младенцев, он начал писать статью о выработке условного рефлекса страха у человека. Он заметил, что его собственные дети не были приучены бояться грома и молнии, и начал придумывать методы, с помощью которых он мог бы вызывать условные реакции страха в ходе лабораторного эксперимента. Его первые попытки подавить «хватательную» реакцию детей на зажженную свечу потребовали более 150 проб (главным образом потому, что он не хотел, чтобы дети серьезно обожгли себе руки) и, таким образом, не были эффективной демонстрацией силы условных рефлексов.

Так называемое исследование маленького Альберта было проведено в самом конце 1919 года (точные даты его проведения остались неизвестными). Результаты этого исследования были опубликованы Уотсоном и его помощницей Розалией Рейнер (Rosalie Rayner)[68] в 1920 году. Уотсон и Рейнер утверждали, что сложный набор человеческих эмоций, проявляемых взрослыми людьми, является результатом научения через взаимодействие с окружающей средой. Они решили наглядно продемонстрировать этот факт с помощью серии экспериментов с участием одиннадцатимесячного младенца, которого они называли «Альберт Б.». Люди, видевшие Альберта в то время, описывали его как нормального ребенка, хорошо развитого для своего возраста и имеющего флегматичный характер — «бесстрастный и неэмоциональный». Он был выбран Уотсоном и Рейнер просто из-за его доступности для проведения исследований (его мать работала нянькой в местном приюте для детей-инвалидов), а также потому, что, обладая таким сильным и устойчивым характером, он, по их мнению, получил бы в результате исследований «относительно мало вреда». Использование подобных фраз предполагает, что они с самого начала знали, что какой-то вред ребенку действительно может быть нанесен.

В возрасте одиннадцати месяцев Альберт прошел множество тестов на проверку эмоциональных реакций. Для их оценки ему показывали белую крысу, кролика, собаку, обезьяну, различные маски, хлопковую пряжу и горящую газету. Его реакции на эти стимулы были засняты на пленку, и Альберт не проявил страха ни в одной из ситуаций, в которых он оказывался. Во время тестирования было замечено, что он редко плакал, а поскольку Уотсону и Рейнер нужно было проверять именно его реакцию страха, им необходимо было разработать метод, позволяющий вызывать это чувство в ребенке. Возможно, помня о реакции его собственных детей на гром, Уотсон разработал метод, в соответствии с которым один из исследователей без предупреждения бил молотком по метровой стальной полосе, подвешенной рядом с Альбертом, но вне его поля зрения. Эта процедура оказывала желаемый эффект. Альберт немедленно начинал испытывать дискомфорт при возникновении такого неожиданного и неприятного звука: его дыхание становилось неровным, губы дрожали, а руки тянулись вверх. После третьего удара «ребенок разражался громким плачем».[69]

Вопросы, требовавшие рассмотрения

В своей статье Уотсон и Рейнер утверждали, что затем они потратили еще два месяца на обдумывание процедуры, которую могли бы использовать в своем исследовании. Безусловно, их беспокоили возможные негативные влияния эксперимента на Альберта. Тем не менее, они решили, что многие из его реакций страха, которые они собирались вызвать, могут возникать и естественным образом в «обычной домашней суматохе».[70] Поэтому, взяв

---

[68] Watson J. B., Rayner R. Conditioned emotional reactions // *J. exp. Psychol* . 1920. № 3 (1). P. 1-14.

[69] Watson and Rayner. *Conditioned emotional reactions* , p. 2.

[70] Там же.

Альберта, которому исполнилось одиннадцать месяцев и три дня, они приступили к серии своих новаторских экспериментов.

Они поставили перед собой задачу ответить на следующие вопросы. Можно ли было вызвать страх перед животным, показывая его младенцу и одновременно нанося удар по стальной полосе? Стала бы такая условная эмоциональная реакция переноситься на других животных? Как долго могла бы длиться такая реакция? А кроме того, какие методы можно было бы разработать для устранения такой реакции, если бы она не затухала немедленно?

Для получения ответа на первый вопрос они показали Альберту белую крысу, которую достали из корзины. Не проявляя никакого страха, Альберт потянулся к крысе левой рукой, и как только он ее коснулся, один из исследователей ударил молотком по железной полоске, подвешенной за головой младенца. Альберт резко отпрянул и спрятал лицо в матрасе. Вскоре он вновь потянулся к крысе, и снова раздался громкий удар. Альберт закрыл лицо и захныкал. Уотсон и Рейнер сообщали, что «для того чтобы не беспокоить ребенка сверх меры, в течение недели с ним не проводили никаких экспериментов».[71] Ровно через семь дней ему снова показали крысу, но без звукового сопровождения. Так как Альберт не делал попыток дотронуться до крысы, то они пододвинули ее к нему поближе. Альберт немедленно отдернул руку. Было ясно, что его поведение изменилось всего после двух презентаций, а достигнутый эффект сохранялся в течение недели. Затем они дали Альберту кубики, чтобы убедиться, что у него нет условной реакции страха на полученные предметы, и он действительно не проявил страха и стал играть с кубиками в обычной манере. После этого кубики у него забрали и провели пять показов крысы, сопровождавшихся ударами молотка по стальной полоске. Альберт продемонстрировал разные уровни беспокойства в каждом случае. После этих презентаций, когда крыса была показана ему без звукового сопровождения, Альберт закричал, повернул голову и стал быстро отползать в сторону. Причем он отползал настолько быстро, что они едва успели схватить его на краю стола, на котором он находился. Как сообщали Уотсон и Рейнер, «это была настолько убедительная демонстрация условной реакции страха, насколько ее можно было представить себе теоретически».[72] Для этого потребовалось всего семь совместных презентаций (крысы и звукового эффекта) в течение семидневного периода. Так они нашли ответ на первый вопрос: действительно, можно вызвать условную реакцию страха перед животным, представляя его визуально совместно с неприятным, неожиданным и необъяснимым звуком.

Представляется очевидным, что Альберт выработал условную (в результате научения) эмоциональную реакцию (страх). До экспериментов по выработке условного рефлекса он не проявлял никакого страха перед крысой, которая представляла собой нейтральный стимул. Удар молотком по стальной полоске был безусловным стимулом (БС), поскольку он естественным образом вызывал у Альберта реакцию страха (безусловный рефлекс, или БР). При повторных показах крысы в сопровождении неприятного звука сам вид крысы становился условным стимулом (УС) и порождал у Альберта усвоенную реакцию страха (условная реакция, или УР). Эта классическая процедура выработки условного рефлекса[73] показана на рис. 13.1.

Через пять дней маленький Альберт вновь оказался в комнате для экспериментов. Он с

---

[71] Watson and Rayner. *Conditioned emotional reactions* , p. 2.

[72] Там же.

[73] Наиболее известный психолог-бихевиорист Дж. Скиннер назвал этот тип научения «ответным формированием условного рефлекса», потому что он предусматривает ответную реакцию на предшествующие внешние условия.

удовольствием играл своими кубиками, что говорило об отсутствии эффекта переноса страха на другие объекты, такие как комната, стол или кубики. Затем ему показали крысу, и он продемонстрировал условную реакцию страха. Для проверки наличия переноса реакции страха на других животных был показан кролик. Альберт отреагировал мгновенно. Он отклонился назад на максимально возможное расстояние и начал плакать. Когда кролика придвинули к нему еще ближе, он быстро отполз в сторону, как он делал это в случае с крысой. Через какое-то время, в течение которого он играл со своими кубиками, ему показали собаку. Реакция Альберта была не такая отчетливая, как в случае с кроликом, но все равно выразилась в плаче. Были проверены и другие предметы. В их числе оказались меховое пальто из морского котика (закричал и уполз прочь), хлопковая пряжа (вызвала наименьший страх) и маска Санта-Клауса. Один из исследователей приблизил к нему свою голову, чтобы узнать, испугается ли Альберт его шевелюры. (Резкую негативную реакцию вызвала маска, а реакция на шевелюру была более слабой.) Так Уотсон и Рейнер получили ответ на свой второй вопрос: условная реакция страха действительно переносилась или распространялась на других животных, как и на некоторые сходно выглядящие предметы.

И вновь через пять дней маленького Альберта вернули в экспериментаторскую комнату и поместили на матрас, разложенный на столе. Уотсон и Рейнер решили усилить его реакцию страха на собаку и кролика и поэтому дополнили показ этих животных ударом молотком по железной полосе. Затем его отнесли в более просторную комнату, освещенную солнцем. Они хотели проверить, будут ли его реакции точно такими же в условиях, отличных от первоначальных. Альберту по отдельности были показаны крыса, кролик и собака. При каждом показе они отмечали слабую реакцию страха, но по их описаниям она не казалась столь же заметной, как реакции Альберта в исходных экспериментальных условиях. Затем экспериментаторы решили «освежить реакцию на крысу», дополнив показ крысы звуком. После единственной презентации крысы одновременно с ударом молотком по железу в новых условиях Альберт проявил реакцию страха на отдельно показанных ему крысу и кролика. При первоначальном показе собаки он не проявлял такой заметной реакции страха, но когда собака, оказавшись в шести дюймах от его лица, громко залаяла, Уотсон и Рейнер заметили, что этот лай вызвал явную реакцию страха как у Альберта (немедленный вопль), так и у всех присутствовавших экспериментаторов! Уотсон и Рейнер сделали вывод о том, что эмоциональные переносы действительно происходят и что они не зависят от экспериментальных условий. Затем они начали выяснять, как долго может сохраняться такая реакция.

Уотсон и Рейнер знали, что Альберт должен покинуть больницу через месяц и что, следовательно, месячный срок является максимальным периодом проверки длительности сохранения реакции. В течение этого месяца они не занимались выработкой условных рефлексов у Альберта, хотя и еженедельно давали ему тесты на развитие, например тесты на праворукость и леворукость, т. е. на предпочтение к левой или правой руке. Через три недели после его первого дня рождения у Альберта проверили его эмоциональные реакции на стимулы, которые прежде воспринимались им как условные. Увидев маску Санта-Клауса, он отпрянул назад, а когда его «заставили коснуться ее рукой», захныкал и закричал. Когда ему показали меховое пальто из морского котика, он немедленно отдернул от него руки и также начал хныкать; когда исследователи пододвинули пальто ближе к нему, он постарался его отбросить. Затем ему вновь дали его кубики, с которыми он стал с удовольствием играть, демонстрируя свою способность различать стимулы. После этого Альберт позволил крысе приблизиться к нему, оставаясь совершенно спокойным. Но когда крыса коснулась его руки, он немедленно ее отдернул. Когда Уотсон и Рейнер посадили ему крысу на руку, он начал проявлять беспокойство. Они позволили крысе пробежать по его груди, и тогда он закрыл глаза обеими руками. Реакция Альберта на кролика поначалу была спокойной, но через несколько секунд он попытался оттолкнуть его ногами. Однако когда кролик приблизился, Альберт потянулся к нему и потрогал его ухо; когда же кролика посадили ему на колени, Альберт заплакал и, чтобы почувствовать себя комфортнее, начал сосать палец. Когда

Альберту показали собаку, он начал кричать и закрывать лицо руками. Уотсон и Рейнер сделали вывод о том, что эти эксперименты «убедительно показали, что непосредственно вызываемые условные эмоциональные реакции, а также условные реакции, возникающие в результате переноса, сохраняются в течение более одного месяца, хотя их интенсивность ослабевает».[74]

Уотсон и Рейнер планировали также проверить устранение условных эмоциональных реакций у Альберта, но это оказалось невозможным. По их собственным словам, «Альберта забрали из больницы накануне того дня, на который были намечены эксперименты».[75] Они сделали вывод о том, что условные эмоциональные реакции, которые они выработали у Альберта, сохранялись бы бесконечно долго, если бы не появился случайный метод их устранения. Тем не менее, Уотсон и Рейнер описали, как бы они попытались устранить условные реакции у Альберта. Они предполагали постоянно показывать условный стимул (крысу) без использования безусловного стимула (звука), и таким образом в результате многократного повторения этой ситуации ребенок должен был привыкнуть к стимулам. В качестве альтернативы они могли бы попытаться «переделать» условный рефлекс за счет объединения приятных ощущений с вызывающими страх стимулами. Они предполагали, что могли бы давать Альберту конфеты одновременно с показом крысы или же «стимулировать ему эрогенные зоны (касанием)... сначала губы, затем соски и, как последнее средство, половые органы».[76]

В свой первоначальный отчет, опубликованный в 1920 году, Уотсон и Рейнер включили и другие свои размышления об этом исследовании. Они обсудили тот факт, что Альберт, встревоженный показанным ему стимулом, для самоуспокоения часто сосал большой палец. Они отметили, что при этом он становился невосприимчивым к вызывающему страх стимулу. Чтобы остановить этот процесс, исследователям приходилось постоянно вытаскивать его палец изо рта.

Выводы из случая маленького Альберта

Какие же выводы мы можем сделать из этого исследования? Удалось ли Уотсону и Рейнер продемонстрировать приобретение фобии (преувеличенного, алогичного страха перед объектом или категорией объектов) посредством классического процесса выработки условных рефлексов? Следует ли считать это исследование новаторским с точки зрения изучения влияния классических условных рефлексов на поведение и имеются ли здесь разумные основания для озабоченности этичностью обращения с участником эксперимента, а также критические методологические замечания, которые невозможно игнорировать?

Одна из проблем с изучением маленького Альберта состоит в том, что этот случай породил множество разноречивых мнений и мифов. Утверждалось, что «большинство отчетов об исследовании Альберта, подготовленных Уотсоном и Рейнер, демонстрируют столько искажений, сколько они имеют на самом деле. Что касается информации о самом Альберте, относящейся к базовым экспериментальным методам и результатам, то ни одна из деталей исходного исследования не избежала неверного представления в рассказах и пересказах, появившихся в научном фольклоре».[77]

Известно, что во многих учебниках были допущены серьезные ошибки в описании деталей исследования, о которых сообщалось в первой статье, опубликованной в 1920 году. Эти ошибки были обусловлены многими факторами. Наиболее вероятным источником

---

[74] Watson and Rayner. Conditioned emotional reactions, p. 6.

[75] Watson and Rayner. Conditioned emotional reactions, p. 6.

[76] Там же.

[77] Harris B. Whatever happened to Little Albert? // *Amer. Psychologist* . 1979. Vol. 34 (2). P. 151-160.

недоразумений и, возможно, наиболее неожиданным является сам Уотсон. Дело в том, что в последующие годы Уотсон написал несколько статей с уточнением деталей исследования поведения Альберта, в которых он, по-видимому, часто представлял некоторые важные подробности не так, как в первой статье.[78] Например, Уотсон больше не упоминал о том, что он и Рейнер точно знали, когда Альберта должны были забрать из больницы, и о том, что «переопределение» его условных рефлексов будет невозможным. Сознательно ли Уотсон упускал эту важную подробность, чтобы придать исследованию более гуманный вид?

Примерами ошибок, допущенных в учебниках, являются упоминания других стимулов, использовавшихся при выработке условных рефлексов: мужской бороды, кошки и игрушечного медвежонка. Во многих учебниках сообщается, что Уотсон и Рейнер якобы избавили Альберта («переопределили» его условные реакции) от приобретенных страхов. Возможно, причинами таких ошибок было желание рассказать этически безупречные истории и/или обеспечить «подгонку» результатов к повседневным объяснениям того, как работает человеческий организм, т. е., по сути, сделать результаты вызывающими большее доверие. Считается также, что такие изменения помогли представить исследование и самого Уотсона в более благоприятном свете. В противном случае, критические замечания в адрес исследования могли бы рассматриваться как критика бихевиоризма и его ведущего и наиболее влиятельного представителя.

Так чем же были эти ошибки: мелкими неточностями или чем-то более серьезным? При более пристальном рассмотрении этой истории можно сделать несколько важных методологических замечаний по поводу исходного исследования 1920 года. Эти замечания касаются, в частности, удаления изо рта большого пальца Альберта, с тем чтобы вызвать у младенца реакции страха; принуждения к касанию к некоторым (но не всем) раздражителям (стимулам); решения периодически «чуть-чуть освежать реакцию страха». Эти действия предполагают, что процедуры проведения эксперимента не были стандартизированы. Отсутствие подробной регламентации таких действий ставит под сомнение точность использованных методов проведения экспериментов. Все это очень серьезные критические замечания в адрес самого исследования и особенно заявлений Уотсона об использовании им объективных научных методов. Другая проблема с исследованием случая Альберта состоит в том, что в дальнейшем ученые не могли повторить проведенные эксперименты, что является обязательным для любого научного исследования и служит еще одним свидетельством того, что «процесс выработки условных рефлексов является не таким простым, как предполагает история Альберта».[79]

Почему же Уотсон не повторил свои эксперименты с Альбертом на других детях? Действительно, в начале своей карьеры Уотсон занимался изучением животных и никогда прежде не полагался на результаты исследования только одного испытуемого. Многие авторы книг предполагают, что Уотсон не смог сделать этого по причине своего ухода из Университета Джона Хопкинса вскоре после проведения первоначального исследования. И вновь такие истории могут отражать желание сделать отчет вызывающим большее доверие, так как фактически Уотсон продолжал работу в университете до сентября 1920 года, т. е. еще шесть месяцев после опубликовании статьи об Альберте. Кроме того, в последующие годы Уотсон продолжал принимать активное участие в бихевиористских исследовательских проектах и, наверняка, имел возможность повторить свое первоначальное исследование.

Имеются и вопросы по поводу того, в какой степени вызывалась у маленького Альберта реакция страха.[80] Предполагалось, что у Альберта не выработалось ни фобии к

---

[78] Watson J. B., Watson R. R. Studies in infant psychology // *Scientific Monthly* . 1921. Vol. 13. P. 493-515.

[79] Hilgard E., Maquis D. *Conditioning and Learning* . New York: Appleton-Century 1940. p. 293.

[80] Harris. Whatever happened, p. 151-160.

крысам, ни даже отчетливого страха перед ними или любыми другими животными. Даже в исходной статье описание реакции Альберта на крысу после восьми опытов по выработке условных рефлексов, проведенных в течение десяти дней, указывало на то, что хотя он и пытался уползать в сторону, это действие сопровождалось «не криком, а, как ни странно, урчанием и воркованием». Есть и другие описания, такие как «реакция страха слабая... позволил крысе подойти к нему и не отпрянул назад», «неуверенно и медленно потянулся вперед и коснулся уха кролика правой рукой и, наконец, поиграл им». Все эти реакции с учетом интенсивности их проявления вряд ли напоминают явно выраженные страхи или фобии. Сколько людей, боящихся пауков, согласятся дотронуться до одного из них?

С учетом всех этих несоответствий неудивительно, что исследование «не могло стать эталоном подкрепленного строгими научными доказательствами исследования условных рефлексов человека».[81] Даже сам Уотсон описывал его как проведенное «в таких нечетко заданных условиях, что из него нельзя было сделать каких-то надежных выводов; поэтому, подобно многим другим работам в области психологии, оно должно рассматриваться как предварительная демонстрация возможностей, а не как законченный перечень практических результатов».[82] Эта цитата резко отличается от приведенной выше, в которой Уотсон и Рейнер описывают исследование Альберта как «настолько убедительный пример выработки условной реакции страха, насколько его можно было представить себе теоретически». Итак, в какую же версию мы должны поверить и почему это исследование стало «классическим»?

Научные споры

В конце своей статьи Уотсон и Рейнер высмеивали психоаналитика-фрейдиста, который мог бы заняться изучением фобии Альберта. Они писали: «Через двадцать лет фрейдисты, если их гипотезы не изменятся, анализируя страх Альберта перед пальто из меха морского котика (при условии, что он придет к ним на сеанс), возможно, будут упрашивать его пересказать им содержание его сна и скажут, что Альберт в возрасте трех лет пытался играть с волосяным покровом на лобке своей матери и получил за это взбучку. (Мы никоим образом не отрицаем, что это могло бы вызвать условную реакцию в любом другом случае.) Если бы психоаналитик в достаточной степени подготовил бы Альберта к признанию такого сна в качестве объяснения его избегательных тенденций и если бы психоаналитик обладал властью и личным авторитетом для того, чтобы добиться своей цели, то Альберт, возможно, был бы полностью убежден в том, что его сон действительно раскрыл все факторы, приведшие к возникновению этого страха».[83]

Само по себе включение этого абзаца позволяет сделать два вывода. Во-первых, Уотсон и Рейнер считали возможным сохранение фобии Альберта и в подростковом возрасте. Во-вторых, это говорит о довольно неосторожном или легкомысленном отношении к той ситуации, в которой оказался Альберт. Каким бы ни было их мнение о фрейдистских интерпретациях, представляется невероятным, чтобы Уотсон и Рейнер сочли возможным сознательно использовать несчастное положение Альберта (в котором он оказался исключительно в результате их действий) для высмеивания взглядов психотерапевтов-фрейдистов на возникновение фобий.

Этические проблемы

Исследование, проведенное Уотсоном и Рейнер, оказалось бы невозможным, если бы они следовали этическим принципам, принятым в наши дни. Кто-то может возразить, что несправедливо применять современные этические стандарты к исследованию, выполненному

---

[81] Samuelson F.J. B. Watson's Little Albert, Cyril Burt's Twins and the need for a critical science // *Amer. Psychologist* . 1980. Vol. 35 (7). P. 619-625 (данная цитата на с. 621).

[82] Watson and Watson. Studies in infant psychology, p. 493-515.

[83] Watson and Rayner. Conditioned emotional reactions, p. 7.

более восьмидесяти лет назад. Действительно, этичность методов, использовавшихся Уотсоном и Рейнер, по-видимому, не вызывала в то время явной критики,[84] и изменение требований этики, произошедшее в нашей культуре, представляет интерес само по себе. В 1920 году психологи не имели свода этических норм, которые они должны были соблюдать. Имеется мало сомнений в том, что, по крайней мере, одна из сегодняшних ключевых норм этики, а именно — обязательная защита участника эксперимента от любых физических и психических травм, — была нарушена. Альберт, безусловно, страдал от причинявшихся ему расстройств, и его дискомфортное состояние могло сохраняться и после завершения исследования. Уотсон и Рейнер писали, что, к их глубокому сожалению, Альберта забрали из больницы до того, как они получили возможность «переопределить» его условные рефлексы. Как отмечалось выше, в их последующих статьях сообщается о том, что выписка Альберта из больницы оказалась для них полной неожиданностью, но при более внимательном прочтении исходного отчета становится ясным, что они знали об этом за месяц вперед. Но в любом случае, насколько трудно было вернуть Альберта в больницу позднее и убедить его мать дать им шанс «переопределить» условные рефлексы ее сына? Вопрос о том, насколько активно они пытались минимизировать любой постоянный вред, причиняемый Альберту, остается без ответа. Первоначально Уотсон и Рейнер обсуждали возможность причинения ребенку вреда, но затем заявили о своем намерении двигаться вперед, поскольку пришли к выводу о том, что многие условные эмоциональные реакции, которые они планировали исследовать, уже могли вырабатываться у Альберта в повседневной жизни, в «обычной домашней суматохе». Этот вывод мог удовлетворить Уотсона и Рейнер, но остается неясным, с каким количеством реакций им пришлось столкнуться. Многим детям доводилось видеть кроликов, но, скорее всего, при этом у них над головой не раздавался неожиданный и неприятный громкий звук. Первоначально большинство детей позитивно воспринимают кроликов и собак; эти позитивные ассоциации, возникающие в раннем детстве, вызывают у многих детей желание иметь дома каких-нибудь животных. Хотя представляется очевидным, что у какой-то малой части детей в силу особых обстоятельств фобии (например, по отношению к собакам) возникают естественным образом, это не оправдывает намеренное развитие фобий у детей.

Возможно, для Альберта оказалось благом, что Уотсону и Рейнер не удалось «переопределить» его условные рефлексы, так как методы, которые они собирались для этого использовать, выглядят крайне сомнительными. Часто сообщалось, что они собирались осуществить это за счет объединения показа крысы (к тому моменту условного стимула) с приятным стимулом, например конфетами, для того, чтобы попытаться устранить эффекты неприятных звуковых ассоциаций. Однако, как мы уже видели, они предполагали использовать также и другие методы, включая тактильную стимуляцию губ, сосков и, в качестве последнего средства, половых органов. Об этом сообщалось гораздо менее охотно, однако сегодня эти возмутительные методы, без сомнения, были бы восприняты как форма сексуального насилия над ребенком.

Другие исследования: маленький Питер

Уотсон действительно контролировал и консультировал проведение дальнейших исследований, направленных на изучение поведения детей, их страхов и фобий. Эти эксперименты, хотя и контролировались Уотсоном, фактически, проводила Мэри Ковер Джонс (Mary Cover Jones).[85] Целью исследований было системное изучение наилучшего метода избавления детей от страхов. Участниками экспериментов были дети (в возрасте от трех месяцев до семи лет) из местного детского дома, которые уже испытывали страхи в каких-то ситуациях, например связанных с темнотой, внезапным показом крысы, кролика,

---

[84] Gross R. D. *Key Studies in Psychology* (4th edn). London: Hodder and Stoughton, 2003. P. 311.

[85] Jones M. C. Elimination of children's fears // *J. Exp. Psychol* . 1924. Vol. 7. P. 381-390.

лягушки и т. д. Джонс опробовала множество разных методов избавления от страха, включая и метод непосредственной выработки условного рефлекса.

Ребенка, участвовавшего в экспериментах по непосредственной выработке условных рефлексов, назвали Питером.[86] Случай маленького Питера, который обычно рассматривается как продолжение исследования маленького Альберта, дал Уотсону и Джонс шанс проверить принципы «переопределения» условного рефлекса, которые они не сумели проверить на Альберте. Питер, которому исполнилось два года и десять месяцев, очень боялся крыс, кроликов, меховых пальто, хлопковой пряжи и многого другого. Первоначально Уотсон и Джонс пытались ослабить его страхи с помощью методов моделирования, т. е. позволяли ему наблюдать за другими детьми, весело игравшими с белым кроликом (источником его страха), и контактировать с ними. С каждым днем кролика помещали все ближе и ближе к Питеру, и этот «постепенный» метод, по-видимому, оказывал позитивный эффект в такой степени, что, в конце концов, мальчик осмелился погладить кролика по спине. К сожалению, вскоре Питер заболел скарлатиной, и однажды, во время наступившего двухмесячного перерыва в экспериментах, был сильно напуган большой собакой. Это событие, по сообщениям Уотсона и Джонс, означало, что его страхи перед различными животными, включая кролика, восстановились. Был разработан новый метод. Он предусматривал показ пищи (безусловный приятный стимул) одновременно с показом кролика (условный стимул). Кролик постепенно придвигался все ближе к Питеру одновременно с его любимой едой. Питер становился все более и более толерантным к кролику (предположительно благодаря тому, что ассоциировал его с пищей) и, в конце концов, стал касаться его безо всякого страха. Когда же его страхи спонтанно возвращались, исследователи использовали сходный метод выработки подавления условного рефлекса, при котором Питеру разрешалось спокойно играть, в то время как кролик в течение ряда сеансов пододвигался к нему все ближе и ближе. В конце концов, Питер стал весело играть с кроликом. Считается, что этот эксперимент был первым случаем поведенческой терапии и что именно он заложил фундамент для последующей работы Джозефа Вольпе (Joseph Wolpe) по систематической десенсибилизации. Хотя заслуги в разработке этого метода обычно приписывают Вольпе,[87] сам он признавал, что многим был обязан Мэри Ковер Джонс. За эксперименты с маленьким Питером и другие более поздние работы она получила неофициальный титул «матери бихевиоральной терапии».

Что случилось с маленьким Альбертом и Уотсоном?

Не существует сведений о том, что произошло с маленьким Альбертом и сохранились ли его страхи в период отрочества или же со временем они постепенно исчезли (возможно, под влиянием привычки или выработки какого-то противоположного условного рефлекса). С большей достоверностью мы можем рассказать о том, что произошло с Уотсоном. В период проведения экспериментов с маленьким Альбертом у него возникли внебрачные отношения с его помощницей Розалией Рейнер. Из-за громкого скандала, разразившегося после того, как эта история получила широкую огласку, Уотсон был вынужден отказаться от дальнейшей работы в университете, даже несмотря на то, что его идеи завоевывали все больше и больше сторонников в научном сообществе. В 1920-х годах еще не был разработан кодекс этических принципов, способных защитить таких участников экспериментов, как Альберт, но зато существовали строгие нормы морали, которые должны были соблюдать ученые. Глубоко огорченный отставкой, Уотсон начал использовать свои знания психологии и поведения человека в гораздо более высокооплачиваемой области рекламы. Он первым стал использовать методы выработки условных рефлексов в рекламных кампаниях. Уотсон был убежден, что успешная реклама зависит не только от качества рекламируемого товара,

---

[86] Jones M. C. A laboratory study of fear: the case of Peter // *Pedagogical Seminary* . 1924. Vol. 31. P. 308-315.

[87] Wolpe J. *Psychotherapy by Reciprocal Inhibition* . Stanford, Conn.: Stanford University Press, 1958.

но и от тех эмоциональных реакций, которые будут ассоциировать с каждым из товаров потребители. Исходя из этого, он настойчиво просил рекламодателей «рассказывать ему о том, что может вызывать страх, умеренный гнев, сочувственную или любовную реакцию или же порождать психологическую или привычную потребность».[88]

В настоящее время, отчасти и благодаря Уотсону, классическое формирование условных рефлексов применяется во многих рекламных объявлениях. Идея заключается в создании объявления (безусловный стимул), которое вызывает позитивную реакцию (безусловная реакция) у видящей это объявление публики. Таким образом, рекламируемый товар становится условным стимулом. В следующий раз во время шопинга потребители ассоциируют свое позитивное чувство к рекламе с товаром. Позитивное чувство к товару становится теперь условным рефлексом, и рекламодатель рассчитывает, что этот рефлекс заставит потребителей покупать его товар, чтобы пролонгировать свою позитивную реакцию.

Используя такие технологии, Уотсон помог разработать креативные рекламные кампании для многих известных брендов, в том числе для кофе «Maxwell House», желе «Pond», детской присыпки «Johnson», дезодоранта «Odorono» и зубной пасты «Pebesco». В рекламе детской присыпки он играл на страхах молодых матерей, заботящихся о своих детях. В рекламной кампании зубной пасты он ассоциировал бренд со стимулами, имеющими сексуальный подтекст. Легкомысленно одетая молодая женщина курила сигарету, а текст рекламного объявления гласил: «Вы можете курить и все равно оставаться желанной, если будете два раза в день чистить зубы пастой "Pebesco"». В данном случае привлекательная женщина служила безусловным стимулом, а зубная паста была условным стимулом.

Уотсон также уделял большое внимание эмпирическим маркетинговым исследованиям и подчеркивал важность изучения потребителя с помощью строгих научных методов. Он рассматривал процесс продажи как испытательный полигон для проверки рекламы и часто проводил параллели между потребителями и участниками экспериментов. Он верил, что подобно тому, как сам он манипулировал поведением Альберта, рекламодатели с помощью соответствующих положительных стимулов также могут манипулировать покупательским поведением потребителей. В целях совершенствования такого манипулирования Уотсон разработал методы проведения маркетинговых исследований; он также одним из первых стал заниматься изучением концепции лояльности бренду. Активное изучение этой концепции рекламодателями продолжается и по сей день.

Успехи Уотсона в рекламной деятельности позволили ему стать в 1924 году вице-президентом рекламного агентства J. Walter Thompson (JWT) — одного из крупнейших рекламных агентств в мире. Однако его личная жизнь складывалась не столь успешно. Вскоре после развода со своей первой женой он женился на Розалии Рейнер. Розалия родила ему двоих детей, но, к несчастью, умерла в возрасте тридцати пяти лет вследствие осложнения, вызванного перенесенной ранее дизентерией. Уотсон ушел из рекламного бизнеса в 1945 году. Незадолго до смерти, в 1958-м, он сжег все свои неопубликованные научные труды.

В одном из наиболее известных (и наиболее часто цитируемых) высказываний Уотсона подчеркивается влияние внешней среды на поведение: «Дайте мне дюжину здоровых, нормально развитых младенцев и мой собственный особый мир, в котором я буду их растить, и я гарантирую, что, выбрав наугад ребенка, смогу сделать его по собственному усмотрению специалистом любого профиля — врачом, адвокатом, торговцем и даже попрошайкой или вором — вне зависимости от его талантов, наклонностей,

---

[88] Buckley K. W. The selling of a psychologist; John Broadus Watson and the application of behavioral techniques to advertising // *J. History Behavioral Sci* . 1982. Vol. 18. P. 207-221.

профессиональных способностей и расовой принадлежности его предков».[89]

Но фраза, следующая за этим высказыванием Уотсона, цитируется гораздо реже. В ней он заявляет: «Я делаю выводы, недостаточно подкрепленные фактами, и я признаю это, но то же самое делают и защитники противоположной точки зрения, причем они занимались этим в течение тысячелетий».

Один из уроков, который мы должны извлечь из случая маленького Альберта, заключается в необходимости понимания того, что (спорные) экспериментальные данные могут непреднамеренно ошибочно интерпретироваться и оцениваться по-новому. Такие «вторичные» мифы воспринимаются затем как «факты» и, в свою очередь, помогают придать исследованию статус «классического». Случай маленького Альберта, безусловно, навсегда останется «классическим» случаем в истории психологии, но вопрос заключается в том, можно ли считать его таковым с учетом одних лишь его экспериментальных результатов. Возможно, он заслуживает подобного статуса с учетом того влияния (оправданного или неоправданного), которое он оказал на развитие психологической мысли, влияния, которое сохраняется и по сей день.

Человек без мозга

Профессор Джон Лорбер (John Lorber) взглянул на снимок мозга сидевшего перед ним студента. Этот студент изучал математику и имел показатель IQ, равный 126 (у среднего человека он равен 100). У Лорбера он оказался по направлению врача университетского общежития, заметившего, что голова у молодого человека несколько превышает нормальные размеры. Зная о научном интересе Лорбера к изучению гидроцефалии,[90] он подумал, что, возможно, этот студент представляет интерес для проведения углубленных исследований. Однако снимок показал, что у студента практически вообще не было мозга. По приблизительным оценкам, его мозг весил не более 150 граммов, в то время как нормальный мозг человека его возраста должен весить полтора килограмма. Этот случай, как и некоторые другие, заставил Лорбера и многих других ученых задаться вопросом о том, действительно ли человеку нужен мозг. Он породил сомнения в правильности нашего понимания работы человеческого мозга и неоднократно использовался в качестве аргумента в поддержку распространенного мнения о том, что мы используем наш мозг лишь на 10%.

Предыстория

Мозг является самым сложным элементом человеческого организма. В нем имеется сто миллиардов нейронов и от ста до десяти тысяч синапсов (соединений) для каждого из этих нейронов. Эти синапсы могут передавать около десяти импульсов в секунду, что в совокупности может составлять до десяти квадриллионов передач импульсов в секунду через все синапсы! Эти числа трудно себе представить, но кто-то подсчитал, что пачка из десяти миллиардов листов бумаги в высоту будет соответствовать расстоянию от Сан-Франциско до Лондона.[91] В среднем, вес мозга человека составляет около 2% от общего веса тела, но при этом потребляет около 25% энергии, вырабатываемой нашим организмом.

С учетом этих фактов и цифр представляется неудивительным, что мы по-прежнему еще очень мало знаем о работе человеческого мозга. Физиологи и психологи потратили годы на определение областей мозга, ответственных за выполнение разных функций. Этим

---

89 Watson J. B. *Behaviorism* . Chicago, I11.: University of Chicago Press, 1924. P. 82.

90 Гидроцефалия — это болезнь, часто врожденная, при которой чрезмерное скопление жидкости в полостях мозга приводит к расширению черепа и сжатию мозга, что вызывает разрушение нейронов.

91 Источник: www.brainconnection.com

вопросом пыталась заниматься и существовавшая в прошлом «наука» френология (см. гл. 10), возникшая на основе теорий венского врача Франца Йозефа Галля (Franz Joseph Gall). Галль верил в то, что форма мозга определялась развитием входящих в его состав органов, а поскольку череп принимает форму мозга, то череп должен указывать на психологические способности и личностные качества человека; например, выступ на лбу может свидетельствовать о наличии у человека такого качества, как доброта. Несмотря на то, что френология пользовалась большой популярностью в викторианскую эпоху (в 1830-х годах некоторые работодатели даже требовали «справку» от френолога для подтверждения профессиональной пригодности соискателя рабочего места!), в середине девятнадцатого века она оказалась практически полностью дискредитированной.[92]

Однако одно из основных положений френологии — а именно о «локализации функций в мозге» — не вызывает сомнений и в наши дни. Локализация функций просто означает, что разные части мозга выполняют разные функции (зрения, произвольного движения, речи и т. д.). Хотя все сказанное здесь о локализации функций в мозге может показаться очевидным, тем не менее, некоторые другие внутренние органы, такие как печень, не функционируют подобным образом, другими словами, все части печени выполняют одну и ту же задачу. Потребовались годы дальнейших клинических исследований для обнаружения доказательств того, что предположения френологов относительно локализации функций в мозге были хотя и не совсем точными, но все же справедливыми.

Ранние исследования

Одним из первых, кто обратился к более научным способам изучения мозга, был Карл Лешли (Karl Lashley) (1890-1958). Лешли надеялся обнаружить в мозге место нахождения следов памяти, или энграмм. Работая с крысами, он обучал их продвижению через лабиринт. Затем он постепенно удалял им часть коры головного мозга (до 50%) для выяснения достигаемых эффектов. Лешли обнаружил, что удаление значительной части коры головного мозга, по-видимому, не оказывает влияния на память крыс.[93] Лешли часто говорил в шутку, что трудно было найти не то место, где находится энграмма, а то место, где ее нет. В результате этой работы Лешли сформулировал два принципа. Согласно первому принципу, все области коры головного мозга имеют важное значение для научения и памяти и что одна область коры мозга может замещать другую (этот вывод он назвал принципом эквипотенциальности). Согласно второму принципу, запомненная информация для сложных заданий накапливается по всей коре головного мозга (принцип воздействия массы) и не сосредоточивается в какой-то конкретной области. По сути, прочность памяти зависит от имеющегося количества ткани коры головного мозга. Место повреждения было не столь важно, как количество поврежденной ткани.

Опыты с крысами, у которых оставили малую часть коры мозга, но которые по-прежнему могли вспоминать путь движения по лабиринту, заставили многих ученых задуматься о том, играет ли кора мозга сколько-нибудь важную роль в научении. Результаты нескольких исследований, включая и исследование Лешли, были неверно интерпретированы, вследствие чего вскоре широко распространилось убеждение в том, что человек использует только 10% своего мозга.

В ходе других исследований и экспериментов было обнаружено, что действительно существуют очень специфические области мозга, отвечающие за разные функции (например, область Брока управляет речью). Методы исследований Лешли были недостаточно тонкими для обнаружения места нахождения памяти. Тем не менее он правильно указал, что научение в значительной мере подразумевает широкое параллельное взаимодействие нейронов,

---

[92] Источник: http://pages.britishlibrary.net/phrenology/overview.htm#whatwasit

[93] Lashley K. In search of the engram в *Psychological Mechanisms in Animal Behavior* . New York: Academic Press, 1950. P. 454-482.

рассредоточенных по всему мозгу. Такой процесс дает представление о «воздействии массы» (мозг работает как единый организм), но было бы правильнее сравнивать мозг с симфоническим оркестром с несколькими самостоятельными группами инструментов (смычковых, ударных и пр.), вносящих свой вклад в общее звучание музыкального произведения.

Несмотря на растущее число эмпирических данных, свидетельствующих об обратном, публичные споры о роли коры головного мозга продолжаются. Например, часто сообщается о том, как Эйнштейн однажды в шутку заявил, что его интеллект усилился в результате освоения неизвестной ранее области головного мозга.

Человек без мозга

Джон Лорбер, педиатр и общепризнанный эксперт по проблемам, вызванным расщеплением позвоночника, оказался вовлечен в этот спор после обследования пациента, направленного к нему врачом общей практики из общежития Шеффилдского университета. Лорбер был хирургом, специализировавшимся на лечении гидроцефалии. Название этой болезни происходит от греческих слов «hydro» (вода) и «cephalus» (голова). У больных гидроцефалией накапливается ненормально большое количество спинномозговой жидкости (СМЖ) в полостях (ventricules — желудочках), имеющихся внутри головного мозга. Если СМЖ не абсорбируется достаточно быстро, то она создает избыточное давление в этих полостях и таким образом вызывает разрушение коры мозга изнутри. Лорбер оперировал больных гидроцефалией, вставляя им специальные клапаны, называемые «шунтами», для снижения внутреннего давления, создаваемого избыточной СМЖ. Его очень удивили несколько пациентов, которые демонстрировали лишь незначительно ослабленные или совершенно нормальные умственные способности, но у которых на снимках мозга были видны чрезмерно большие полости и практически нельзя было разглядеть коры головного мозга.

Его самым известным пациентом был студент-математик с коэффициентом IQ, равным 126, которому впоследствии удалось получить диплом с отличием. Лорбер утверждал, что кора его головного мозга, как было видно на снимке, имела толщину всего около одного миллиметра (вследствие заболевания гидроцефалией), в то время как обычно она составляет от четырех до пяти сантиметров. Позднее Лорбер опубликовал статью с провоцирующим заголовком «Действительно ли вам нужен мозг?»,[94] в которой ставил под сомнение необходимость некоторых областей коры головного мозга. В снятом впоследствии телевизионном документальном фильме он заявлял: «Я подозреваю, что все мы обладаем значительным резервом нейронов и мозговых клеток... которые нам не требуются и нами не используются».[95] Лорбер сообщил, что он документально зарегистрировал шестьсот таких случаев и распределил их по четырем группам: 1) нормальный мозг; 2) 50-70% черепа заполнено СМЖ; 3) 70-90% заполнено СМЖ; 4) 95% черепа заполнено СМЖ. К последней группе было отнесено всего около шестидесяти случаев, причем половина этих людей страдала серьезной умственной отсталостью. Другая половина, в которую входил и студент-математик, имела IQ выше ста. В прошлом у детей, костная ткань которых еще не отвердела, череп под влиянием внутреннего давления заметно увеличивался в размере. До того, как появились современные методы «шунтирования», подобные трансформации часто приводили к смертельному исходу. Итак, действительно ли эти случаи позволяют утверждать, что значительная часть коры головного мозга является избыточной, или же для них имеются другие объяснения?

---

[94] Lorber J. Is your brain really necessary? // *Nursing Mirror* . 1981. Vol. 152. P. 29-30.

[95] Приводится в статье: Beyerstein B. Whence cometh he myth that we only use ten per cent of our brains? Более поздняя версия этой статьи была опубликована в Della Sala S. *Mind-Myths* . Chichester: John Wiley & Sons, 1999.

Противоречивые свидетельства

Прежде всего следует отметить, что во многих этих случаях могли искажаться факты по поводу уменьшения размера мозга. Лорбер использовал метод компьютерной осевой томографии (computeised axial tomography — CAT) для изучения внутренней структуры мозга. Этот метод, предусматривающий передачу рентгеновского снимка на компьютер, позволяет получить изображение поперечного сечения внутренних органов и строения тела. Считается, что кора мозга толщиной около миллиметра не будет отчетливо видна на таком снимке, а это значит, что в действительности она могла быть немного толще. Лорбер признавал, что анализ снимков осевой томографии является трудной задачей, но оставался убежденным в том, что его интерпретация снимков была правильной. Более современные методы сканирования мозга показывают, что кора головного мозга не «утрачивается» или разрушается, а сжимается и начинает занимать меньший объем. Скорее, это демонстрирует замечательную способность мозга приспосабливаться к обстоятельствам. Этот вывод подтверждается также исследованиями последствий разрушения нейронов у детей. Документально зарегистрировано, что дети могут легче адаптироваться к серьезным травмам головы, чем взрослые, благодаря пластичности и адаптивности своего мозга. Известны случаи, когда детям, которым хирургически приходилось удалять одно из полушарий мозга, после определенного периода адаптации восстанавливали большинство своих прежних способностей, включая и речевые. Это позволяет предположить, что оставшиеся области мозга брали на себя выполнение функций удаленного полушария. Такая процедура «уплотнения» функций, возможно, наблюдалась и в случае студента-математика, о котором сообщал Лорбер.

Остаются также вопросы по поводу отсутствия снижения умственных способностей у некоторых пациентов Лорбера, главным образом у студента-математика. Некоторые последствия гидроцефалии являются довольно тонкими, и поэтому их трудно обнаружить с помощью стандартных когнитивных тестов, подобных тесту на IQ.

Насколько необходим мозг?

Несмотря на утверждения Лорбера, роль коры головного мозга, по-видимому, все же является очень важной. Существуют тщательно описанные случаи людей, у которых возникали серьезные когнитивные проблемы после самых «безобидных» неврологических повреждений. Если бы значительная часть нашего серого вещества была бы избыточной, то люди могли бы легко восстанавливаться после мозговых травм. К тому же, представляется маловероятным, что в результате естественного отбора появился бы орган, который потребляет так много энергии и так мало чего дает взамен. Другие издержки наличия большого мозга связаны с рисками, возникающими для матери и ребенка во время родов. Наличие меньшего по размерам, но более эффективного мозга, способного выполнять те же когнитивные функции, наверняка, было бы более выгодным для человека, и именно такой мозг, скорее всего, появился бы в результате естественного отбора. То, что мы имеем большой мозг, указывает на то, что он обеспечивает нам в процессе отбора какое-то важное преимущество. Наличие избыточного количества мозга можно только приветствовать, если оно не создает дополнительных издержек, но здесь издержки обладания большим мозгом явно перевешивают выгоды, обеспечиваемые маленьким, но более эффективным мозгом.

Современные методы сканирования мозга позволяют также увидеть, в какой мере мозг используется при осуществлении разных действий. Показано, что значительная часть нашего мозга оказывается задействованной при выполнении практически всех функций организма. Даже во время сна, который кажется наиболее пассивным состоянием, мозг проявляет удивительную активность, особенно когда мы видим сны. Причем активность такова, что эта фаза сна часто называется «активным сном».

Незадолго до своей смерти в 1996 году Лорбер, имевший репутацию заядлого спорщика, признал, что, возможно, он сгущал краски, интерпретируя полученные им результаты, но при этом заявил, что был вынужден это делать, чтобы заставить людей прислушаться к своим словам. Он был уверен, что слишком часто результаты, не

соответствующие доминирующим воззрениям, отбрасываются как «аномальные». Лорбер продолжал утверждать, что у мозга должны быть избыточные или резервные возможности, подобно тому, как такие возможности имеются у почек или печени. Имеются и другие результаты экспериментов на крысах, говорящие в поддержку идей Лорбера. Крысы, которым за один раз удаляли значительную часть коры головного мозга, по-видимому, страдали серьезным дисфункциями, но крысы, которым удаляли то же количество коры мозга постененно, справлялись с последствиями этих операций вполне успешно и демонстрировали мало признаков снижения своих способностей. Последний эксперимент, по-видимому, отражает последовательные эффекты развития гидроцефалии, наблюдавшиеся у некоторых пациентов Лорбера. До сегодняшнего дня идея резервных способностей мозга продолжает вызывать споры, но, по-видимому, перераспределение функций все же возможно, особенно в развивающемся мозге ребенка.

С учетом имеющихся данных представляется очевидным, что кора головного мозга действительно необходима и что утверждение об использовании нами своего мозга всего на 10% является не чем иным, как мифом. Можно с уверенностью утверждать, что мы в любое время полностью используем наш мозг. Особый случай, исследованием которого занимался Лорбер, позволяет лучше ознакомиться с работой мозга, но вместо того, чтобы доказывать избыточность мозга, он скорее свидетельствует о его удивительной адаптивности и сложности — сложности, которую мы начинаем осознавать только сейчас.

Фрейд и анализ фобии маленького мальчика: история маленького Ганса

Зигмунд Фрейд является самым известным психологом. Он написал множество работ на самые разные темы — от воспитания детей и развития человеческой личности до толкования снов, а также разработал метод терапевтического лечения психических расстройств. Для своих исследований Фрейд использовал, главным образом, казуистический метод (метод анализа конкретной ситуации). Хотя в своих сочинениях он упоминает о ста тридцати трех таких случаях, из них он подробно задокументировал только шесть. Влияние Фрейда было так велико, что некоторые из его пациентов на время становились знаменитостями. Несмотря на постоянно подчеркивавшуюся им важность роли детского опыта в последующем развитии человека, Фрейд подробно описал только один случай исследования ребенка. По этой причине случай маленького Ганса занимает важнейшее место в теории фрейдизма. Результаты анализа этого случая взбудоражили общество и породили немало споров, которые продолжаются и по сей день.

Дружба с Фрейдом

В свое время Макс Граф (Max Graf) (1873-1958) был известным музыкальным критиком и видным исследователем в области истории и теории музыки. В наши дни он, пожалуй, более известен как близкий друг Зигмунда Фрейда (1856-1939). Он был отцом маленького Ганса.

Граф познакомился с Фрейдом благодаря тому, что его жена была одной из первых пациенток, лечившихся методом психоанализа. Она стала пациенткой Фрейда еще до свадьбы с Графом, и считается, что именно Фрейд способствовал заключению их союза. Эта пара часто посещала вечерние групповые исследования, проводившиеся каждую среду в венском доме Фрейда на Берггассе, 19. Другими известными членами этой группы были Альфред Адлер и Карл Юнг. Всех их можно было бы назвать ранними учениками Фрейда. Позднее эта группа составила костяк Венского общества психоанализа. Фрейд надеялся, что психоанализ сможет преодолеть междисциплинарные барьеры, и поэтому особенно приветствовал таких людей, как Граф, который работал в области музыкального искусства. Граф восхищался Фрейдом и позднее называл его самым образованным из всех людей, которых он когда-либо встречал.

Фрейд поощрял членов группы к сбору информацию о своих детях, и Графы

занимались этим особенно старательно. Они начали вести подробные записи о ранних годах жизни своего сына. Макс Граф пошел еще дальше и под руководством Фрейда попытался провести анализ развития своего сына. В период проведения этого анализа Граф консультировался с Фрейдом, а Фрейд осуществлял мониторинг и общее руководство терапевтическим процессом. Позднее этот процесс был описан Фрейдом в работе, опубликованной в 1909 году под названием «Анализ фобии пятилетнего мальчика».[96] Для пятилетнего мальчика был выбран псевдоним «Ганс».

Фрейд к тому времени уже написал работу по теории детской сексуальности, опубликованную в 1905 году,[97] и собирался использовать случай маленького Ганса для проверки этой теории. Его теория сексуальности не встретила одобрения во многих слоях общества, часто воспринималась как откровенно безнравственная и непристойная. Кроме того, в этой работе Фрейд изложил детали развития и устранения фобии как формы невротического расстройства.

Фрейд кратко упоминал о Гансе и в более ранних работах. Например, в опубликованной в 1907 году статье о сексуальности он упоминал о трехлетнем мальчике, который стал пытаться отгадать правду о рождении после того, как увидел свою беременную мать. В этих статьях Ганса называли его настоящим именем — Герберт. Считается, что Фрейд решил дать мальчику другое имя в честь знаменитого в то время коня по кличке «умный Ганс», который, как утверждалось, мог решать простые математические задачи[98] («умный Ганс» отбивал копытом «ответ» задачи на суммирование называвшихся ему чисел). Возможно, Фрейд выбрал это имя, потому что Герберт был умным мальчиком, боявшимся лошадей.

Маленький Ганс

Маленький Ганс родился в Вене 10 апреля 1903 года. Его описывали как жизнерадостного и откровенного ребенка, которого заботливо воспитывали родители — типичные представители среднего класса. Он был веселым и разговорчивым мальчиком, одинаково любившим отца и мать. Родители Ганса были близкими друзьями Фрейда. Близкими настолько, что Фрейд сделал Гансу щедрый подарок на день рождения. Удивительно, но, зная о страхе сына Графов перед лошадьми, он выбрал в качестве подарка качающуюся игрушечную лошадь. В 1942 году Макс Граф утверждал, что это произошло на третий день рождения Ганса, но через десять лет он заявил, что подарок был сделан на пятый день рождения.[99] Если подарок был сделан на трехлетие, то это оказалось замечательным совпадением, что у мальчика позднее выработался страх перед лошадьми, поэтому кажется более вероятным, что Фрейд сделал подарок Гансу на его пятилетие в качестве убедительной демонстрации излечения его фобии. Интересно, что вручение подарка произошло во время второй встречи Фрейда с Гансом; их первая встреча состоялась во время краткого психотерапевтического сеанса. Они встретились еще раз уже через много лет, когда Ганс стал взрослым.

О близких отношениях Макса Графа с Фрейдом свидетельствует и тот факт, что он обсуждал с Фрейдом возможность воспитания Герберта в католической, а не в иудейской вере. Граф знал по собственному опыту, как ненавидели евреев в Вене в начале двадцатого

---

[96] Freud S. Two case histories: Little Hans and the «Rat Man». *The Standard Edition of the Complete Psychological Work of Sigmund Freud* . Volume X. London: Vintage / The Hogarth Press, 1909 (переиздано в 2000 г.).

[97] Freud S. *Three Essays on the Theory of Sexuality* . Pelican Freud Library, Vol. 7. Harmondsworth: Penguin, 1905.

[98] Впоследствии было установлено, что лошадь просто реагировала на визуальные подсказки своего хозяина и не обладала никакими математическими способностями.

[99] Graf M. Reminescences of Professor Sigmund Freud. *Psychoanalitic Quart* . 1942. Vol. 11. P. 465-476.

века, и пытался получить от Фрейда совет о том, как ему надежнее защитить своего маленького сына. Хотя Фрейд и осознавал возможные негативные последствия своего совета, он все же заявил, что воспитание в иудейской вере в условиях религиозной дискриминации поможет выработать у Герберта внутренний динамизм, который очень пригодится ему в дальнейшей жизни; в результате, мальчик так и не перешел в католичество.

Какие же методы использовал Фрейд при обследовании Ганса? Как уже отмечалось, он использовал казуистический метод и наблюдал за Гансом (первоначально опираясь на отчеты Макса Графа) два года (с 1906 по 1908), пока мальчику не исполнилось пять лет. Собранные данные включали в себя биографические сведения и краткие записи, сделанные родителями Ганса. Макс Граф также напрямую консультировался у Фрейда относительно лечения сына. Сам Фрейд лишь однажды принял непосредственное участие в лечении Ганса, проведя с ним получасовую беседу в марте 1908 года, когда анализ состояния мальчика уже подходил к концу. Аналитические методы включали в себя анализ фантазий, анализ общего поведения Ганса и его фобий, а также анализ сновидений. Фрейд верил, что толкование сновидений является «столбовой дорогой» к пониманию бессознательного. Для Фрейда каждое сновидение имело явное и скрытое содержание. Явное содержание можно пересказать, а скрытое содержание всегда глубоко спрятано. Именно путем анализа скрытого содержания можно определить реальный смысл сновидения.

Анализ фобии маленького мальчика

Изучение случая маленького Ганса было подробным и всесторонним. Записи Фрейда о маленьком Гансе, переведенные на английский, заняли сто пятьдесят страниц. Однако, помимо оригинала, имеется множество интересных отчетов о деталях этого случая.[100] Психоаналитическая интерпретация событий часто оказывается неожиданной и очень содержательной. Точку зрения Фрейда на основные события в годы формирования личности Ганса можно резюмировать следующим образом.

Он сообщает, что Ганс проявлял «довольно странный живой интерес к своему пенису». Гансу доставляло удовольствие дотрагиваться до своего пениса, и, чтобы попытаться прекратить подобные действия, однажды мать пообещала «отрезать» ему пенис насовсем. Несмотря на страх перед кастрацией, диапазон его удовольствий от этой сексуальной забавы расширялся. Например, он заметил, что звери в местном зоопарке также имеют половые органы, превышающие своими размерами размер его собственного пениса; он также выражал сожаление по поводу того, что не видел пенисов ни отца, ни матери. Он полагал, что поскольку его родители уже взрослые, то и их пенисы также должны быть большими — «как у лошади».

Однажды в течение всего лета отцу Ганса приходилось часто и подолгу отсутствовать дома, и Ганс понял, что ему нравится, когда его мать принадлежит только ему. Сначала Ганс хотел, чтобы отец просто «уехал», но затем он захотел, чтобы отец уехал навсегда, т. е. умер. Событием, которое, по мнению Фрейда, оказало наибольшее влияние на психосексуальное развитие Ганса, стало рождение маленькой сестренки. Маленькая Ханна появилась на свет, когда ее брату было три с половиной года. Это событие необычайно встревожило Ганса, и он почувствовал враждебность к своей сестре из-за опасений, что мать станет уделять ей слишком много времени. Ганс выражал свое беспокойство косвенным образом: например, он боялся мыться в ванне, так как опасался, что мать может его уронить, хотя в действительности надеялся, что мать уронит сестру. Во время сеансов психоанализа Ганс неприкрыто выражал свое желание смерти сестры, но при этом не считал его таким же отвратительным, как желание смерти отца.

Однажды, находясь на улице, он испытал внезапный приступ беспокойства. Хотя он не мог назвать источник охватившего его страха, впоследствии оказалось, что поводом для возникновения этого болезненного состояния стало желание находиться дома и быть ближе к

[100] Gross R. Key *Studies in Psychology* (4th edn.). London: Hodder & Stoughton, Chapter 19, 2003.

своей матери. Временами его страх усиливался до такой степени, что он ощущал его даже тогда, когда находился рядом с матерью. Ганс рассказывал также и о своем довольно специфическом страхе: он боялся, что его укусит белая лошадь. Сегодня такой источник страха может показаться довольно экзотическим, но в Вене, которую знал Ганс, было полно лошадей, перевозивших по городу людей и всевозможные грузы.

Страх Ганса перед лошадьми имел два измерения. Однажды отец, когда они выходили с ним из конного экипажа, предупредил его: «Не протягивай палец белой лошади, а то она тебя укусит». Фрейд посчитал, что первая половина этой фразы перекликается с предостережением матери о недопустимости трогать пенис. Кроме того, Ганс уже знал от отца, что у женщин нет пениса, и поэтому связал этот факт с угрозой кастрации, услышанной от матери, решив, что у нее уже отрезали пенис. Так установилась связь между страхом Ганса по поводу возможной кастрации и лошадьми.

Далее Ганс рассказывал о своих фантазиях по поводу двух жирафов. Он сообщил, как однажды ему приснилось, что он забрал упавшего жирафа (олицетворявшего его мать), несмотря на протесты и крики большого жирафа (олицетворявшего его отца). Фрейд сообщил Гансу, что он боится отца из-за своих нехороших мыслей о нем. Фрейд также интерпретировал страх Ганса перед лошадьми, предположив, что лошадь олицетворяет его отца: черная кожа вокруг белой лошадиной пасти и черные шоры представляли его усы и очки. После встречи с Фрейдом Макс записал свою беседу с сыном, во время которой Ганс сказал: «Папа, не убегай от меня!»

Ганс сообщал и другие детали своей фобии (которые он называл «чепухой»). Он боялся, что лошадь «не потянет» груз, и поэтому у него вызывали страх тяжело нагруженные телеги и повозки. Однажды он увидел, как упавшая лошадь судорожно перебирает ногами. Он был страшно напуган и решил, что лошадь агонизирует. Отец Ганса отметил, что когда мальчик увидел мертвую лошадь, то, возможно, подумал о нем. Ганс замещал свой страх перед отцом страхом перед лошадьми, которые напоминали ему отца. Для Ганса понимание или объяснение этого факта, по-видимому, оказалось поворотным пунктом. Он принял эту теорию и с тех пор перестал бояться отца.

Постепенно Ганс все меньше и меньше боялся лошадей. Две его последние фантазии говорили о том, что он справился со своими чувствами к отцу. Рассказывая свою первую фантазию, он сообщал о водопроводчике, который забрал его пенис и дал ему взамен другой, большего размера. Рассказывая вторую, он поведал отцу о том, что сам вообразил себя отцом своих воображаемых детей, а не их матерью, как обычно бывало прежде. По словам Фрейда, обе фантазии показали, что Ганс перестал желать смерти отца и начал отождествлять себя с ним. Вместе с этими фантазиями закончились и болезнь Ганса, и анализ его случая.

Направление исследований Фрейда

Одна из ключевых тем трудов Фрейда — тема важности первых лет жизни человека для последующего развития его личности. Он был уверен, что дети переживают эмоциональные конфликты и что их будущее благополучие зависит от того, насколько успешно эти конфликты разрешаются. Фрейд считал, что, рассказывая о своих страхах, Ганс успешно справлялся со своими конфликтами и тревогами.

В отличие от большинства современных ученых, Фрейд полагал, что дети обычно проявляют сексуальную активность еще до полового созревания. Он утверждал, что детская сексуальность проявляется на разных стадиях развития, причем на каждой стадии основное внимание уделяется особой части тела. Фрейд был уверен, что случай маленького Ганса подтверждает правильность этой концепции. По его мнению, все дети проходят пять этапов развития: оральный, анальный, фаллический, латентный и генитальный. Первые три этапа приходятся на первые пять лет жизни ребенка. Ганс на момент завершения лечения проходил фаллический этап своего развития.

Фрейд считал, что на фаллическом этане, наблюдаемом у ребенка в возрасте от трех до пяти лет, происходит половая идентификация. Он предполагал, что на этом этапе Ганс, подобно всем мальчикам, страдает от так называемого Эдипова комплекса, который

выражается в желании ребенка иметь половой контакт с родителем противоположного пола (в данном случае — с матерью) и устранить родителя одного с ним пола (т. е. отца — Макса Графа). Разумеется, Ганс понимал, что последнее для него невозможно из-за подавляющего превосходства отца в силе. По мнению Фрейда, Ганс боялся, что отец может увидеть в нем соперника и кастрировать его. Очевидно, что такие конфликты беспокоят ребенка, и один из способов, с помощью которых он пытается разрешить их, заключается в идентификации себя с родителем одного с ним пола. Согласно Фрейду, Ганс добился этого за счет выработки так называемого механизма отождествления с агрессором. Его действие можно наблюдать в последней фантазии Ганса, в которой он вообразил себя отцом своих собственных детей. Таким образом, утверждал Фрейд, все маленькие мальчики учатся отождествлять себя со своими отцами. Фрейд также предположил, что девочки страдают сходным комплексом Электры, но за подчеркнутое внимание Фрейда к мужскому развитию оппоненты обвиняли его в «сексизме» и «фаллоцентризме».

Фрейд верил, что бессознательное является частью разума, о которой мы ничего не знаем и которая содержит множество неразрешенных конфликтов, например связанных с Эдиповым комплексом. Эти конфликты влияют на наше поведение (страх Ганса перед лошадьми) и проявляются в наших фантазиях и сновидениях. Из-за своей угрожающей или обескураживающей природы конфликты проявляются в замаскированной форме и нуждаются в интерпретации, которая может помочь выявить их истинный смысл.

Зигмунд Фрейд

Какой же вклад внесло исследование случая Ганса в развитие психологии? Сторонники Фрейда утверждают, что оно продемонстрировало, как развиваются фобии у детей — просто как средство, позволяющее справляться с конфликтами и тревогами. Однако оппоненты выдвигают альтернативное объяснение. Одно из самых веских объяснений имеет отношение к выработке условной реакции страха посредством классического формирования условного рефлекса (см. также гл. 13): агония лошади, которую наблюдал Ганс на улице, и была фактической причиной его расстройства; явно выраженная реакция страха на это исходное событие распространилась на всех лошадей и породила страх перед улицей, где встреча с лошадьми была в то время практически неизбежной.

Фрейд был первым, кто предположил, что так называемое лечение разговором может применяться даже в случае таких маленьких детей, как Ганс. На протяжении всего исследования этого случая Фрейд демонстрировал свое глубокое уважение к взглядам Ганса. Действительно, однажды отец отругал Ганса за то, что тот желал смерти своей маленькой сестренке. Однако Ганс возразил, что в таком желании нет ничего плохого, поскольку оно является фактом, который может оказаться полезным для «профессора [Фрейда]». Фрейд сообщал, что он не мог рассчитывать добиться «лучшего понимания психоанализа от любого взрослого человека». Этот инцидент можно рассматривать как пример проявления «характеристик спроса»: участник (Ганс) дает ответ, который, как он считает, хотел бы услышать исследователь (Фрейд). Сам по себе этот инцидент может считаться аргументом против методов Фрейда. Несмотря на это, не будет серьезным преувеличением утверждать, что новаторское исследование случая Ганса, выполненное Фрейдом, сформировало общий подход к разработке методов психотерапевтического лечения детей, используемых в наши дни. Кроме того, идея Фрейда о важности роли бессознательного в определении нашего поведения стала теперь общепринятой.

Анализ случая маленького Ганса был сконцентрирован на изучении субъективных отчетов о происходивших событиях. Все отчеты были получены либо от Макса Графа, либо от Фрейда. Какое-либо независимое рассмотрение случая отсутствовало. Отец Ганса был ярым сторонником теорий Фрейда и мог предоставлять информацию соответствующим образом. Особые отношения Ганса с отцом-аналитиком делают этот случай уникальным и исключают возможность генерализации его результатов. Фрейд знал о возможности подобных критических замечаний, но утверждал, что особые отношения между Гансом и его отцом были одной из причин, по которым проведенный анализ оказался настолько

успешным. Фрейд утверждал, что эти отношения пошли на пользу, а не во вред психотерапии, и что все психоаналитики должны стремиться к установлению прочных отношений со своими пациентами.

С момента своего возникновения и по сей день психоанализ вызывал и вызывает множество споров. С учетом свидетельств и интерпретаций, представленных Максом Графом и Фрейдом, не кажется удивительным, что история маленького Ганса рассматривается некоторыми учеными как наиболее фарсовая из всех известных историй подобного рода. Психоанализ был объявлен научной сказкой и абсолютно бесполезным средством терапии, способным оказывать лишь эффект плацебо. Психоанализ даже сравнивали с религиозным культом, верховным жрецом которого был Зигмунд Фрейд. Появились статьи, в которых содержались обещания «похоронить Фрейда»,[101] а сам он назывался лжецом и сексистом. Как автор «гипотезы совращения», он был признан ответственным за несчастья родителей, ложно обвиненных своими «пострадавшими» отпрысками, а в период его последующего отречения от этой гипотезы он обвинялся в надругательстве над детьми.[102] Люди удивлялись, как такая ложная теория психики человека могла оказывать огромное влияние на психиатрию в течение более чем полувека. Каким образом обманчивые идеи Фрейда, основанные на неубедительных доказательствах, оказывали эффект на психиатрию и на общество в целом (например, с точки зрения использования фрейдистской терминологии), и все это рассматривалось как одно из самых экстраординарных событий в истории развития мысли в двадцатом веке?

Однако со времен Фрейда психоанализ продолжал непрерывно развиваться. Сам Фрейд был продуктом своей эпохи. Его подход к изучению внутренней работы человеческого разума был для своего времени революционным. Возможно, он не выдерживает сравнения с сегодняшними научными методами, но он был ничем не хуже многих методов, использовавшихся в те годы. Фрейд был хорошо подготовленным ученым и считал себя «археологом разума», все глубже и глубже проникающего в область бессознательного. С первых дней своих экспериментов с кокаином, гипнозом и электротерапией (от которых он позднее отказался) Фрейд всеми силами стремился добиться успеха и оставить свой след в истории. Он понимал, что некоторые люди считают его маньяком, но был убежден в том, что с помощью своей теории бессознательного он сумел прикоснуться к одной из величайших тайн природы. Его внучка Софи Фрейд утверждала, что он всегда мечтал стать великим человеком. Немногие теперь сомневаются в том, что он достиг этой цели. Независимо от того, преувеличивал он значение получаемых свидетельств или нет, невозможно не восхищаться его волей и целеустремленностью в понимании и исследовании наиболее сложной структуры в нашем мире — разума человека. Какова бы ни была степень объективности представленных им данных, они, в любом случае, дают нам пищу для глубоких размышлений.

Возможно, современные критики психоанализа придают слишком большое значение сегодняшнему влиянию Фрейда. Великий математик А. Уайтхед[103] как-то сказал, что «наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена», поэтому, вероятно, наступило время перестать держаться за Фрейда обеими руками. Современный психоанализ по-прежнему имеет как минимум три сильных аргумента в свою пользу. Во-первых, он подчеркивает особое влияние первых лет жизни ребенка на формирование личности взрослого человека; во-вторых, он акцентирует внимание на важности человеческих отношений для психического здоровья; в-третьих, обеспечивает нам язык для исследования

---

[101] Tallis R. Burying Freud // *Lancet* . 1996. Vol. 347. P. 669-671.

[102] Masson J. *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* . London: Penguin, 1985.

[103] Whitehead A. N. *The Aim of Education and Other Essays* . New York: MacMillan / Free Press, 1929. P. 162.

и выражения самых разных чувств.[104] Например, при описании случая маленького Ганса Фрейдом впервые было использовано понятие переноса. Перенос — это смещение аффекта (неразрешенного конфликта) с одного объекта на другой. Например, Ганс перенес свой страх перед отцом на объект-заменитель, а именно — на лошадей. В результате объект, вызывающий фобию, стал полезным средством выражения его чувств.

Герберт Граф: взрослый Ганс

Итак, кем же стал маленький Ганс? Некоторые критики утверждают, что вмешательство Фрейда в жизнь Ганса лишило мальчика блаженного неведения и предопределило непростое будущее бедного ребенка. Ганса даже изображали жертвой психоанализа. Фрейд предсказал подобную реакцию в своей первой статье, посвященной этому случаю, написав: «Я должен спросить, какой вред был нанесен Гансу в результате вытаскивания на свет его комплексов, которые не только не подавляются детьми, но и порождают страх у родителей?» Фрейд утверждал, что врачи, которые неправильно поняли природу психоанализа, будут ошибочно думать, что нехорошие инстинкты будут усиливаться, если их сделать сознательными. Он доказывал, что результатом психоанализа стало выздоровление Ганса: мальчик перестал бояться лошадей и выработал более дружеские отношения с отцом. Им приводились следующие слова, сказанные Гансом отцу: «Я думал, ты знаешь все, как ты все знал о той лошади».

Фрейд потерял Ганса из виду в 1911 году, но позднее у них произошла еще одна встреча, на этот раз последняя. Весной 1922 года Герберт Граф, которому исполнилось к тому времени девятнадцать лет, вошел в приемный кабинет Фрейда. Фрейд описывал его как подтянутого юношу, у которого не наблюдалось признаков озабоченности или подавленности. Он выглядел не утратившим душевного равновесия, несмотря на то, что сильно переживал из-за развода своих родителей. Герберт продолжал жить с отцом (что подкрепляло убежденность Фрейда в более тесных отношениях между отцом и сыном), в то время как его сестра, которую он очень любил, предпочла остаться с матерью. Герберт рассказал, что когда он прочитал историю о маленьком Гансе, то не мог поверить, что она написана о нем!

Герберт Граф, как и его отец, посвятил жизнь музыкальному искусству. Проработав несколько лет в оперных театрах Германии, Швейцарии и Австрии, он перебрался в США в 1936 году в возрасте тридцати трех лет. Здесь его дела резко пошли в гору, и вскоре он занял престижный пост директора нью-йоркской «Метрополитен Опера». Позднее он все же решил вернуться в Европу. Он занимался организацией выступлений Марии Каллас во Флоренции и участвовал в постановке нескольких оперных спектаклей в Лондоне (в театре Ковент-Гарден) и в Зальцбурге. В 1960-1962 годах он был директором Цюрихской оперы, а затем возглавил оперный театр Женевы. Герберт Граф был также автором нескольких книг. В частности, в вышедшей в 1951 году книге «Опера для народа» (*Opera for the People*) он подробно рассказал обо всех аспектах постановки оперных спектаклей. Он был известен как большой знаток театра, как по-настоящему творческая личность и как человек, пользовавшийся особой любовью и уважением молодых артистов.

Герберт озаглавил свое интервью, данное еженедельной газете «Opera News»,[105] как «Воспоминания незаметного человека», намекая на то, что он всегда работал за сценой и никогда не представал перед зрителями при свете рампы. Его выбор театрально-музыкальной карьеры говорит о том, что он явно отождествлял себя со своим отцом, но его стремление руководить спектаклями из-за сцены свидетельствует и об отождествлении с

---

[104] Отличное углубленное эссе по этой теме см. в Jeremy Holmes «The Assault on Freud» на http://human-nature.com/freud/holmes.html.

[105] Graf H. Memories of an invisible man: a dialog with Fransis Rizzo // *Opera News* . 1972. 5 February. P. 25-28; 12 February. P. 26-29; 19 February. P. 26-29; 26 February. P. 26-29.

Фрейдом, исполнявшим в процессе психоанализа свою невидимую постороннему глазу роль.[106]

Коллеги по работе и знакомые описывали Герберта как человека большого ума и огромного личного обаяния. Однако сообщается и о некоторых неприятных чертах его характера. Например, некоторые эти черты были видны всем, кому приходилось с ним работать, даже если эти черты в предыдущие годы остались не замеченными Фрейдом. Рассказывают также, что он был любителем тонких вин и хорошеньких женщин. Герберт, не создавший собственной семьи, по-видимому, так и не встретил своей настоящей любви. Кое-кто считает, что эти факты могут считаться свидетельствами (безусловно, очень ненадежными) того, что психоанализ оказался не столь успешным, как заявлял об этом сам Фрейд. Однако можно и утверждать, что карьера Герберта оказалась такой успешной вопреки сеансам психотерапии, а не благодаря им.

Герберт Граф умер от рака в Женеве в 1973 году. Несмотря на многие успехи, достигнутые им во взрослой жизни, он, возможно, навсегда останется более известным именно как маленький Ганс Зигмунда Фрейда.

Три лица Евы: история Крис Сайзмор

О множественном личностном расстройстве, называемом также диссоциативным расстройством идентичности,[107] было практически ничего не известно до тех пор, пока два американских психиатра — Корбет Тигпен (Corbett Thigpen) и Херви Клекли (Hervey Cleckley) — не опубликовали в 1950-х годах результаты своего исследования. Они описали одну свою пациентку, обладавшую тремя разными личностями, которую они называли Ева Белая, Ева Черная и Джейн. Каждая личность была самостоятельной и вела себя совершенно не так, как две другие. Снятый впоследствии и удостоенный многих наград фильм «Три лица Евы», сюжет которого основывался на этом случае, привлек к МЛР внимание многих. Этот случай, наряду с подобными, также захватившими воображение публики, способствовал изменению отношения к МЛР: теперь оно перестало быть практически неизвестным и стало все чаще выявляемым психическим расстройством. Однако в последние годы ученые задались вопросом: действительно ли МЛР существует как реальное заболевание или же оно является ятрогенным расстройством, т. е. порождением самих психотерапевтов?

Что такое МЛР?

Множественное личностное расстройство (МЛР) является диссоциативным[108] психическим расстройством, один из самых заметных симптомов которого заключается в том, что человек, страдающий этим расстройством, имеет по крайней мере еще одну «альтернативную» личность, также контролирующую его поведение. Эти «другие» личности проявляются спонтанно, а в исполнении своей главной функции они совершенно независимы друг от друга. В 1994 году в четвертом издании «Диагностическо-статистического руководства» Американской психиатрической ассоциации (так называемом DSM-IV) вместо

---

[106] Holland N. Not so Little Hans: identity and aging, в: Woodward K., Schwartz M. (eds). *Memory and Desire* . Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1986.

[107] Споры по поводу наиболее подходящего термина продолжаются до сих пор. См. дальнейшие детали в статье: «Dual personality, multiple personality, dissociative identity disorder: what's in a name?» на http://www.dissociation.com/index/Definition.

[108] Диссоциация — это механизм, позволяющий разуму отделять некоторые состояния или мысли от нормального сознания. Отличительной характеристикой диссоциации является «разрушение обычно целостных функций сознания, памяти, идентичности или восприятия окружающей среды» (источник: *Diagnostic Statistical Manual* , 1994).

МЛР стала использоваться аббревиатура ДРИ (диссоциативное расстройство идентичности). Хотя название этого расстройства в США изменилось, старое название (МЛР) по-прежнему используются в Великобритании, а также в этой главе, поскольку оно остается более известным и, возможно, точнее описывает этот феномен.

Изменение названия в США не привело к изменению перечня симптомов, которые являются настолько разнообразными и меняющимися от пациента к пациенту, что описание «типичного» случая МЛР представляет собой трудную задачу. Человек, страдающий МЛР, может иметь любое количество «других» личностей, обычно до двадцати или тридцати. Как правило, имеется одна «основная» личность, которая занимается решением проблем повседневной жизни. Эта личность обычно не знает о существовании других, а если и знает, то только косвенным образом (например, через свидетельства выполнения какого-то действия при отсутствии воспоминаний об этом). Каждая «другая» личность может знать о существовании всех остальных и иногда даже заключать союзы с одними против других! Многие из этих «других» личностей не до конца развиты и остаются фрагментарными. Они могут быть разных возрастов, полов и даже национальностей. Каждая личность уникальна и не похожа на других (что может проявляться в особых жестах, почерке, речи и выражении лица). Человек с МЛР может страдать галлюцинациями, причем настолько отчетливыми, что фактически будет видеть свою другую личность в зеркале.[109]

История МЛР

Хотя о расщеплении личности практически ничего не было известно до случая Евы, описанного Тигпеном и Клекли, изучение этого феномена имеет довольно долгую историю. Еще в 1784 году сообщалось, что сельскохозяйственный рабочий по имени Виктор Расе (Victor Race), живший в Суассоне (Франция), демонстрировал симптомы, сходные с симптомами МЛР. Однажды Виктор перешел в другое состояние сознания и вместо своего обычного тугодумия стал демонстрировать быстроту и ясность ума. Когда он вернулся в свое обычное состояние, то не сохранил никаких воспоминаний о произошедших с ним событиях и о своей трансформации личности.[110]

Возможно, самый первый подробный отчет об МЛР был опубликован Эберхардом Гмелином (Eberhard Gmelin) в 1791 году. В этом отчете содержалось описание двадцатиоднолетней женщины из Штутгарта, которая внезапно приобретала личные свойства и языковую манеру француженки. В своем новом состоянии она демонстрировала полную уверенность в том, что бежала в Германию от ужасов Французской революции. При этом она с трудом изъяснялась по-немецки и говорила с явным французским акцентом. Интересно, что женщина не знала о существовании своего альтернативного состояния.

Хотя позднее в литературе появились и другие отчеты о людях с синдромом множественной личности, самым известным из которых является выполненное Мортоном Принсом (Morton Prince) описание случая мисс Бошам (Beauchamp)[111] (на него ссылаются Тигпен и Клекли), подобные нечастые события привели к тому, что в медицинских кругах феномен МЛР оказался основательно подзабытым. Действительно, Тигпен и Клекли указывали на то, что «расщепление личности редко упоминается в психопатологии». Они резко изменили такое положение дел, опубликовав в 1954 году свое исследование случая Евы.[112]

---

[109] Silen C. C. Multiple personalities: the experts are split // *Insight on the News* . 1993. № 9 (43), October. P. 18ff.

[110] Crabtree A. *From Messmer to Freud: Magnetic Sleep and the Roots of Psychological Healing* . New Haven: Yale University Press, 1993.

[111] Eimas P. Speech perception in early infancy // *Scientific Amer* . 1985. Vol. 252. P. 46-52.

[112] Thigpen C. H., Cleckley H. M. A case of multiple personality // *J. Abnormal and Social Psychol* . 1954. Vol. 49. P. 135-151.

Ева

Корбет Тигпен был психиатром, лечившим двадцатипятилетнюю замужнюю женщину от «жестоких и вызывающих временную слепоту головных болей». Эта женщина также сообщала, что вследствие головной боли у нее возникают «временные отключения сознания». Тигпен и его коллега Клекли называли ее в своих последующих работах «Евой Белой». После серии нечастых терапевтических сеансов они пришли к выводу, что ее симптомы были вызваны действием типичного коктейля из семейных конфликтов и личных разочарований. Однажды она забыла детали предыдущего сеанса терапии, но позднее вспомнила их под гипнозом. Казалось, в ее случае не было ничего необычного. Но в один прекрасный день Тигпен совершенно неожиданно получил анонимное письмо, которое, как он сразу догадался, было написано Евой Белой. Однако он отметил, что последний абзац, очевидно, был написан кем-то другим. Незрелое содержание и неуверенный почерк выдавали руку ребенка.

Ева, которой во время следующего визита был задан вопрос о письме, заявила, что она о нем ничего не знает. Затем она все же вспомнила, что начинала писать какое-то письмо, но была уверена, что не докончила его и уничтожила. Во время беседы она сильно разволновалась и внезапно спросила, действительно ли человек, слышащий воображаемые голоса, является психически нездоровым. Тигпен был заинтригован. Ева никогда прежде не проявляла подобных симптомов и не упоминала о них. Прежде чем Тигпен получил возможность ответить на ее вопрос, она прикрыла лоб руками, как если бы внезапно ощутила сильную боль. Через какое-то время она сняла руки со лба, отчаянно улыбнулась и сказала веселым голосом: «Привет, доктор!» Хорошо знакомая застенчивая Ева Белая уступила место новой женщине с озорными и дерзкими манерами, говорившей о Еве Белой как о совершенно другой личности. Когда ее спросили, кто она, женщина ответила: «О, я Ева Черная». Фактически перед Тигпеном сидел совершенно другой человек.

В последующие четырнадцать месяцев во время собеседований, продолжавшихся в общей сложности около ста часов, был собран обширный материал о поведении и внутренней жизни Евы Белой и Евы Черной. Тигпен и Клекли отмечали, что Ева Черная существовала как независимая личность, начиная с детства Евы Белой, и всегда проявлялась в результате каких-то разрушительных событий. Кроме того, хотя Ева Белая не знала о Еве Черной, Ева Черная знала о Еве Белой: когда Ева Черная не была «отключена», она знала о том, что делает Ева Белая, в то время как обратного эффекта не наблюдалось. Хотя Ева Черная часто «выскакивала» совершенно неожиданно, было установлено, что первоначально ее можно было вызвать только с помощью гипноза. После дальнейших терапевтических сеансов надобность в гипнозе отпала, и Клекли мог вызывать ту личность, с которой он хотел поговорить. Один из нежелательных побочных эффектов заключался в том, что Ева Черная почувствовала себя более способной «замещать» Еву Белую, чем это было раньше.

Тигпен и Клекли предположили, что фрагментация личности Евы была способом справиться с теми переживаниями, которые она не могла вынести. Это предположение, по-видимому, подкрепляется самой биографией Крис Сайзмор[113] (это настоящее имя Евы); она рассказывала о множестве травмировавших ее психику инцидентах, пережитых ею в детские годы в Северной Каролине в период Великой депрессии.[114] Во время первого такого инцидента она оказалась свидетельницей того, как из заболоченного канала извлекали тело мертвого мужчины. Предполагалось, что он в пьяном виде упал в воду прошлой ночью и утонул. Крис сообщала, что когда она смотрела на происходящее внизу, то «видела» на

---

[113] Sizemore C. C, Pittillo E. S. *I'm Eve* . New York: Doubleday & Co, 1977.

[114] В своей следующей книге (*«A mind of my own»* , изданной в 1989 году) Сайзмор утверждала, что ее личности существовали с рождения.

мосту маленькую девочку, у которой были рыжие волосы и блестевшие в лучах утреннего солнца спокойные, совершенно не испуганные ярко-голубые глаза. Второй эпизод имел отношение к ее матери, у которой в руках внезапно раскололась стеклянная бутылка с молоком. Понимая, что дочь стоит прямо под разваливающейся на части бутылкой, мать Крис по имени Зуэлин стала прижимать осколки стекла к телу, чтобы защитить от ранений дочь. В это время один осколок вонзился матери в левое запястье. Вид крови ужаснул Крис, и она, вместо того чтобы позвать кого-нибудь из взрослых, бросилась прочь и забилась в угол комнаты. Рыжеволосая девочка с холодными голубыми глазами появилась еще раз и какое-то время смотрела на алую кровь, смещавшуюся с белым молоком, после чего побежала звать взрослых на помощь.

Вскоре произошел еще один травмирующий эпизод. Отец Крис работал на местной лесопилке, где звук гудка обычно оповещал о начале и конце рабочего дня. Однажды гудок включился в 10.25, сигнализируя о произошедшем несчастном случае. Все родственники рабочих немедленно поспешили на лесопилку, чтобы узнать подробности инцидента. Крис была среди них и, подойдя к пилораме, увидела тело мужчины, разрезанного пополам на уровне груди. Каждая из половин тела лежала по разные стороны от полотна пилы на небольшом расстоянии друг от друга. Крис заметила, что одна рука покойника также была отрезана. Фактически, тело было разрезано на три части.

Позднее Крис написала, что ребенок никогда не должен видеть такие ужасные вещи и что она сама не могла вынести их вида. Она утверждала, что, возможно, рыжеволосая девочка была среди тех, кто мог смотреть на то, на что сама она смотреть не могла.

Несмотря на эти инциденты, Крис жила в достаточно благополучных условиях, по сравнению со многими другими детьми, росшими в Америке в период Великой депрессии. Большую часть своего детства она прожила вместе со своей многочисленной семьей на собственной ферме. Семья удачно вложила деньги в покупку земли, а занятие сельским хозяйством позволяло избежать многих трудностей того времени. Тем не менее, Крис постоянно попадала в неприятные ситуации. Она делала то, что ей запрещали делать, а потом это всячески отрицала. Подобные инциденты, сопровождавшиеся «ложью», доводили родителей до белого каления и вынуждали их прибегать ко все более суровым наказаниям, а в то время большинство наказаний были, по сути, физическими. Во время таких экзекуций Кристина кричала, что «это сделала она!» и со слезами на глазах продолжала доказывать свою невиновность.

Одной из примечательных характеристик многих наблюдавшихся позднее случаев МЛР является осуществление сексуального насилия над ребенком. Но, несмотря на многочисленные сеансы психотерапии, часто проводимые с использованием гипноза, не было получено никаких свидетельств того, что Ева страдала от подобной формы насилия. Катализатором создания Евой «других» личностей, по-видимому, послужили травматические инциденты (не сексуального характера), произошедшие с ней в детстве.

Тигпен и Клекли использовали методы противопоставления для исследования личностей Евы. Наряду с психотерапевтическими сеансами Евы, они также занимались интервьюированием членов ее семьи (мужа и родителей). Как правило, члены семьи подтверждали различные инциденты, о которых сообщала Ева Черная. Но так как Ева Белая не имела контакта с Евой Черной, а Ева Черная «врала много и без зазрения совести», то психотерапевты не смогли проверить правдивость всех ее историй. Муж и родители замечали изменения личности Евы Белой, свидетелями которых были и психотерапевты, но, не зная о МЛР, они воспринимали их как «проявления характера» или «как странные маленькие особенности» — как наивно назвала их ее мать. Все они отметили, что перемены ее личности кардинально изменяли обычно мягкий и уступчивый характер Крис.

Когда Еву Черную обвиняли в каком-то проступке, она при своем «внезапном появлении» выражала удовлетворение тем, что сумела наозорничать или осуществить какое-то запретное действие, а затем исчезала, в результате чего наказанию подвергалась Ева Белая. В свою очередь, Ева Белая сообщала, что приходила в недоумение, когда ее

наказывали за проступки, о которых она ничего не помнила. Ева Черная вела гедонистический образ жизни, подразумевавший, помимо прочего, покупку дорогих и ненужных предметов одежды и флирт с незнакомыми мужчинами в дешевых ночных клубах. Ей нравилось уходить из дома и потреблять спиртные напитки, так как она знала, что наутро от похмелья будет страдать Ева Белая, не знающая о причине своего недомогания или о том, что случилось с ней прошлым вечером. Что касается дорогой одежды, то, увидев ее, Ева Белая всегда отрицала свою причастность к ее покупке. Испуганная не менее своего мужа мыслью о непомерных тратах, она брала покупки и несла сдавать их обратно в магазин. Она не могла объяснить, как новая одежда оказалась в ее шкафу, и начинала подозревать, что все это подстроил ее муж, пытающийся создать впечатление о ее «тихом помешательстве».

У Евы Белой была четырехлетняя дочь, которая из-за психиатрических проблем матери жила с бабушкой и дедушкой. Необходимость работать вдали от того места, где жила девочка, делала Еву Белую еще более несчастной. Ева Черная знала о существовании ребенка, но не проявляла к нему никаких чувств. Обычно она игнорировала девочку или проявляла к ней полное безразличие. Но однажды, когда, по ее словам, «соплячка стала играть на моих нервах», она попыталась задушить ее. В результате, несчастья удалось избежать только благодаря вмешательству мужа Евы Белой. Зная об этом инциденте, но не зная о своем участии в нем, Ева Белая добровольно согласилась на какое-то время отправиться в психиатрическую клинику. Ева Черная не признавала брака с мужем Евы Белой, которого она презирала. Тигпен и Клекли были уверены, что брак супругов даст трещину по причине их несовместимости, но присутствие Евы Черной делало их развод практически неизбежным. Ева Черная не стремилась преднамеренно причинять вред Еве Белой, но зато она никогда не испытывала вины за содеянное или сочувствия к пострадавшей.

Психологическое тестирование

Тигпен и Клекли сняли у Евы Белой и Евы Черной несколько электроэнцефалограмм и выполнили множество психометрических и проективных проверок с использованием тестов интеллекта, тестов памяти и теста Роршаха. Краткая сводка полученных результатов представлена в табл. 16.1.

Эти психические тесты проводились независимым психологом доктором Леопольдом Винтером (Leopold Winter). Подготовленный им отчет подтвердил диагноз МЛР и предоставил дальнейшие детали различий в личностях «двух» женщин. По мнению Винтера, проективные тесты показали, что личность Евы Черной сформировалась в результате регрессии к добрачному периоду. Он утверждал, что в данном случае имеется не две личности, а одна, по-разному проявляющая себя в разные периоды жизни. Основываясь на результатах применения метода психоанализа. Винтер предположил, что Ева Белая испытывала сильную тревогу при исполнении своей роли жены и матери. Только прилагая огромные усилия, она могла справляться с какой-то одной из этих ролей или с обеими сразу. Затрачиваемые усилия способствовали дальнейшему росту ее обеспокоенности и постоянному усилению ее враждебности к исполнению двух ролей. Эта враждебность была для нее неприемлемой, и поэтому Ева Белая использовала защитный механизм — в данном случае регрессию, — для того чтобы справиться с этим чувством тревоги: она удаляла конфликтную ситуацию из своего сознания. В то же время она (бессознательно) исполняла роль Евы Черной для того, чтобы направлять свою враждебность на Еву Белую, к которой она демонстрировала полное презрение из-за отсутствия у нее дара общего предвидения и смелости, необходимой для того, чтобы попытаться исправить ситуацию. (Объяснение с помощью действия «защитного механизма» перекликается с объяснением фобии маленького Ганса — см. главу 15.)

Во время исследования этого случая Тигпен и Клекли случайно встретили дальнего родственника семьи, который рассказал, что Ева Белая была прежде замужем. Однако Ева Белая отрицала существование подобного союза, и то же самое делала Ева Черная. Тем не менее, после дальнейших расспросов Ева Черная признала, что она была прежде замужем, но

что невестой была именно она, а не Ева Белая! Ева Черная сообщила, что однажды вечером, в тот период, когда Ева Белая работала далеко от родительского дома, она «внезапно выскочила» и отправилась пить и танцевать. После бурно проведенной ночи она в шутку согласилась выйти замуж за человека, которого едва знала. Хотя о таком замужестве нельзя было найти никаких официальных записей, Ева Черная сообщала, что была проведена какая-то неофициальная церемония бракосочетания и что она вышла за этого человека замуж. Она жила с ним как его «жена» в течение нескольких месяцев. В этот период Ева Черная, по-видимому, доминировала над Евой Белой. Ева Белая ничего не помнила об этом браке. Ева Черная объясняла это тем, что ей удалось разрушить какие-то элементы памяти Евы Белой.

Лечение Евы

Приблизительно после восьми месяцев психиатрического лечения у Евы Белой наметился обнадеживающий прогресс. У нее перестали возникать сильные головные боли и прекратились «отключения». Она получила продвижение на работе (как телефонный оператор) и завела нескольких новых подруг. Ева Черная скучала на работе Евы Белой и редко проявляла себя в рабочее время. Изредка она по-прежнему «выскакивала» в часы досуга, чтобы познакомится с каким-нибудь случайным мужчиной.

Таблица 16.1. Краткая сводка результатов диагностического тестирования Евы Белой — Евы Черной

Характеристика	**Ева Белая**	**Ева Черная**
Личность	Скромная, почти что святая	Эксцентричная любительница вечеринок
Лицо	Спокойная строгость с примесью печали	Озорные глаза, выражение своеволия на лице человека, никогда не знавшего печали
Одежда	Простая, опрятная, консервативная	Слегка вызывающая
Осанка	Легкая сутулость; размеренные движения человека, обладающего чувством собственного достоинства	Налет сексуальности чувствуется в каждом жесте
Голос	Мягкий, сдержанный женский голос	Грубый, дразнящий; в своей речи часто использует вульгаризмы
Характер / установка	Морально устойчива, трудолюбива, склонна к созерцанию, способна к пассивному сопротивлению, безынициативна; редко воодушевляется, редко шутит	Капризна, непостоянна, спонтанна, не способна к размышлениям, бессердечна, склонна к озорным выходкам, остроумна, умеет быстро вызывать симпатию
Оценка интеллекта (тест на IQ)	110 (на оценку могло повлиять состояние тревоги)	104 (на оценку могло повлиять безразличие к результату теста)
Результат проверки работы памяти	Лучше, чем у Евы Черной, и лучше, чем ожидалось в сравнении с полученным IQ; удивительный результат с учетом истории ее амнезии	Хуже, чем у Евы Белой, но в полном соответствии со значением IQ
Результаты теста Роршаха (с использованием	Очень беспокоится об исполнении своей роли	Легкая предрасположенность к

чернильных пятен)	жены и матери; есть признаки наличия синдрома навязчивых состояний	истеричности, но, в целом, более здоровая психика, чем у Евы Белой
Результаты других проективных тестов	Регрессия	Регрессия
Физическое здоровье	Отсутствие аллергий	Аллергия на нейлон

В эти периоды головные боли и «отключения» Евы Белой возвращались. Было отмечено, что «отключения» часто происходили во время замены одной личности другой, но Ева Черная утверждала, что ничего не знает о таких состояниях. Ева Черная проявляла любопытство к причинам «отключений» и не раз интригующе заявляла: «Я не знаю, куда мы идем, но мы продолжаем это делать». Несколько раз домашние находили Еву Белую лежащей на полу без сознания. Было заметно, что ее состояние ухудшается. Врачи пообещали поместить ее в психиатрическую лечебницу в надежде на то, что Ева Черная начнет сотрудничать с психотерапевтами из страха также оказаться в подобных стесненных условиях. Однажды во время сеанса, рассказывая об одном эпизоде из своего детства, она внезапно закрыла глаза и замолчала. Через две минуты она вновь открыла глаза, осмотрела комнату в состоянии крайнего недоумения, повернулась к Тигпену и спросила его незнакомым хрипловатым голосом: «Кто вы?» Так появилась третья личность, называвшая себя Джейн.

Сразу же стало очевидно, что Джейн была лишена недостатков Евы Черной, проявляла больше зрелости, живости, ума и выглядела более инициативной, чем Ева Белая. Джейн также знала, чем занимались Ева Белая и Ева Черная. Она была тем механизмом, с помощью которого психотерапевты могли узнать, лжет ли Ева Черная или нет. Хотя Джейн не чувствовала себя ответственной за то, как исполняет Ева Белая свои роли жены и матери, она проявляла к ней сочувствие в связи с ее непростым положением. Джейн начала выполнять некоторые функции Евы Белой — как дома, так и на работе. Она проявила готовность активно участвовать в воспитании дочери Евы Белой.

Вскоре после появления Джейн у всех трех личностей сняли электроэнцефалограммы. У Евы Черной и двух других личностей можно было заметить очевидные различия. У Евы Черной ритм релаксации составлял 12,5 цикла в секунду, т. е. был самым интенсивным из всех трех личностей и находился на границе аномальности. Далее по этому показателю шла Ева Белая, а у Джейн показатель интенсивности был самым низким, причем у обеих он не выходил за рамки нормальных значений.

Так как МЛР представляет собой расщепление личности, то на ранних этапах психотерапии Тигпен и Клекли пытались реинтегрировать две исходные личности вместе. Они рассчитывали добиться этого, вызывая обе личности одновременно. В результате у Евы возникали сильные головные боли и эмоциональные стрессы, из-за чего Тигпен и Клекли сочли неразумным продолжать действовать подобным образом. Однако теперь, когда появилась вызывающая большее доверие Джейн, стало возможным вовлечь ее в интеграцию всех трех личностей и сохранить полный контроль за этим процессом.

Тигпен и Клекли противились идее попытаться активнее поддерживать личность Джейн в ущерб двум другим личностям. Однако они писали, что Джейн разделяла их нежелание участвовать в любом действии, которое способствовало бы «угасанию» Евы Белой. Хотя мать ребенка Евы Белой по-прежнему существовала бы физически, Джейн не чувствовала бы себя настоящей матерью. Сама Ева Белая осознавала возможность того, что Джейн займет ее место, и, по-видимому, соглашалась с тем, что ее собственное «угасание» может позволить Джейн преуспеть в роли матери — в той роли, в которой она так и не смогла себя проявить. По сути, Ева Белая была готова «отдать жизнь» ради счастья своего ребенка.

Ближе к концу этого исследования Джейн написала письмо Тигпену с рассказом о том, как Ева Белая, рискуя жизнью, выбежала на дорогу, чтобы спасти чьего-то ребенка из-под

колес автомобиля. Она сообщала, что Ева Белая уходила с места происшествия, крепко прижимая к себе спасенного маленького мальчика. Она рассказала, как она (т. е. Джейн) должна была появиться и отдать мальчика в ближайший полицейский участок из опасения, что Еву Белую могут арестовать за похищение ребенка! Джейн писала, что она не могла бы спокойно созерцать, как умирает такая достойная личность. Джейн доказывала, что выжить должна не она, а Ева Белая. Кроме того, она писала, что больше не могла выносить Еву Черную, и спрашивала, не исчезла ли та вовсе. Последнее событие указывало на то, что личности успешно растворялись.

Вопросы для обсуждения

Однако это еще не было концом истории. Тигпен и Клекли описали случай Евы в своей книге,[115] по которой был снят одноименный фильм[116] («Три лица Евы» с Джоан Вудвард в главной роли). И книга, и фильм пользовались огромным успехом. Книга была переведена на двадцать два языка и удостоилась множества литературных премий, а Джоан Вудвард получила «Золотой Глобус» и «Оскара» (в номинации «Лучшая актриса») за роль Евы. И книга, и фильм помогли привлечь к МЛР внимание широкой общественности.

Некоторые специалисты подвергали сомнению исходный отчет Тигпена и Клекли об исследовании этого случая, а кроме того, задавались вопросы о том, не является ли сама Ева «мистификацией». Однако Тигпен и Клекли потратили на Еву очень много времени и были уверены, что даже профессиональный актер не смог бы сыграть три разные роли так согласованно и убедительно. Тигпен и Клекли предприняли усилия, чтобы подтвердить всю представленную ими информацию, и во многом смогли справиться с этой задачей благодаря свидетельствам родственников. Они также попросили независимого эксперта доктора Винтера выполнить различные физиологические и психологические тесты, результаты которых, по-видимому, подтвердили существование в одном человеке трех разных личностей.

Однако здесь, как и в любом специальном исследовании конкретной ситуации, также остается непонятным, имеют ли полученные результаты более общее значение, не ограниченное данным случаем. Был ли случай Евы уникальным или же он является типичным проявлением расщепления личности? Сосуществование в человеке нескольких личностей и демонстрируемые ими эффекты амнезии вполне соответствует типичному феномену МЛР (если таковой существует), но отсутствие свидетельств насилия над ребенком является необычным.[117] Этот случай основывается на ретроспективных воспоминаниях о событиях, а такие воспоминания могут быть не слишком надежными. Истории, рассказанные Евой Черной, законченной лгуньей, вызывают особое сомнение. Проводившиеся в течение четырнадцати месяцев сеансы психотерапии, общая продолжительность которых составила около ста часов наверняка позволили врачам установить тесные отношения с Евой. Хотя эти отношения могут рассматриваться как важная составляющая лечения, существует опасность того, что психотерапевты могли избирательно и предвзято сообщать информацию о пациентке.

Имеются и этические проблемы, которые необходимо рассмотреть в данном исследовании. Тигпен и Клекли признали это, когда стало возможным «убийство» одной из личностей, и они пришли к выводу о том, что «мы не считали себя достаточно мудрыми для того, чтобы принимать серьезные решения или оказывать личное влияние на формирование приближающихся событий». Многие утверждали, что, опубликовав материалы этого

---

[115] Thigpen C. H., Cleckley H. M. *The Three Faces of Eve* . USA: Seeker & Warburg, 1957.

[116] «Три лица Евы» (1957), режиссер Нунналли Джонсон, киностудия «XX век Фокс».

[117] Насилие над ребенком является неотъемлемой характеристикой последующих случаев расщепления личности, но не случая 1954 года.

исследования, Тигпен и Клекли недопустимым образом вторглись в жизнь Евы, а с учетом ее проблем остается неясным, действительно ли они получили ее осмысленное согласие на публикацию. По сути, их успехи (повышение статуса и финансовые выгоды) стали прямым результатом использования в своих интересах того трудного положения, в котором оказалась Ева. Однако они не назвали настоящего имени Евы и утверждали, что они просто помогли привлечь внимание к этому психическому расстройству и, таким образом, возможно, облегчили положение других людей, страдающих расщеплением личности.

Повторное появление Евы

Об этом случае не было слышно ничего нового вплоть до 1977 года, когда Крис Сайзмор заявила, что она и является реальной Евой (она сделала это в своей книге «Я Ева» — «I'me Eve»). Некоторые детали этого случая были описаны ею не так, как у Тигпена и Клекли. Она рассказала о двадцати двух разных личностях и о том, что все они существовали как до, так и после курса психотерапии. Далее она сообщила, что никогда не лечилась у Тигпена и Клекли, а в действительности проходила курс психотерапии у другого врача по имени Тони Тситос (Tony Tsitos). В другой, более поздней книге,[118] она утверждала, что окончательно избавилась от расщепления личности, которым страдала в течение сорока пяти лет, после лечения методом психотерапии, которое продолжалось в общей сложности более двадцати лет.

Сайзмор постепенно улучшала свое психическое состояние и уделяла много времени информированию о синдроме множественной личности. Она исследовала роль искусства как важного инструмента психотерапевтического процесса, выступала с лекциями об МЛР в Американской ассоциации психического здоровья и была удостоена многих наград за свою подвижническую деятельность.

Феномен Сибил

После истории Евы наиболее известным проявлением МЛР является случай Сибил — пациентки, у которой сформировалось шестнадцать разных личностей для того, чтобы справляться с ужасными проявлениями последствий физического и сексуального насилия над ребенком. В 1973 году этот случай был описан журналисткой Флорой Рэтой Шрайбер (Flora Rheta Schreiber) в книге, быстро ставшей бестселлером.[119] Эта книга стала одной из самых популярных книг года в разделе документальной литературы. По ее сюжету вскоре был создан хорошо известный телевизионный фильм «Сибил»,[120] в котором вновь снялась Джоан Вудвард, правда на этот раз в роли психотерапевта Корнелии Вилбур. И снова, как эхо успеха более раннего фильма, Салли Филд (Sally Field) получила премию «Эмми» за исполнение роли Сибил.

Однако, в отличие от исследования случая Евы, здесь имеются серьезные вопросы относительно достоверности случая Сибил. Герберт Шпигель (Herbert Spiegel), уважаемый психиатр, знал и Вилбур, и Сибил. Он даже упоминается в книге «Сибил» в разделе «Выражения признательности», хотя его имя нельзя больше встретить ни на одной другой странице этого бестселлера. Это выглядит удивительным, так как именно он несколько раз лечил Сибил, она даже участвовала в нескольких его демонстрациях возможностей гипноза, которые он проводил в колледже Колумбийского университета. Шпигель характеризовал Сибил как человека, легко поддаюоегося внушению, и отметил, что Вилбур сама могла стимулировать возникновение разных личностей, о которых она сообщала позднее. Сибил могла служить классической иллюстрацией возникновения ятрогенного (т. е. вызванного

---

[118] Sizemore C. C. *A Mind of My Own* . New York: William Morrow, 1989.

[119] Schreiber F. R. *Sybil. The True Story of a Woman Possessed by Sixteen Separate Personalities* . USA: Penguin, 1973.

[120] «Сибил» (1976), режиссер Дэниел Петри, CBS Fox.

действиями врачей) заболевания. По сути, в случае Сибил другие личности могли быть побочными продуктами внушений, которые делала Вилбур с помощью гипноза. Имеются сведения и о других негативных эффектах, связанных с представлением результатов исследования. Известно, что Вилбур выдвинула идею написания книги после того, как многие уважаемые журналы отказались печатать ее отчеты о данном случае. Утверждается также, что Шрайбер настаивала на том, чтобы Сибил «прошла лечение» до того, как она приступила бы к написанию книги.

Несмотря на все эти критические замечания, совместный эффект случаев Евы и Сибил способствовал росту осведомленности об МЛР как у медицинского сообщества, так и у широкой публики в целом.

Что произошло с Тигпеном о Клекли

Еще до публикации отчета об исследовании случая Евы, Клекли и Тигпен уже были уважаемыми учеными, успешно работавшими в области психотерапии. Но их книга обеспечила им широкую международную известность. В своей статье о частоте возникновения МЛР,[121] опубликованной через двадцать пять лет после выхода книге о Еве, Тигпен и Клекли предостерегали против необоснованного приписывания больным этого психического расстройства. На основании своего опыта они утверждали, что через их руки прошли сотни пациентов, направленных к ним их лечащими психотерапевтами с диагнозом МЛР. Однако Тигпен и Клекли утверждали, что за тридцать лет совместной практики, в течение которых они обследовали тысячи пациентов, им удалось выявить только один другой случай, который был, по их мнению, настоящим проявлением расщепления личности. Они описали толпы таких пациентов, направлявшихся к ним в клинику в штате Джорджия, как некое «паломничество». Они даже сообщали о женщине, которая, представляя им свои разные «личности» по телефону, говорила разными голосами!

Тигпен и Клекли обсуждали свои опасения по поводу того, что некоторые пациенты и, разумеется, некоторые психотерапевты пытаются привлечь внимание к себе с помощью диагноза МЛР. Они упоминали о пациентах, которые ходят от одного психотерапевта к другому до тех пор, пока не найдут специалиста, который согласится подтвердить их собственный диагноз расщепления личности. Хотя Тигпен и Клекли и признавали необходимость помогать таким пациентам, они не допускали возможности частого возникновения подобного психического расстройства. Они даже заявили о существовании нездоровой конкуренции среди некоторых пациентов и психотерапевтов за право считаться разглядевшим в одном человеке наибольшее количество разных личностей. Они предположили, что главной причиной такого поведения является повышенное внимание, привлекаемое к себе при постановке такого диагноза. Для некоторых пациентов здесь имеется и вторичная выгода: возможность избегать ответственности за свои действия. Тигпен и Клекли утверждали, что эта вторичная выгода может иметь особое значение при разбирательстве уголовных дел, когда диагноз МЛР может существенно повлиять на судьбу обвиняемого. Они сослались на известный случай Билли Миллигана,[122] которому первоначально поставили диагноз МЛР (диагноз также был поставлен Корнелией Вилбур, прославившейся благодаря истории Сибил). После лечения он был признан способным участвовать в судебном разбирательстве, но перед началом слушаний симптомы прежнего расстройства стали проявляться у него снова. Тигпен и Клекли предположили, что в подобных случаях желание избежать ответственности за совершенные действия может побуждать человека демонстрировать дальнейшее расщепление личности. Считается, что случай Миллигана был настоящим случаем проявления МЛР, но случайно (или намеренно)

---

[121] Thigpen C. H., Cleckley H. M. On the incidence of multiple personality disorder: a brief communication // *Int. J. clin. exp. Hypnosis* . 1984. Vol. 32 (2). P. 63 (6).

[122] Keyes D. *The Minds of Billy Milligan* . USA: Bantam Books, 1995 (reprint).

подтверждающим общую мысль Тигпена и Клекли о том, что многие случаи МЛР «создаются» самими психотерапевтами.

Тигпен и Клекли также выразили сомнение в том, что диагноз МЛР должен полностью освобождать человека от ответственности за свои действия. Они утверждали, что хотя основная личность может не помнить о поступках своих «альтернативных» личностей, эти «альтернативные» личности прекрасно осведомлены о своем поведении и никогда не предпринимают действий, способных поставить под угрозу существование личности индивида в целом. Они пришли к выводу, что диагноз МЛР должен ставиться только тем немногим людям, подобным Крис Сайзмор, фрагментация личности которых принимает самые крайние формы.

Клекли, поступивший в Оксфордский университет в 1926 году, к моменту выхода в свет книги «Три лица Евы» в 1957 году уже был профессором психиатрии и неврологии на медицинском факультете Университета Джорджии. Он умер 28 января 1984 года в возрасте семидесяти девяти лет.

Сходным образом сложилась и карьера Тигпена. Он посвятил медицине более пятидесяти лет и на момент выхода на пенсию в 1987 году занимал должность профессора клинической психиатрии на медицинском факультете Университета Джорджии. Тигпен умер 19 марта 1999 года в возрасте восьмидесяти лет.

МЛР: реальное или выдуманное?

До сегодняшнего дня диагноз МЛР остается очень ненадежным. Некоторые симптомы расщепления личности, такие как слуховые галлюцинации, создание выдуманных миров и нанесение себе увечий, могут наблюдаться и у шизофреников. Но расщепление личности не является формой шизофрении. В отличие от МЛР, шизофрения представляет собой разновидность психоза, при котором контакт с реальностью и выработка инсайта ослабевают. По сути, шизофрения подразумевает «дробление одного разума», в то время как МЛР подразумевает создание законченных целостных личностей. Пациенты-шизофреники обычно рассказывают психотерапевту о своих галлюцинациях и иллюзиях, а пациенты с МЛР не могут делать того же самого по причине глубокой амнезии. Ученым удалось выявить биологическую, или химическую, причину шизофрении, в то время как биологическая причина МЛР до сих пор не найдена. Возможно, из-за различий методов диагностики МЛР гораздо чаше встречается в одних западных странах (например, в США и Нидерландах), чем в других (например, в Великобритании и Германии). В первой половине XX-го века в научной литературе было всего лишь несколько упоминаний о МЛР. После появления в 1980 году руководства по психиатрическому диагностированию случаи расщепления личности внезапно стали фиксироваться повсеместно. В ходе масштабного обследования населения города Виннипег было установлено, что 1% взрослых жителей города, по-видимому, страдает расщеплением личности вследствие перенесенного в детстве жестокого обращения.[123]

МЛР остается преимущественно «западным» изобретением и редко регистрируется в других странах. Говорят ли такие цифры и факты о лучшем осознании и понимании этого расстройства или же они просто указывают на его ятрогенную природу? Около 85% всех случаев расщепления личности наблюдается у женщин. Происходит ли это потому, что существует прочная история возникновения МЛР у женщин, и этой традиции с большей вероятностью следуют в равной мере и пациенты, и психотерапевты, или же эта закономерность отражает то, как воспринимается женщина в нашем обществе? Имеется ли здесь какая-то связь с физическими и гендерными особенностями полов или же женщины с большей вероятностью становятся жертвами насилия в детстве и имеют большую потребность во фрагментации личности для защиты себя от таких испытаний?

---

[123] Ross C. A. Epidemiology of multiple personality disorder and dissociation // *J. Psychiat. Clinics of North America* . 1991. Vol. 14 (3), September. P. 503-517.

Еще одна проблема имеет отношение к амнезии событий, произошедших в детстве. По некоторым оценкам, в 90% случаев исходной причиной возникновения МЛР была детская травма (как правило, вызванная сексуальным насилием). Однако дети практически ничего не помнят о том, что происходило с ними до трехлетнего возраста, и очень мало — о том, что происходило с ними до пяти лет. Сторонники МЛР утверждают, что «другая» личность держится за болезненные воспоминания детства, потому что их не может вынести сама жертва. Ричард Клафт (Richard Kluft)[124] мог подтвердить только 15% сообщений о насилии, которому подверглись в детском возрасте пациенты с МЛР. Этот низкий показатель сам по себе не доказывает, что этих актов насилия не было. Ведь, в конце концов, каждый насильник заинтересован в том, чтобы скрыть или уничтожить любые следы преступления. Элизабет Лофтус (Elizabeth Loftus),[125] один из ведущих в мире экспертов по исследованию памяти, критически относится к идее о том, что маленькие дети могут сохранять особенно болезненные воспоминания. Она спрашивает авторов этой идеи, почему, в таком случае, дети ничего не помнят об уколах или операции обрезания? Вероятный ответ психоаналитиков может заключаться в том, что, возможно, дети подавляют подобные воспоминания.

С точки зрения сегодняшней диагностики МЛР существует и другая проблема. По иронии судьбы она ведет свое происхождение от случая Евы. Исследование Тигпена и Клекли получило такую известность и произвело такое впечатление на публику, что сегодня «не было найдено ни одного случая, в котором бы МЛР, как сейчас считается, доказало бы свое возникновение через бессознательные процессы без любого формирования или подготовки под воздействием внешних факторов, таких как врачи или масс-медиа».[126] Что касается Сибил, то она любезно согласилась прочитать книгу «Три лица Евы» и была очарована ею. Утверждалось, что на нее оказали чрезмерное влияние репортажи с рассказами об этом психическом расстройстве. По сути, ее научили, как исполнять роль.

В ходе нескольких широко известных исследований, проведенных в 1980-х годах, Николас Спанос (Nicholas Spanos)[127] обнаружил, что он может убеждать людей в наличии у них «альтернативных» личностей, прибегая лишь к незначительному внушению. Во многих случаях он добивался этого результата даже без помощи гипноза. Он утверждал, что подавленные воспоминания о пережитом в детстве насилии и синдром множественной личности являются «подчиняющимися специальным правилам социальными конструкциями, создаваемыми, получающими легитимность и сохраняемыми посредством социальных взаимодействий». Другими словами, большинство случаев расщепления личности создается психотерапевтами в сотрудничестве с их пациентами и остальной частью общества. Как нетрудно увидеть, среди врачей-психиатров существует разногласие по поводу аутентичности и диагностики МЛР. Но независимо от того, является ли расщепление личности реальным или ятрогенным расстройством, пациенты, уверенные в том, что они страдают МЛР, заслуживают помощи, а не осуждения.

В 1987 году Пол Чодофф (Paul Chodoff)[128] написал, что «в истории психиатрии

---

124 Kluft R. P. *Childhood Antecendents of Multiple Personality Disorder* (Clinical Insights Monograph). Washington: American Psychological Association, 1985.

125 Loftus E. F. *The Myth of Repressed Memories* . New York, NY: St. Martins Press, 1997.

126 Merskey H. The manufacture of personalities — the production of multiple personality disorder // *Brit. J. Psychiat* . 1992. Vol. 160. P. 327-340.

127 Spanos N. P. *Multiple Identities and False Memories: A Sociocognitive Perspective* . Washington: American Psychological Association, 1996.

128 Chodoff P. Effects of the new economic climate on psychotherapic practice // *Amer. J. Psychiat* . 1987. Vol. 144.

наблюдается тенденция к узнаванию некоторых состояний, повышению их популярности и последующему снижению к ним интереса в значительной степени под влиянием культурных детерминант». Ждет ли такая же судьба и множественное личностное расстройство?

P. 1293-1297.